

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1819-2653

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

METHODOLOGY AND HISTORY OF PSYCHOLOGY

НАПРАВЛЕНИЯ И ШКОЛЫ В ПСИХОЛОГИИ
НАСЛЕДИЕ Л. М. ВЕККЕРА

Научный теоретико-методологический и историко-психологический журнал

«МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ»

Издается с 2006 года (перерегистрирован в 2009 году)

Сайт журнала: <http://mhp-journal.ru>

Международный стандартный номер периодического издания: ISSN 1819-2653

Свидетельство о государственной регистрации: ПИ ФС77-35640 от 17.03.2009

Учредитель: Общероссийская общественная организация «Российское психологическое общество»

Журнал выходит четыре раза в год

Редакционная коллегия

В. Ф. Петренко (гл. ред., Москва), Ю. И. Александров (Москва),
В. М. Аллахвердов (Санкт-Петербург), А. А. Демидов (Москва),
И. Н. Карицкий (зам. гл. ред., Москва), Д. А. Леонтьев (Москва),
В. А. Мазилев (Ярославль), С. П. Сенющенко (Краснодар),
А. В. Юревич (зам. гл. ред., Москва)

Международный консультативный совет

Ч. И. Абрамсон (Стиллутер, Оклахома, США), Я. Вальсинер (Альборг, Дания),
Х. Люк (Хаген, Германия), Р. Смит (Ланкастер, Великобритания),
К. Шигемасу (Токио, Япония), В. А. Янчук (Минск, Беларусь)

Попечительский совет

И. Л. Сурат, Л. И. Сурат

Адрес редакции: 121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект,
д. 34, стр. 14, ком. 300, e-mail: ignikkar@mail.ru

Журнал «Методология и история психологии» издается

Московским институтом психоанализа,

адрес: 121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр. 14,
тел.: (495) 782-3443, e-mail: inpsycho@inpsycho.ru, сайт: <http://inpsycho.ru>

Все публикуемые статьи прошли процедуры рецензирования,
экспертного и конкурсного отбора.

Перепечатка материалов из журнала допускается только по согласованию с редакцией.

© «Методология и история психологии», 2018

На первой странице обложки фотография Л. М. Веккера, материалы,
посвященные 100-летию со дня рождения ученого, опубликованы на стр. 5–86.

РОССИЙСКОЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА, ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ
МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ПСИХОАНАЛИЗА

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

НАПРАВЛЕНИЯ И ШКОЛЫ
В ПСИХОЛОГИИ

НАСЛЕДИЕ Л. М. ВЕККЕРА

Выпуск 4

ОКТАБРЬ — ДЕКАБРЬ

2018

RUSSIAN PSYCHOLOGICAL SOCIETY
LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY
DEPARTMENT OF PSYCHOLOGY
MOSCOW INSTITUTE OF PSYCHOANALYSIS

METHODOLOGY AND HISTORY OF PSYCHOLOGY

**DIRECTIONS AND SCIENTIFIC SCHOOLS
IN PSYCHOLOGY**

THE HERITAGE OF L. M. VEKKER

Issue 4

OCTOBER — DECEMBER

2018

С О Д Е Р Ж А Н И Е

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Л. М. ВЕККЕРА	5	<i>Н. А. Логинова</i> Научное наследие Л. М. Веккера в пространстве психологической науки
	17	<i>В. Д. Балин, Ю. В. Степанова</i> Л. М. Веккер и Санкт-Петербургская психологическая школа
	34	<i>Л. В. Меньшикова</i> Воспоминания о Льве Марковиче Веккере
	40	<i>Л. И. Вассерман, Т. В. Чередникова</i> Актуальные проблемы современной нейропсихологии в свете общей теории психики Л. М. Веккера
	55	<i>Л. В. Меньшикова</i> Образные компоненты интеллектуальной деятельности в теории Л. М. Веккера
	64	<i>Т. В. Чередникова, И. В. Логвинова</i> Проблемы психокоррекции когнитивного дефицита у детей с позиций общей теории психических процессов Л. М. Веккера
	73	<i>Н. А. Логинова, Н. В. Беломестнова</i> Научные труды Л. М. Веккера
	78	<i>Т. В. Чередникова</i> Л. М. Веккер: фотоальбом
МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ	87	<i>Х. Э. Люк</i> История психологии: ее методология и методы
	101	<i>И. Вильш</i> Методологические требования к научным теориям гуманитарной сферы
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ	111	<i>Г. Вультей</i> Диатриба о философском совершенстве человека
	141	<i>Н. Ю. Стоюхина, В. А. Мазилев</i> Одиссея профессора Четверикова
	160	<i>И. А. Сусоколова</i> Проблема кризиса в психологии: Л. С. Выготский и современность (часть 2)
СОБЫТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ	175	<i>Е. В. Харитонова, Б. Н. Тугайбаева</i> Памяти Веры Александровны Кольцовой
	178	Аннотации статей на английском языке
	205	Сведения об авторах

C O N T E N T S

THE SCIENTIFIC HERITAGE OF L. M. VEKKER	<p>5 <i>N. A. Loginova</i> L. M. Vekker's scientific heritage in the field of psychological science</p> <p>17 <i>V. D. Balin, Yu. V. Stepanova</i> L. M. Vekker and the Saint-Petersburg psychological school</p> <p>34 <i>L. V. Menshikova</i> Memories on Lev Markovich Vekker</p> <p>40 <i>L. I. Wasserman, T. V. Cherednikova</i> Current problems of modern neuropsychology in the light of L. M. Vekker general theory of psyche</p> <p>55 <i>L. V. Menshikova</i> The figurative components of intellectual activity in L. M. Vekker's theory</p> <p>64 <i>T. V. Cherednikova, I. V. Logvinova</i> Problems of psychocorrection of cognitive deficits in children from the standpoint of L. M. Vekker's integrated theory of mental processes</p> <p>73 <i>N. A. Loginova, N. V. Belomestnova</i> L. M. Vekker's scientific works</p> <p>78 <i>T. V. Cherednikova</i> L. M. Vekker: a photo album</p>
METHODOLOGY OF HISTORY OF PSYCHOLOGY	<p>87 <i>H. E. Lück</i> Psychology history: methodology and methods</p> <p>101 <i>J. Wilsz</i> Methodological requirements to humanities scientific theories</p>
HISTORY OF PSYCHOLOGY	<p>111 <i>H. Vultejus</i> The diatribe on the man's philosophical perfection</p> <p>141 <i>N. Yu. Stoyukhina, V. A. Mazilov</i> The odyssey of professor Chetverikov</p> <p>160 <i>I. A. Sousokolova</i> The problem of crisis in psychology: L. S. Vygotsky and modernity (part 2)</p>
EVENTS OF PSYCHOLOGICAL LIFE	<p>175 <i>E. V. Kharitonova, B. N. Tugaybaeva</i> In memory of Vera Alexandrovna Koltsova</p> <p>178 Abstracts & References (in English)</p> <p>205 Information about Authors</p>

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Л. М. ВЕККЕРА

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Л. М. ВЕККЕРА В ПРОСТРАНСТВЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Н. А. Логинова

*Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: n_a_loginova@mail.ru*

Л. М. Веккер — выдающийся психолог, автор оригинальной теории, университетский профессор, представитель Петербургской научно-психологической школы. В его работах прослеживаются идейные связи с научными теориями В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. В своем творчестве Веккер ставил масштабные задачи — создавал общую психологию психических процессов и вплотную подошел к построению единой теории психологии — от процессов до личности. В основу было положено естественно-научное понятие сигнала, информационного по своей сути. Объяснительные возможности теории Веккера вытекают из положения о том, что психические явления подчиняются общим законам физического мира и вместе с тем они чрезвычайно специфичны. Веккер дает объяснения психическим процессам посредством соотношения их характеристик с закономерностями и понятиями пространства, времени, информации, энергии и вещества. Психическое время, пространство и пр. — соприродны физическим, но имеют с ними принципиальные различия. Теория Л. М. Веккера не пользуется популярностью у современных психологов, потому что она не вписывается в обычные представления о предмете психологии и потому что она трудна для освоения и не вызывает интереса у прагматически настроенных специалистов и студентов. В статье утверждается, что теория Веккера актуальна в современной психологии, поскольку она имеет большой потенциал для развития и объяснения психических явлений. Она строго последовательна, логична, историко-научно, теоретически и эмпирически обоснована и потому убедительна. Она применима к разным сферам практики. Веккер — образец настоящего ученого и университетского педагога, знаток истории и теории психологии, а также философии, физики, биологии, кибернетики, способный к взаимодействию со смежными науками в целях развития самой психологии. Принципиальная позиция Веккера в гражданском поведении подкреплялась его приверженности истине. Теория достойна, чтобы ее изучали в современных университетах. Ее надо активно включать в современный научный дискурс. Труды Льва Марковича Веккера, его жизненный путь достойны стать самостоятельным предметом глубокого изучения историками и методологами науки. Произведения этого ученого необходимо переиздавать с научными комментариями, в том числе на английском языке, и продвигать в современную научную среду. В статье приводятся факты из биографии ученого и о его окружении.

Ключевые слова: Л. М. Веккер, биография Л. М. Веккера, творческое наследие Л. М. Веккера, Петербургская (Ленинградская) психологическая школа, психические процессы, сигнал, информация, психическое, образ, современная ситуация развития психологии.

DOI: 10.7868/S1819265318040015

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ-ОГОН). Проект № 17-06-00484 «История Петербургской психологической школы (1941–1991): архивные разыскания и изучение источников»

Для цитаты: Логинова Н. А. (2018). Научное наследие Л. М. Веккера в пространстве психологической науки // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 5–16.

В год празднования столетия со дня рождения Льва Марковича Веккера (1918–2001) возникает вопрос о месте и роли этого выдающегося ученого, деятеля Петербургской (Ленинградской) психологической школы в отечественной психологической науке. Непростая, крупномасштабная теория Л. М. Веккера и его незаурядная индивидуальность мало известны современным психологам. Архивные материалы о нем остаются нетронутыми, неисследованными историками науки. Нет ни одной диссертации, ни одной монографии, посвященных творчеству этого ученого. Его труды, за некоторыми исключениями, фактически выпали из современного научного дискурса. Почти нет ссылок на его работы в современных статьях и книгах. Показательно, что даже в лучших современных учебниках по истории психологии, написанных известным историком науки А. Н. Ждан, вы не найдете упоминаний о Л. М. Веккере (Ждан, 2012; 2016). Нет имени Л. М. Веккера и на страницах учебника «Психология», написанного большим коллективом авторов из СПбГУ (Крылов, 1998). Есть, правда, сборник статей, посвященный 90-летию Л. М. Веккера, изданный мизерным тиражом в СПбГУ (Холодная, Осорина, 2008). Студенты большинства психологических факультетов, кроме разве что самых пытливых, не имеют никакого представления о Л. М. Веккере и его научном

творчестве¹. Стоит задуматься над этими и другими подобными фактами.

В чем причины забвения ученого

Может быть, Л. М. Веккер не был значительным явлением в отечественной психологии, а его теория психических процессов не актуальна и не перспективна? С этим предположением никогда не согласятся те, кто глубоко знает его теорию и самого Льва Марковича. Наперекор забвению и невежеству его ученики и последователи развивают его идеи в собственных оригинальных исследованиях и стремятся передать духовный заряд веккеровской теории новым поколениям психологов².

¹ По моим многолетним данным, а я проводила блиц-опрос студентов-психологов России и Казахстана о том, кого они считают выдающимися российскими (советскими) психологами, Л. М. Веккера упоминали считанные единицы. Эта констатация не относится к современному психологическому факультету Санкт-Петербургского университета, в котором имя и труды Л. М. Веккера не забыты и почитаемы. Соответствующее отношение формируется учениками Льва Марковича, которые успешно трудятся здесь по настоящее время.

² В Петербурге активно работают ученики Льва Марковича, которые продолжают его линию. Назову здесь М. В. Осорину, Т. В. Чередникову, Н. В. Беломестнову. Есть ученики и последователи в Новосибирске, Томске и других городах, среди них Л. В. Меньшикова. Особо значительные исследования, вдохновленные идеями Веккера, выполнены М. А. Холодной (Москва).

Понять ситуацию с наследием Л. М. Веккера трудно без обращения к состоянию психологической науки и сообществу психологов во времена его деятельности и после него. Л. М. Веккеру повезло учиться у Б. Г. Ананьева, который на деле заботился о своих учениках и сотрудниках, помогал им найти себя в науке, содействовал научному росту и карьере. Лев Маркович был всю жизнь ему благодарен за поддержку и относился к Борису Герасимовичу с пиететом, как к учителю и старшему другу. Не без содействия Бориса Герасимовича Веккер — блестящий выпускник психологического отделения Ленинградского университета — получил возможность стать аспирантом и с успехом защитил кандидатскую диссертацию «Некоторые закономерности динамики осязательного образа» в 1952 г. (научный руководитель Б. Г. Ананьев). Заметим, что это в период, когда по указанию Сталина была запущена кампания «борьбы с космополитизмом», пропитанная ксенофобией и антисемитизмом.

После защиты диссертации Лев Маркович некоторое время преподавал в Библиотечном институте им. Н. К. Крупской в Ленинграде (теперь Санкт-Петербургский институт культуры и искусств), а потом четыре года работал в Вильнюсском государственном педагогическом институте старшим преподавателем, доцентом, а с 1956 г. заведующим кафедрой. Здесь он получил большое признание и уважение, чему поспособствовало и освоение литовского языка. В 1959 г. по предложению Ананьева и при его поддержке вернулся в родной университет и работал на психологическом отделении в только что созданной лаборатории инженерной психологии, а потом на кафедре общей психологии вновь открывшегося факультета психологии. В 1964 г. защитил докторскую диссертацию «Восприятие и основы его моделирования». В 1968 г. получил звание профессора.

Научный талант, увлеченность, трудолюбие Льва Марковича высоко ценили коллеги по университету, психологи Ленинграда и страны. Об этом свидетельствуют многочисленные поздравления, полученные им к 60-летию, в том числе от Института психологии АН СССР за подписью Б. Ф. Ломова, НИИ психологии АПН СССР за подписью А. А. Бодалева, от обществ психологов Армении, Грузии, Вильнюсского и Тартуского университетов, Ташкентского педагогического института, отдельных известных психологов из многих психологических центров Советского Союза (Логинова, 2019).

В то же время были ученые, которые сдержанно и даже порой скептически относились к оригинальной, непривычной по постановке проблем и подходу к ним теории Веккера. Как свидетельствуют архивные документы (Протокол..., 1967), на обсуждении его доклада по материалам докторской диссертации и монографии (Веккер, 1964) на кафедре общей психологии Ленинградского университета (ныне СПбГУ) прозвучали высказывания, что это не совсем психология, а наваянная модной кибернетикой конструкция (выступления профессоров В. Н. Мясищева, Ю. А. Самарина и доцента М. Д. Александровой)³. Среди советских психологов бытовало мнение, что теория Веккера — пример редукционизма и физикализма, что она отрицает специфичность психики. Даже А. В. Брушлинский, так много сделавший для развития общей психологии, не воспринял веккеровскую теорию и не ссылался на нее, насколько мне известно⁴.

³ А строгая и насмешливая Нина Александровна Тих в шутку в кулуарном разговоре как-то назвала его не Марковичем, а *Мороковичем*. Впрочем, звучало это добродушно.

⁴ Как сказал в 1977 г. в беседе со мной Лев Маркович, на его книгу приходили отклики не столько психологов, сколько инженеров и естественников. Видимо, им был близок ее последовательный и доказательный стиль.

Итак, одна из причин относительного забвения теории Веккера, как можно думать, состоит в недостаточном ее знании и понимании в психологическом сообществе, особенно среди тех, кто не принадлежит Петербургской психологической школе с ее традиционной близостью к естественным наукам. Лев Маркович был выдающимся деятелем этой научной школы, заложенной Бехтеревым и возрожденной на новом уровне науки Ананьевым. Выступая в родном университете на праздновании своего шестидесятилетия в 1978 г., Лев Маркович сказал: «Я глубоко убежден, что всему, что сделал Борис Герасимович, принадлежит будущее и не только в смысле *психологических идей*, но в смысле *психологии людей*. Я глубоко убежден, что дальнейшее развитие Ленинградской школы будет способствовать повышению человеческих ресурсов, расширенному воспроизводству человеческого интеллекта и эмоционального потенциала» (Логинова, 2019).

Генетическая связь теории Л. М. Веккера с предшественниками, основателями Петербургской психологической школы, просматривается в его основополагающих идеях, перекликающихся с идеями В. М. Бехтерева о «мировой энергии» и психике как ее проявлении, применимости общенаучных понятий пространства и времени к психической реальности (исследования Б. Г. Ананьева по чувственному отражению пространства и времени), интерес к осязанию и вообще сенсорно-перцептивным процессам как источнику всей иерархии ментальных процессов. К тому же научный стиль Веккера соответствует Петербургской школе, которой свойственно стремление к объективности психологического познания. Веккер ставил вопрос о пределах независимости образа, образа в широком смысле слова, от субъекта. Он полагал, что психическое отражение изоморфно своему объекту, содержит инвариант инфор-

мации об объекте, обусловленный структурой и свойствами объекта.

Есть и социальная причина фактического забвения Л. М. Веккера. Его богатая индивидуальность, как это бывает в человеческом сообществе, вызывала противоречивые отношения к нему. Нельзя было не заметить его талантливость, смелость мысли, но именно это вызывало у некоторых раздражение, зависть, вольное или невольное стремление «поставить на место», подчеркнуть равенство его с остальными и т.п. Подобные Веккеру люди не бывают в фаворе у начальства и редко получают официальные регалии. Вот и Лев Маркович не был академиком Академии педагогических наук СССР, не входил в редколлегия «Вопросов психологии», не получал премий за свои книги⁵. А ведь для многих людей официальное признание или непризнание — указание на степень ценности вклада ученого. Казаться большим ученым и быть им — разные вещи. Но публика, профаны в данной сфере понимают это не всегда и не сразу. Быструю популярность легче завоевать рекламой и саморекламой, а не трудоемкой научной работой. Веккер не стремился к популярности, но сам собой сложился круг его научных поклонников. Спустя десятилетия, после того как Лев Маркович покинул СССР, этот круг поредел. Закономерно на первый план вышли новые «кумиры». Отменяют ли их достижения то, что сделали предшественники? Конечно, нет. Наука развивается преемственно. Даже научные революции подготавливаются долгим научным процессом, но для каждого конкретного случая

⁵ Правда, в составе авторского коллектива Лев Маркович стал лауреатом премии АПН РСФСР за монографию 1959 г. «Осязание в процессах познания и труда». Много позже, в 1995-м, был избран почетным членом Балтийской академии педагогических наук, образованной научными сообществами трех постсоветских стран Балтии.

степень преемственности разная, как и степень перспективности былых теорий.

В чем ценность и значение теории Веккера для современной психологической науки

Как прежде, так и в наши дни отставание общей психологии как основы для всех отраслей психологической науки очевидно. «Тысячеглавая гидра эмпиризма» грозит поглотить психологию, предупреждал Веккер. Мы наблюдаем явный уклон научного процесса в добычу множества эмпирических данных, которые не становятся научными фактами, потому что бывают не соотнесены с общими законами психологии. С другой стороны, появляются малообоснованные, претенциозные, квазинаучные «модели» сознания, деятельности, личности и т.д. В том и другом случае трудно ожидать обогащения теоретического и эмпирического фонда психологической науки *по существу*, т.е. достижения нового качества понимания и объяснения психического.

Лев Маркович был из тех редких ученых, кто отваживался заниматься коренными вопросами науки. Что есть психическое, как оно порождается, из какого «материала» строится сознание, чем обеспечивается его функционирование? Он подступался к глубинным вопросам психологии, опираясь на естественно-научное знание — физику, биологию, кибернетику, технические науки. При этом вовсе не пренебрегал социогуманитарным, историко-научным и философским знанием. Огромная эрудиция Веккера была ему в помощь. Исходная установка его исследования состояла в преодолении представления об *абсолютной* уникальности психики. Веккер хотел вывести ее уникальные свойства из общих законов материального мира, показать в этих свойствах частные, весьма специфические проявления общих свойств и форм материи —

пространства-времени, энергии, вещества, информации (негэнтропии). Теория Веккера сложна и непривычна для психологов по своему понятийному аппарату. Эта концепция недостаточно осмыслена и оценена его современниками и новыми поколениями ученых, но она сильно повлияла на идейных потомков Веккера, что мы видим на примере Марины Александровны Холодной, создавшей онтологическую теорию интеллекта (Холодная, 1997). Теория Веккера почти не поддается схематичному изложению. Но при написании данной статьи придется рискнуть и попытаться схематизировать веккеровскую теорию, чтобы хоть как-то обозначить ее некоторые важные черты.

Л. М. Веккер выстроил на едином основании очень логичную объяснительную систему знания о психических процессах. В основу была положена идея сигнала и его информационной сущности. Психический процесс — частный случай сигналов, т.е. информации, которая отражает объект-источник и регулирует поведение субъекта-приемника. В мире существуют физические, биологические и психические сигналы. Последние в разной степени изоморфны своему объекту, т.е. более или менее объективно отражают (грубо говоря, копируют) его свойства. Степень подобия зависит от условий получения и передачи информации от объекта-источника и природы самого объекта-приемника. Передача информации осложняется внешними помехами и несовершенством, ограниченностью возможностей приемника. В психологии приемником является субъект — живая система со своей структурой. Структура субъекта и его собственная активность опосредуют отражение свойств объекта-источника (Веккер, 1964; 1974; 1998). Это так, но Веккера больше интересовала детерминация психического образа и мысли объектом, а уже во вторую очередь детерминация со стороны субъекта.

Опорой психологического теоретизирования у Веккера служат теория сигналов и физиологическая рефлекторная теория И. М. Сеченова и И. П. Павлова, а также теория Н. А. Бернштейна. Порождение психического образа объясняется декодированием нервного сигнала таким образом, что в конце рефлекторного кольца воспроизводится состояние рецептора, которое было в момент взаимодействия рецептора с физическим сигналом от источника. Отражательная и регулирующая функции психического образа представлены в теории Веккера как непрерывные преобразования нервных кодов в образы и наоборот. Причем рецептор выступает и как эффектор, продуктом которого является чувственный образ.

В теории Веккера психические процессы четко разграничены. Образы в широком смысле слова имеют свое место в иерархии уровней изоморфизма (подобия) — от топологического к метрическому. Ученого волновал вопрос о качественном рубеже между физиологическим и психическим сигналами, ощущениями, между чувственными процессами отражения и мышлением. Процесс мышления он трактовал как взимообратимый перевод сигналов с языка образов на язык вербально-логических символов. Понятно, что он критично относился к идее Вюрцбургской школы о безобразном мышлении.

Весьма оригинальна разработка вопроса о природе эмоций и воли. Эти процессы, их содержание определяются их когнитивной составляющей. Она задает им место на шкале изоморфизма. Например, Веккер пишет о высшем уровне переживаний — нравственных чувствах — как о таких, «когнитивный компонент которых имеет сложную структуру, включающую в себе психическое отражение объективной иерархии социальных ценностей» (Веккер, 1981, с. 150). При этом эти процессы имеют ярко выраженную специфику, которую Веккер объяс-

няет опять-таки через общие понятия энергии, пространства и пр.

Есть и другое основание для объяснения данных явлений — уже со стороны не объекта отражения, а субъекта с его многоуровневой структурой потребностей — от органических до нравственных. «На высшем уровне иерархии эмоций, построенной по критерию степени организованности и уровня обобщенности их когнитивных компонентов, располагаются нравственные переживания. Только здесь субъектный компонент этих эмоций достигает полноты интегральности, т.е. необходимым образом воплощен в личности как целостном психическом субъекте психических, в частности эмоциональных явлений» (там же, с. 151).

Положение о сигнальной природе чувственных и логических форм отражения, а затем и всех других психических процессов, включая эмоции, волю, память, внимание, речь (Веккер, 1976; 1981), позволяет Веккеру строить действительно *общую* психологию, объединенную единым понятийным аппаратом⁶. В большей степени ему удалось выполнить эту задачу. Но он шел дальше и задумывал охватить своей теорией также и психологию личности. В решении этой задачи главную роль сыграло представление об *иерархии носителей* сигналов разного качества в системе человека-субъекта. Эта идея стала источником онтологической концепции психического как особого, относительно автономного мира.

Исходным носителем является человек-индивид, его тело и, главное, мозг. Психическое — функция мозга. Это клас-

---

⁶ Веккер был против обилия произвольных псевдопонятий, которые при ближайшем рассмотрении оказываются либо синонимами известных понятий, либо словесными пустышками, за которыми ничего содержательно нового нет. Он указывал на избыточную метафоричность языка нашей науки. Во всем этом он видел приметы ее недостаточной зрелости.

сическое материалистическое определение наполняется новыми смыслами у Веккера. Он не останавливается на этой истине, а развивает ее, показывая, какие системные основания психических свойств нарастают над этим фундаментом. Он четко разводит понятие «свойство системы» и понятие «элемент». Системы сознания и личности состоят не из своих свойств, но элементов структуры. Их надо изучать, как это делают в химии и физике. Эти естественные науки в своем историческом развитии отказались от мифических флогистона или магнитной жидкости в результате открытий элементов вещества и электрического тока (примеры взяты из лекций Л. М. Веккера 1981 г. в записи К. Д. Шафранской, хранящейся в моем домашнем архиве. — *Н. Л.*)⁷.

Л. М. Веккер утверждал, что и общая психология личности, подобно психологии процессов, должна строиться на основе общенаучных понятий — пространства-времени личности, информации, энергии, вещества (материала). В исследованиях современных психологов все эти понятия уже работают. Есть психологическое время личности и ее суверенное пространство. Есть энергия личности (сила воли, сила мотива и сила Я), Я-концепция на базе переживания своей телесности и целостности своего внутреннего мира (здесь прототипом, как можно думать, является идея вещества). Информационное содержание личности явно присутствует в убеждениях, мировоззрении, идеалах и в иерархии мотивов как негэнтропийной, т.е. информационной структуре. Эти и другие факты новейшей истории психологии свидетельствуют, что она идет по пути, на который в 1950–1960-х гг. вступил Веккер, наследуя Бехтереву с его идеей «мировой» энер-

гии и Ананьеву с идеями и исследованиями в области психоэнергетики и отражения пространства.

Веккер дает четкие критерии психического, критерии выделения и разведения разных уровней в структуре сознания, начиная от ощущений и органических эмоций, натуральных мотивов, стремлений и кончая понятийным мышлением, нравственными чувствами, идейными мотивами и волей. Такая процедура создана им на основе идеи уровня обобщенности информации, присущего каждому уровню психического отражения: чувственные процессы отражения, ощущения, восприятия, представления качественно отличны от процессов мышления. Они отражают свойства и предметы, но не отношения сами по себе. Чувственным формам доступны отношения не абстрактно, а лишь фигуративно, в совокупности с предметами — носителями отношений. Развитое мышление выделяет сами отношения и фиксирует их в понятии.

Веккер наиболее тщательно разработал проблему познавательных процессов, но распространил объяснительную схему на все остальные явления, в том числе эмоции и волю. В его теории сознание выступает как интеграция всех психических процессов, как атрибут человека — субъекта, личности, индивидуальности, как жизненно важный «орган» человека.

Что дают труды Веккера людям, изучающих психологию, студентам и просто интересующимся наукой

Теория Л. М. Веккера при ее глубоком освоении способствует наведению порядка в личной системе знания каждого вдумчивого читателя. Она на редкость логична и последовательна, опирается на огромный эмпирический и теоретический материал, почерпнутый из золотого фонда науки и не только психологии, трудов предшественников и современни-

⁷ Примечательно, что Лев Маркович в последние годы жизни работал над книгой по истории алхимии.

ков, а также эмпирических исследований, выполненных Л. М. Веккером и учениками под его руководством. Высокий уровень теоретизирования, дедуктивный ход веккеровской логики — редкий образец мышления в науке психологии.

Теория Веккера вместе с тем практична, как это ни покажется маловероятным на первый взгляд. Его исследования, как всякая основательная теория, применимы в техническом моделировании познавательных процессов, медико-психологической диагностике и коррекции (Вассерман, Чередникова, Логвинова, 2014), педагогике средней и высшей школы (Меньшикова, 2008; Холодная, Гельфман, 2016). Напомним, что в первой половине 1960-х гг. Веккер работал в лаборатории инженерной психологии, которая решала прикладные задачи, а много позже уже в США его исследования по осязанию оказались востребованы в американской инновационной корпорации BDM (Осори́на, 2008).

Теория Веккера, разумеется, не ставит последнюю точку в решении коренных проблем психологии, но она дает аргументированные, хотя и не исчерпывающие объяснения многим загадкам психологии. Поэтому ее необходимо знать, заново обдумывать и вводить в новые научные контексты.

Кто это должен сделать и каким образом

Это должны сделать, во-первых, его ученики, получившие теорию непосредственно от него, продолжающие его линию. Их не так много, но они есть. Они ведут свои исследования в духе Веккера (Логинова, Осори́на, Холодная, Чередникова, 2018). Косвенные влияния творчества Веккера можно обнаружить и у других исследователей.

Во-вторых, историки психологии. Нужно, наконец, в полную меру ответ-

ственности и профессионализма заниматься историей нашей науки. Дел очень много, и молодые силы для этого крайне нужны. Сам Лев Маркович был глубоким знатоком истории психологии, активно осваивал и применял в своей работе знания из истории науки, как отечественной, так и зарубежной. Теперь он сам и его творческое наследие стали историческим явлением. Это наследие, нет сомнений, имеет потенциал развития.

Ценность этого богатства велика. Надо писать диссертации и публиковать монографии о нем и его теории. Срочно следует готовить к переизданию книги Л. М. Веккера с добротным научным аппаратом, комментариями. К тому же необходимо разыскать, каталогизировать, изучить документы его научного архива, составить полный аннотированный указатель трудов, перевести на английский язык основные работы 1960–1980-х гг. Историк науки, не только исследователь, просветитель, но и активный сторонник, не побоюсь этого слова, пропагандист своего героя и, главное, его творческого наследия.

Вместо заключения

Размышления о Л. М. Веккере фокусируются, в конце концов, на современности. В юбилейный год ученого острее видятся противоречия и пороки в актуальной ситуации развития психологической науки. Навязанная нынешними менеджерами гонка за количественными показателями публикаций в избранных журналах и тому подобные инновации мало отражают истинную ценность ученого и его достижений, отвлекают от главной функции — добывания крупниц истины и приближения к целостному, глубокому знанию о предмете и объекте познания. Явления бессмысленной формализации и регламентации научной деятельности плодят псевдоученых и препятствуют развитию

науки. Такие подлинно творческие люди, как Веккер, с ней несовместимы. Им особенно нужна атмосфера творческого общения, смелые, деловые обсуждения научных проблем. В таком свободном общении развивается мысль. И сегодня важно снова и снова инициировать, поддерживать методологические и теоретические семинары, дискуссии на страницах научной печати и в диссертационных советах.

Лев Маркович — воспитанник и деятель университета. Классический университет, по идее, — это прибежище неординарных, творческих людей, умеющих производить новое знание и отличать квазинауку от настоящей науки. Где как не в университете ученые могут заниматься любимой работой, размышлять о сути вещей, а не гнаться за количеством каких угодно публикаций. Лев Маркович любил университет, суть университета за свободой творчества. В университете как образовательном учреждении главный результат — выпускники, думающие развитые личности. И в этом плане педагогическая деятельность профессора Веккера имела высокую *практическую* значимость. Лев Маркович каждой своей лекцией — проблемно заостренной, яркой и незабываемой, самым своим явлением в поле жизни универсантов воспитывал мыслящих, культурных людей — молодую интеллигенцию, интеллектуальную элиту страны.

Университет призван быть питомником свободомыслия. Покушения на университетские и академические свободы были раньше и продолжают в наше время. Лев Маркович этому противостоял, как мог. У него было развитое чувство собственного достоинства. И научную деятельность он воспринимал не только как познание, но и как нравственное деяние. Отличить правду от лжи, справедливость от несправедливости, добро от зла легче, когда есть четкие объективные критерии. А их дает наука, потому она служит, должна служить опорой для этики науч-

ного сообщества, нравственного поведения ученого⁸.

Лев Маркович доказал своей судьбой нравственную силу, которую сообщает человеку процесс поиска истины. Он рано начал свой научный путь. Еще будучи жаждущим знания подростком, осознанно решил переехать из родной Одессы в Ленинград, чтобы приобщиться к научной и культурной жизни великого города. Он искал себя, не боясь делать крутые повороты на жизненном пути — пробуя учиться в медицинском училище, потом на физическом, историческом факультетах и, наконец, на отделении психологии философского факультета Ленинградского университета. В годы войны Лев Маркович Веккер оставался и работал в блокадном городе, за что награжден медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В 1944 году молодой Лев Веккер по счастливому случаю попал на лекцию Б. Г. Ананьева в лектории Общества «Знание» и сразу понял, что психология — именно то, чего он жаждал. Он решил стать психологом.

Почти всю свою научную жизнь Лев Маркович провел в Ленинградском университете, но в начале 1980-х гг. был вынужден уйти с факультета психологии. К этому шагу его вынудила обстановка, сложившаяся после кончины Б. Г. Ананьева. Веккера тревожила судьба науки, стиль руководства на факультете, узвяляло и неуважительное отношение оппонентов⁹. В итоге конфронтации с руководителем факультета по принципиальным

⁸ Об этом нравственном значении науки Лев Маркович говорил на своем юбилее в 1978 г. (Логинова, 2019).

⁹ Трудно писать об этой истории — не хочется быть голословной, т.к. документированные доказательства не найдены. Но устные свидетельства имеются (в частности, в мемуарном выступлении В. Н. Куницыной на торжественном заседании факультета психологии СПбГУ, посвященном Л. М. Веккеру, 25 октября 2018 г.).

соображениям Веккер в расцвете творческих сил остался не у дел. Нет, неправильно, дело у него было всегда и в любых обстоятельствах — наука. А вот места работы он лишился, и, казалось, никому, кроме семьи, любимой жены Мины Яковлевны, не был нужен. Единственный сын Борис переехал в США на постоянное местожительство. Пожилые Веккеры вслед ему в 1983 г. подали заявление на выезд, получили отказ и стали «отказниками»¹⁰. В то время в СССР к эмиграции относились осуждающе и/или опасно. Поддержка, даже контакты с отказниками могли обернуться большими неприятностями на службе и по партийной линии. Отошли в сторону старые друзья, бывшие сотрудники и кое-кто из учеников. Жить стало томительно тяжело, но Лев Маркович не опускал руки и продолжал работать дома¹¹.

В начале перестройки в 1987 г. Веккеры с болью в сердце покинули страну и направились в Америку, как думали, «доживать век». Но оказалось иначе. На чужбине образовался круг ценителей таланта и научных достижений Л. М. Веккера. При содействии новых знакомых нашлось место работы в корпорации BDM, Институте перспективных исследований им. Ш. Краснова и Университете Джорджа Мейсона. Уже в постсоветские времена Лев Маркович прилетал в Россию, бывал в Петербурге и Москве. Он выступал с лекциями в разных аудиториях и, конечно, в родном Санкт-Петербургском университете. Его приезды стали событиями для всей психологической общности.

Живя в Америке, Лев Маркович не порывал связь с родиной и университетом, гордился своей принадлежностью им и называл себя русским ученым. Он до самых последних дней служил науке — работал над своими текстами. Умер и похоронен в США в 2001 г. (Лев Маркович..., 2001).

Приложение

ОТЧЕТ О ПРОВЕДЕНИИ ТОРЖЕСТВЕННОГО ЗАСЕДАНИЯ, ПОСВЯЩЕННОГО СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. М. ВЕККЕРА

Мероприятие было заявлено Н. А. Логиновой в июне 2018 г. в формате круглого стола. Оргкомитет придал ему больший масштаб, что более соответствует значимости отмечаемой юбилейной даты. Ведущими были Н. А. Логинова и М. В. Осорина.

Заседание открыла декан факультета д.психол.н. А. В. Шабольтас. Она подчеркнула значимость данного мероприятия как дань памяти Л. М. Веккеру — выдающемуся ученому и человеку.

План мероприятия предусматривал четыре доклада о жизни и творчестве Л. М. Веккера, значении его научного наследия для психологической науки.

Первый докладчик к.психол.н. М. В. Осорина (СПбГУ) рассказала о биографии Веккера и отметила его раннее научное самоопределение, историю его прихода в психологию и роль в этом Б. Г. Ананьева.

Д.психол.н. М. А. Холодная (ИП РАН) сосредоточилась на собственно научном содержании веккеровской теории психических процессов и показала ценность этой теории для новейших исследований интеллекта. Учение Веккера об иерархии познавательных процессов, ее сенсорных корнях и абстрактно-логическом вершинном уровне способствует

¹⁰ В то время, на рубеже 1970–1980-х гг., как помнится, появилось в английском языке странное словечко «refusenik».

¹¹ Нашелся смелый ректор Новгородского политехнического института Н. И. Страбахин, который пригласил Веккера прочесть курс лекций по психологии для своих студентов. Лев Маркович охотно откликнулся и какое-то время, в 1985–1987 гг. каждую неделю ездил в Новгород проводить занятия.

созданию современной целостной системы знаний о природе интеллекта.

Д.психол.н. Н. А. Логинова (СПбГУ) говорила о месте Веккера в научном сообществе и его роли как образцового университетского профессора и свободолюбивого искателя истины. Она подчеркнула необходимость историко-научного исследования творчества и жизненного пути Л. М. Веккера.

Д.психол.н. Т. В. Чередникова (Санкт-Петербург, практический клинический психолог) на конкретных примерах раскрыла большой потенциал идей Веккера в диагностике и коррекционной работе клинического психолога. Далее Т. В. Чередникова представила ею инициированный и осуществленный под ее руководством проект — научно-популярный фильм о Льве Марковиче Веккере. Сорокаминутная лента была воспринята с большим вниманием и благодарностью¹².

Заключительная часть торжественного заседания состояла из свободного обмена мнениями и воспоминаниями о творчестве и индивидуальности Льва Марковича, той атмосфере факультета психологии ЛГУ—СПбГУ, в которой жил и творил Веккер в разные годы жизни и в разные эпохи истории страны. Старейший сотрудник факультета, почетный профессор СПбГУ В. Н. Куницына поделилась воспоминаниями о Льве Марковиче как о замечательном ученом и человеке, обстоятельствах его вынужденного ухода из университета и последующей эмиграции в США, приездах в Россию и выступлениях в 1990—2001 гг.

Выступление Н. С. Хрустальной касалось жизни Веккера в Ленинграде и в США, встречах с ним в 1990-х гг. на фа-

культете и в Вашингтоне. Прозвучали высокие оценки творчеству Льва Марковича и его личному влиянию на становление новых поколений психологов в выступлениях О. И. Даниленко, О. С. Дейнеки, И. И. Мамайчук, Н. Н. Киреевой, В. Колги и других его учеников и сотрудников. Те, кто знает о Веккере только по его книгам, выразили мысль о грандиозности и в то же время трудности освоения его непростых научных произведений.

Во многих выступлениях прозвучали предложения переиздать книги Л. М. Веккера, сделать ряд историко-психологических и научно-биографических публикаций о нем, подготовить соответствующие учебные пособия и т.п.

(Отчет составила Н. А. Логинова
30 октября 2018 г. по согласованию
с М. В. Осориной)

Литература

- Ананьев Б. Г. (ред.). (1959). Осязание в процессах познания и труда. М.: АПН РСФСР.
- Вассерман Л. И., Чередникова Т. В., Логвинова И. В. (2014). Информационная теория психики Л. М. Веккера в решении концептуальных и практических проблем детской нейропсихологии внимания и коррекции когнитивного дефицита у детей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Социология. Педагогика. Вып. 2. С. 20—33.
- Веккер Л. М. (1964). Восприятие и основы его моделирования. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Веккер Л. М. (1974). Психические процессы. Т. 1. Л.: Изд-во Ленинградского университета.
- Веккер Л. М. (1976). Психические процессы. Т. 2: Мышление и интеллект. Л.: Изд-во Ленинградского университета.
- Веккер Л. М. (1981). Психические процессы. Т. 3: Субъект. Переживание. Действие. Сознание. Л.: Изд-во Ленинградского университета.
- Веккер Л. М. (1998). Психика и реальность. М.: Смысл.

¹² На сайте журнала «Методология и история психологии» имеется Интернет-ссылка на указанный фильм (см.: <http://mhp-journal.ru/rus/Library#Video>).

Ждан А. Н. (2012). История психологии: от Античности до наших дней. М.: Академический проект; Трикта.

Ждан А. Н. (2016). История психологии. М.: Издательский центр «Академия».

Крылов А. А. (ред.). (1998). Психология. М.: ПРОСПЕКТ.

Лев Маркович Веккер. Некролог (2001). // Вопросы психологии. № 3. С. 253–256.

Логинова Н. А. (2019). Теоретик психологии Лев Маркович Веккер // Вестник Пермского университета. Сер. Философия. Психология. Социология. № 1 (в печати).

Логинова Н. А., Осорина М. В., Холодная М. А., Чередникова Т. В. (2018). Единая теория психических процессов Л. М. Веккера в современной психологии (к столетию со дня рождения) // Психологический журнал. № 6 (в печати).

Меньшикова Л. В. (2008). Роль образных компонентов интеллектуальной деятельности

в контексте теории Л. М. Веккера // Сибирский психологический журнал. № 30. С. 117–122.

Осорина М. В. (2008). Научное творчество и судьба Льва Марковича Веккера (к 90-летию со дня рождения) // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 85–100.

Протокол заседания кафедры общей психологии ЛГУ, 05.01.1967 // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 22. Д. 82.

Холодная М. А. (1997). Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск: Изд-во Томского университета; М.: Изд-во «Барс».

Холодная М. А., Гельфман Э. Г. (2016). Развивающие учебные тексты как средство интеллектуального воспитания учащихся. М.: ИП РАН.

Холодная М. А., Осорина М. В. (ред.). (2008). Теоретическое наследие Л. М. Веккера: на пути к единой теории психических процессов. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета.

**Л. М. ВЕККЕР И САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА****В. Д. Балин**

*Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: viktorbalin@yandex.ru*

Ю. В. Степанова

*Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: stepanova7.93@mail.ru*

Статья посвящена роли и месту Л. М. Веккера в деятельности Санкт-Петербургской научной психологической школы. Описываются особенности этой школы: эволюционизм, психологизм, методологическая нагруженность, комплексность–системность, эмпирическая направленность, тяготение к естественно-научной парадигме. Перечисляются проблемы, решаемые школой, в частности: проблема психогенеза, изучение билатеральной асимметрии, изучение энерго-информационных взаимоотношений, изучение соотношения между разными формами активации, типологические исследования и нейродинамика, исследование сенсорных систем, поиск психологических инвариантов, математическая психология и др. Показываются, какие проблемы разрабатывал Л. М. Веккер в своей деятельности на факультете психологии СПбГУ. Он строил общую теорию психических процессов, отталкиваясь от первоначально разработанной им концепции психического восприятия и его модели. При построении общепсихологической конструкции психики он предлагал в качестве исходной точки брать физику, как наиболее развитую естественно-научную дисциплину. Начинать эту работу надо с создания единиц измерения, которые хорошо представлены в физике. При разработке общепсихологической концепции психики Л. М. Веккер обращал внимание на то, что строить эту конструкцию надо на материале нормы, нужно разрабатывать концепцию нормальной психики, а не применять данные, полученные на больной психике, для нормы, как это очень часто делается. Имя Л. М. Веккера ассоциируется у многих психологов с идеей иерархии геометрических инвариантов, заимствованной им из топологии и примененной для описания стадий формирования психических образов. Лев Маркович внес большой вклад в развитие естественно-научной парадигмы, разрабатываемой ленинградскими психологами в 50–70-е годы XX в. и лежащей в основе общепсихологических построений других психологов этой школы.

Ключевые слова: естественно-научная парадигма, Ленинградская (Санкт-Петербургская) психологическая школа, единая теория психических процессов, геометрические инварианты, энерго-информационные взаимоотношения.

DOI: 10.7868/S1819265318040027

Для цитаты: Балин В. Д., Степанова Ю. В. (2018). Л. М. Веккер и Санкт-Петербургская психологическая школа // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 17–33.

Л. М. Веккер — типичный представитель Ленинградской (Санкт-Петербургской) научной психологической школы, для которой характерно развитие так называемой естественно-научной парадигмы, что проявляется на всех этапах психологического исследования, начиная с его планирования, заканчивая интерпретацией данных. Л. М. Веккеру посвящен ряд публикаций, в том числе и в журнале «Методология и история психологии». Достаточно назвать работы, например, М. В. Осориной (Осориная, 2008), а также А. В. Либины и А. В. Либиной (Либин, Либина, 2008). Данные статьи посвящены только Л. М. Веккеру, но недостаточно полно, на наш взгляд, показано взаимодействие Льва Марковича с Ленинградской (Санкт-Петербургской) научной психологической школой. Чтобы лучше понять роль и место Л. М. Веккера в этом сообществе ученых, рассмотрим особенности самой научной школы.

Особенности Санкт-Петербургской психологической школы. Собственно проблема научной школы как таковой в литературе исследуется подробно, как и проблема применимости естественно-научной парадигмы в психологии. В частности, есть публикации на эту тему и в журнале «Методология и история психологии». Это, например, работы В. В. Умрихина (Умрихин, 2007), Э. В. Тихоновой (Тихонова, 2010), Т. Д. Марцинковской и А. В. Юревича (Марцинковская, Юревич, 2007) и др. В данной работе речь идет о роли и месте Л. М. Веккера в деятельности Ленинградской (Санкт-Петербургской) научной психологической школы исключительно.

Л. М. Веккер работал в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете в 50–70-е годы. Что характерно для этой эпохи? Именно в это время разрабатывалась и реализовывалась программа комплексного (системного) психологического исследования.

Системный подход в научном познании 1960-х гг. стал реальным фактом. Это связано с тем, что во второй половине XX в. существенно изменился характер научных задач. На повестку дня встали задачи синтеза научного знания, комплексного изучения рассматриваемого явления, необходимость проведения сравнительно-типологических исследований. Иногда говорят в связи с этим, что в науке закончился период, связанный с программой Ф. Бэкона в развитии европейской науки (Бэкон, 1971). Импульс, заданным Ф. Бэконом, направлял европейскую науку по аналитическому пути. Он разделял разные науки, что в эпоху Нового времени было естественным. Теперь же появилась необходимость объединять разрозненные данные в более крупные блоки. Именно в этот период появились в большом количестве смежные науки, а также, что касается биологии и психологии, появилась идея заимствования у природы способов конструирования технических средств. В качестве примера можно привести бионику и психонику. Другими словами, к идее системного подхода в науке ученых подталкивала внутренняя логика развития наук.

Другим стимулом стала техника. Для управления вновь созданными машинами требовалось новое знание, которое не могли дать отдельные науки (космос, подводный флот, автоматические системы управления (АСУ) и т.п.). Еще одним стимулом можно назвать уроки прошедшей войны. В некотором смысле ее можно рассматривать как борьбу человека и машины. И в этой борьбе победил человек (Тейяр де Шарден, 1987). Сказанное повысило интерес ученых к человеку, а попытка изучения человека тотчас же привела к необходимости комплексного его изучения. Начало космической эры также способствовало развитию комплексного подхода. Запуск первого спутника был приурочен к началу Международного геофизического года, посвященного изуче-

нию атмосферы, что нужно было для совершенствования прогнозов погоды. Атмосфера изучалась с Земли, с корабля, с самолета, со спутника. Это обстоятельство хорошо демонстрирует особенности и возможности комплексного подхода.

Для рассматриваемого периода было характерным также заимствование моделей, направленных на разработку методологии системного подхода в психологии, из кибернетики и биологии. В те времена казалось, что все уже давно разработано в указанных дисциплинах, требуется только найти соответствующие модели в более «развитых» науках и применить их для психологии. Впоследствии выяснилось, что это не так, но исследователи рассматриваемого периода этого не знали.

Конец 1950-х — начало 1960-х гг. это эпоха всеобщего увлечения теорией информации, кибернетикой. Толчком послужили работы математиков и инженеров. Решающее значение имела книга Н. Винера «Кибернетика» (Винер, 1968), которая увидела свет на английском языке в 1948 г. Полное название главной работы Винера — «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине». В СССР перевод на русский язык под редакцией Г. Н. Поварова, вышел в 1958 г., второе издание (с учетом расширенного американского издания) — в 1968 г., потом оно неоднократно переиздавалось.

В этот период появилось много работ, авторы которых «применяли» идеи, представленные в «Кибернетике», для биологии и медицины. Например, работа Ф. Гродинца, где описывались теория регулирования и ее применение в биологии (Гродинц, 1966), или книга Э. Хольста, В. Оппельта, Г. Хензела и др. (1960). В свое время широко цитировалась работа В. А. Игнатова «Теория информации и передачи сигналов», где излагались «азы» теории информации (Игнатов, 1979). Сюда же можно отнести и работу Дж. Пирса (Пирс, 1967).

Широкое применение нашли идеи кибернетики для объяснения работы мозга и нервной системы в целом. Здесь можно назвать работы М. Арбиба (Арбиб, 1976), О. С. Адрианова (Адрианов, 1976), С. Дейча (Дейч, 1970), А. Н. Лука (Лук, 1966). Ф. Розенблатта (Розенблатт, 1965). Широкую известность получила работа К. Прибрама «Языки мозга», вышедшая в середине 1970-х гг. Помимо описания системы Т. О. Т. Е, уже представленной в ранее вышедшей работе Дж. Миллера, Е. Галантера, К. Прибрама «Планы и структуры поведения», где описывался принцип обратной связи применительно к живым системам, в новой книге К. Прибрам пытался применить голографический принцип для объяснения работы мозга (Прибрам, 1975).

Авторы названных работ понимали, что просто системной идеи как таковой недостаточно для объяснения работы мозга и нервной системы, а, следовательно, и психики. Мозг, нервная система — это динамическое образование, его надо рассматривать «в движении». Такие идеи позже стали связывать с синергетикой, но и в рассматриваемый период ученые понимали, что организм и психика — это динамические системы.

В это время разрабатывались методы математического и статистического анализа экспериментальных данных. Дело в том, что системный подход требует применения большого числа эмпирических методов и методик для того, чтобы охватить исследуемые объекты всесторонне. Данное требование приводит к необходимости изучать: 1. Процесс измерения экспериментальных величин (здесь возникают проблема точности измерения, диапазона измерения, проблема применимости психометрических шкал). 2. Процедуру, позволяющую делать получаемые величины и параметры сравнимыми (к примеру, в комплексном исследовании применяются физиологические

и психофизиологические показатели, некоторые из которых измеряются в мм рт. столба, другие — в герцах, третьи — в микровольтах, четвертые — в градусах и т.п.). Как же сопоставить герцы с градусами? Одним из возможных решений данной проблемы можно назвать процедуру шкалирования. Все экспериментальные величины переводятся в шкальные оценки, которые получаются путем преобразования экспериментального распределения в стандартное с последующим дроблением последнего на нужное число классов. В данном случае используется фундаментальное свойство всех экспериментальных величин, состоящее в том, что при большом числе наблюдений любое эмпирическое распределение приводится к нормальному. Процедурой применения шкальных величин широко пользовались психологи Ленинградского университета (Психодиагностические методы, 1976).

Другая проблема, возникающая при системном исследовании, состоит в том, что ученые получали огромное число эмпирических данных. Проблема заключается в том, что необходимо «свернуть» законным образом имеющийся материал, сделав его обозримым и доступным для последующей интерпретации. При этом надо сделать так, чтобы полезная информация не была потеряна. В 1960-е гг. для таких целей стали применять процедуру факторного анализа. Последняя, в свою очередь, требовала применения ЭВМ. В более поздние времена процедуры агрегации данных были дополнены другими методами (кластерный анализ, многомерное шкалирование, и т.п.).

Таким образом, рассматриваемый период характеризовался всеобщим увлечением психологов естественно-научными методами. Сказанное позволяет говорить и о тяготении ленинградских психологов к естественно-научной парадигме, как сказали бы в более позднее время.

Естественно-научная (первоначальное название — биологическая) парадигма объясняет эволюционные, генетические и психофизиологические предпосылки личностных особенностей (Larsen, Buss, 2008). Эта парадигма получила впоследствии название естественно-научной, поскольку к биологическим принципам добавились физические и математические. В настоящее время она используется не только в психологии личности, но и в других областях теоретической и экспериментальной психологии, например в общей психологии и психофизиологии (Балин, 2001; 2017).

Линии развития Санкт-Петербургской (Ленинградской) научной психологической школы. Основоположником Санкт-Петербургской психологической школы принято считать В. М. Бехтерева, а его рефлексологическое учение, по сути, является первым примером использования естественно-научной парадигмы, поэтому можно утверждать, что данная парадигма использовалась представителями названного направления с самого начала, несмотря на то, что каждый из ее представителей использовал разные естественно-научные принципы. Можно выделить два основных направления внутри Ленинградской школы. К первому (раннему) течению относятся: А. Ф. Лазурский, М. Я. Басов, В. Н. Мясищев. Представителями второй ветви (более поздней) Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школы являются: Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов, Л. М. Веккер, В. А. Ганзен, И. М. Палей, Г. В. Суходольский (Левченко, 2003; Логинова, 2005; 2016).

Поскольку Л. М. Веккер работал на факультете психологии в 1950–1970-е гг., то целесообразно посмотреть, какие темы разрабатывались в это время на факультете.

Согласно классификации Б. Г. Ананьева, человекознание включает в себя

«ряд комплексов наук о человеке как индивиду и личности, субъекте и индивидуальности» (Ананьев, 1968). «Теоретические задачи комплексных исследований были определены Б. Г. Ананьевым в соответствии с установкой на познание целостного субъекта психической деятельности — индивидуальности. Это, во-первых, изучение основных факторов и условий, детерминирующих его развитие. Во-вторых, изучение основных характеристик самого человеческого развития, его внутренних закономерностей, механизмов и фаз. В-третьих, определение основных компонентов целостной структуры человека и взаимосвязей между ними» (Логинава, 2005, с. 204).

В одной из своих публикаций Б. Г. Ананьев отметил, что «одна из важных задач современной психологии — построение общей теории индивидуально-психического развития человека» (Ананьев, 2001). Как следует из текста, общая теория индивидуально-психического развития имеет следующие части: нейродинамика; генетическая психология; психогеронтология; методология как учение о методах познания человека. При проведении исследований Ленинградской психологической школой конечной целью являлось, таким образом, создание общей теории индивидуально-психического развития человека.

Научно-исследовательская программа школы была построена на основе структурно-генетического варианта системного подхода и направлена на изучение структуры и развития системы «человек—индивидуальность».

При решении первой задачи (изучение основных факторов и условий, детерминирующих развитие целостного субъекта) предполагалось изучать социальную среду в настоящем и прошлом, что означало обращение к биографии изучаемых лиц и определение социально-психологических характеристик личности в груп-

пах. В связи со второй задачей (изучение основных характеристик самого человеческого развития, его внутренних закономерностей, механизмов и фаз) планировалось изучение возрастной эволюции: а) психофизиологических функций индивида; б) целостных изменений личности. Решение этой задачи способствовало бы обнаружению механизма развития и строгому обоснованию периодизации зрелости.

Б. Г. Ананьев направил усилия коллектива на изучение фазы зрелости, поскольку в ней завершается становление характера, интеллекта, способностей и вместе с тем индивидуальности человека. Кроме того, эта фаза наименее изучена в психологии, надо было восполнить пробел в возрастной психологии, создать основы *психологической акмеологии*. Изучение зрелости имело и прикладное значение.

Отличительная особенность третьего раздела программы (определение основных компонентов целостной структуры человека и взаимосвязей между ними) состояла в том, чтобы выявить гетерогенные связи, определяющие структурные образования индивидуальности. «Центральное и специфическое место в данной программе комплексного коллективного исследования занимают взаимосвязи интеллекта и личности с различными характеристиками человека как индивида (особенностями общесоматической конституции и реактивности, нейродинамики, психомоторики, сенсорно-перцептивного развития)» (Логинава, 2005, с. 205).

Таким образом, отличительной особенностью Ленинградской (Санкт-Петербургской) психологической школы — это стремление рассматривать человека как целостное образование, во всех его элементах, связях и отношениях. Эти отношения рассматриваются в динамике, в развитии. Другая особенность работ психологов школы: склонность за всеми

частностями видеть влияние некоего общего фактора (активации, сенситивности, фактора G, общих свойств нервной системы и т.п.). Это проявляется также в тенденции искать инвариантные сочетания эмпирических величин, рассматривать любое психическое явление как инвариант. Другое проявление такой тенденции — поиск фундаментальных законов бытия, справедливых как для физического мира, так и для психических явлений (вспомним, например, 23 закона В. М. Бехтерева). Эмпирическая направленность исследований этой школы говорит о стремлении найти опору в методологии научных исследований, разработанных в естественных науках. Гуманистическая направленность исследований школы — другая ее характерная особенность.

Рассмотрим более подробно, какие темы разрабатывались психологами названного направления и какую роль играл в этой работе Л. М. Веккер.

1. Нейродинамика. С одной стороны, повторялись исследования в русле представлений школы Б. М. Теплова — В. Д. Небылицына, т.е. осуществлялся поиск (и испытание) методик, с помощью которых можно было бы выявлять свойства нервной системы (сила, подвижность, лабильность, динамичность). В то же время разрабатывалась и другая линия: за всеми физиологическими показателями делалась попытка найти общий фактор нейродинамики, определяющий психологическую успешность — уровень активации. Здесь просматривается параллель с поиском General-фактора интеллекта. В то же время видна и связь с идеей Б. Г. Ананьева об общей сенситивности.

Он говорил, что «...существуют не только частные виды чувствительности (как потенциальные свойства отдельных анализаторов), но и общий для дан-

ного человека способ чувствительности, являющийся свойством сенсорной организации человека в целом. Это общее свойство в психологии называется *сенситивностью*, которая входит в структуру темперамента» (Ананьев, 2001, с 75–76).

Сенситивность определяют по ряду признаков возникновения и протекания сенсомоторных реакций независимо от того, к какой модальности они принадлежат (зрительной, вкусовой и т.д.).

К этим признакам относятся прежде всего устойчивые проявления общего темпа возникновения и развертывания сенсомоторных реакций (скорость возникновения, длительность протекания, эффект последействия), психомоторного ритма (способ переключения с одного вида чувственного различения на другой, плавность или скачкообразность перехода, вообще — особенности временной организации сенсомоторных актов).

Несмотря на большое разнообразие видов и уровней чувствительности у одного и того же человека, сенситивность является общей, относительно устойчивой особенностью личности, которая проявляется в различных условиях, при действии самых разных по своей природе внешних раздражителей.

Соотношение таких параметров, как сила, подвижность и уравновешенность, образует целостный тип нервной системы, составляющий основу темперамента и способностей (Ананьев, 2001).

В приведенных словах заключена, в сущности, целая программа исследований. Эту линию исследования реализовывали И. М. Палей, Н. Г. Зырянова, Б. С. Одерышев, В. Д. Балин, В. К. Гербачевский, В. П. Михайлова, В. Ф. Шендрик. К этому направлению примыкает, оставаясь самостоятельной, линия Г. И. Акиншиковой, которая выявляла показатели, характеризующие реактивность организма (Акиншикова, 1969; 1977).

2. Проблема психогенеза — поиск физиологических механизмов психических явлений. Это направление просматривается практически во всех работах названных исследователей. Оно реализовывалось в виде поиска физиологических коррелятов психических явлений: интеллекта, памяти, внимания, уровня притязаний, мотивации и др.

Такая «коррелятивная» тенденция характерна для ранних этапов развития любого направления, когда производится накопление эмпирического материала. О моделировании тех или иных психических явлений речь идти, конечно, не может, ввиду дефицита соответствующего материала. Большое внимание уделялось изучению характера связей между психологическими и физиологическими параметрами. В связи с этим рассматривались разные аспекты закона Йеркса–Додсона, а также закона начального значения Уайлдера. Естественным продолжением этого направления может служить моделирование психических явлений. К сожалению, этот вид исследований недооценивается психологами, и напрасно. Процесс создания моделей требует поиска характеристик моделируемого объекта в литературе, что само по себе служит процессу интеграции психологического знания, о чем все давно мечтают. Тем не менее, именно в это время была написана книга Л. М. Веккера «Восприятие и основа его моделирования» (1964), положенная в основу его докторской диссертации. Помимо моделирования восприятия, Лев Маркович интересовался проблемой моделирования мышления, отличием человеческого мышления от вычислений, производимых ЭВМ. Об этом можно судить по его лекции «Моделирование мышления в современных технических устройствах», прочитанной студентам факультета психологии 26 апреля 1968 г.

Проблемой психогенеза Л. М. Веккер занимался и в США. Об этом можно

судить по видеозаписям его выступлений на факультете психологии СПбГУ во время приездов в Россию. (Как правило, его приезды в РФ были приурочены к конференциям «Ананьевские чтения», проводимых в октябре каждого года на факультете психологии СПбГУ). В частности, в своем выступлении от 11 сентября 1997 г. он большое внимание уделил проблеме сущности психического и проблеме ее происхождения. Во-первых, он говорил, что ошибочно связывать психику только с мозгом. Мозг — только центральное звено в системе тело–мозг. Психика — продукт работы всего организма, а не только мозга. О том, что нельзя связывать психику только с мозгом, предупреждали и такие авторы, как Э. Г. Дебуа-Реймон, И. М. Сеченов и К. Лешли. Считать, что мозг источник психики — ошибочный ход, логическая ошибка. Во-вторых, он говорил, что значительную роль в генезе психики играют осязание и тактильная чувствительность. Мы живем в гипервизуализированном обществе, откуда и возникает иллюзия, что психическое — это главным образом продукт работы зрительной системы. В третьих, для того, чтобы понять механизм формирования психики, надо идти от физики. При этом он ссылаясь на работы А. Эйнштейна «Физика и реальность» и Тейяра де Шардена «Феномен человека». Во время своих выступлений в более поздних поездках в Россию Веккер задавался вопросом: «А зачем нужна психология физике? Допустим, объясняя происхождение психического, как природного явления, мы будем пользоваться достижениями физики. С этим можно согласиться. А в чем обратное влияние психологии на физику?» Отвечая на этот вопрос, он сказал, что в такой постановке заключена фундаментальная научная проблема: как происходит отражение физической реальности с помощью психики, можно ли соотносить между собой эти два мира: физический

и психологический? Если мы не знаем, как отражается мир с помощью психики, то чего стоят открываемые нами сами законы физики? Если мы не решим проблему соотношения между психологией и физикой, то мы ее не решим и для остальных естественных наук.

3. Изучение билатеральной асимметрии. Эта тема прослеживается практически во всех публикациях представителей школы. Изучались возрастные и микро-возрастные аспекты феномена, психологические корреляты билатеральной асимметрии. Для объяснения данного явления пытались привлекать математические модели разного уровня сложности, аппарат теории информации.

4. Определение психофизиологической «цены». Осуществлялся поиск уравнений, позволяющих определить «цену», которую «платит» организм за выполнение определенной психической деятельности. Это направление позволяет выйти на такую оценку эффективности (КПД) разных видов труда, в которой учитывались бы не только его продуктивность и качество, но и «цена», «издержки» организма, сопряженные с его (труда) выполнением. Такой подход позволяет осуществить гуманизацию труда, проектировать и нормировать труд человека, что особенно важно сделать для умственного труда.

5. Прогнозирование успешности трудовой деятельности. В некоторых исследованиях составлялись уравнения регрессии, с помощью которых можно было предсказывать успешность трудовой деятельности представителей разных профессий: радиомонтажников, людей умственного труда, актеров, продавцов и др.

6. Накопление статистических характеристик для разных выборок. Поскольку осуществлялись обширные исследования

самых разных выборок (не только студентов), то данные постепенно накапливались, что позволяло определять нормативные оценки, характерные для разных групп людей, различающихся по полу, возрасту, образованию, и т.п., полученные с использованием всех имеющихся методик.

В связи со сказанным следует упомянуть и о проблеме шкалирования психофизиологических показателей. Шкальные оценки нужны для того, чтобы сделать разнохарактерные показатели сравнимыми. Проблема шкалирования возникает в связи с проведением комплексного и системного исследований, поскольку элементы (в данном случае разные эмпирические характеристики) в границах целого должны быть сопоставимыми (Психодиагностические методы, 1976).

В своих выступлениях на факультете психология после своего переезда в США Л. М. Веккер неоднократно говорил, что надо копить статистический материал, позволяющий описывать *нормальную* психику. Это нужно для того, чтобы строить теорию общей психологии на норме.

7. Изучение энерго-информационных взаимоотношений. В 1960–1970-х гг. в психологии, как уже говорилось, весьма популярной была теория информации. Изучение энерго-информационных взаимодействий можно считать еще одним ракурсом комплексных исследований. Указанное соотношение подразумевалось, когда изучались связи между психологическими и физиологическими показателями (психическое — это «информация», а физиологическое — «энергия»), когда занимались проблемой билатеральной асимметрии (правое полушарие — «энергетическое», а левое — «информационное»), когда определяли психофизиологическую «цену» выполнения работы (сколько энергии расходуется на переработку одного бита информации). Мож-

но сказать, что Л. М. Веккер был апологетом и идеологом данного направления на факультете.

8. Изучение соотношения между разными формами активации. Много публикаций посвящено изучению взаимоотношений между разными формами активации: корковой, вегетативной и двигательной. Это ряд совместных публикаций И. М. Палей и К. Д. Шафранской, Н. А. Розе, Н. Г. Зыряновой, Б. С. Одерышева, Г. И. Акинщиковой, В. Д. Балина. Основной мотив таких работ: поиск общего фактора нервной активации. Как правило, корреляции между этими разными показателями были случайными, хотя они выявлялись между индикаторами активации «внутри» одного блока: корковые с корковыми коррелируют высоко, вегетативные с вегетативными и двигательные с двигательными также высокозначимо. Корреляции усиливаются, если испытуемый «втягивался» в какую-либо деятельность. Этот факт легко объясним в терминах функциональной системы, которая формировалась в связи с выполняемой деятельностью.

9. Типологические исследования. Проблема психологического типа была достаточно значимой для исследователей школы. Разными аспектами данного направления занимались И. М. Палей, Г. И. Акинщикова, В. С. Магун, Т. Н. Курбатова и др. В частности, в работе Т. Н. Курбатовой описаны семь типов комбинаций нейродинамических свойств. Другими словами, тип здесь — устойчивая (инвариантная) комбинация физиологических параметров. В данной работе просматривается связь с публикациями психологов пермской школы.

10. Исследование сенсорных систем. Проводились исследования сенсорных порогов чувствительности разной мо-

дальности. Помимо классических исследований зрительной и слуховой чувствительности (Л. М. Веккер, Л. Н. Кулешова, Ф. Р. Гильманова и др.), проводилось изучение вибрационной (Г. И. Акинщикова), болевой (К. Д. Шафранская, А. К. Нитченко и др.), тактильной (К. Д. Шафранская, Л. Н. Кулешова, Н. В. Владимирова и др.), температурной (К. Д. Шафранская, Л. Н. Кулешова, Ф. Р. Гильманова и др.), а также обонятельной и вкусовой видов чувствительности (Ф. Р. Гильманова, Л. Н. Кулешова, Н. И. Макарова и др.).

В плане экспериментальной проверки концепции Б. Г. Ананьева о сенситивности как системном свойстве сенсорной организации человека использовался комплексный подход к измерениям чувствительности на пяти модальностях с включением измерения времени реакции каждой модальности (Л. Н. Кулешова, Ф. Р. Гильманова). Полученные данные позволили говорить об общих и парциальных типах сенситивности и их проявлениях в структуре не только индивидуальных свойств человека, но также в структуре личностных, субъектно-деятельностных и индивидуальных свойств. Потребовалось включение в исследование психологов из Тартуского (Г. А. Вукс), Вологодского (Н. К. Чеботарев), Ереванского (Д. С. Васконян) университетов и др.

Особый цикл составили комплексные экспериментальные исследования сенсорной депривации человека, выполненные под руководством Б. Г. Ананьева и опубликованные уже после его смерти. Исследование проводилось в сотрудничестве с Военно-медицинской академией и факультетом психологии Московского университета. В этот комплекс исследований включалось также измерение сенсорных порогов чувствительности (Кулешова, 1975; 1983; 1985; 1997; Психодиагностические методы, 1976).

11. Поиск психологических инвариантов. Известны физические инварианты: число Авогадро, постоянная Планка и др. Множество физиологических параметров (частота пульса, артериальное давление, температура тела и др.) также трактуется как инварианты. Понятие инварианта в психологию ввел Ж. Пиаже. Известны перцептивные константы (инварианты) Коффки. Согласно закону Д. В. Аткинсона стратегии стремления к успеху (P_u) и избегания неудач (P_n) в сумме дают константу. Их совместные вероятности равны единице. Широко известны работы Л. М. Веккера, где с позиции теории алгебраических инвариантов рассматриваются психические процессы. В упоминавшейся работе Т. Н. Курбатовой нейродинамический тип, в сущности, трактуется как инвариант. В своей работе «Психическое отражение» В. Д. Балин трактует как алгебраические инварианты любое психическое явление (Балин, 2001). Инвариант здесь — аттрактор самоорганизующейся системы.

12. Психология и математика. Осуществлялся поиск методов математической обработки психологического экспериментального материала. Речь идет в первую очередь о математической статистике. Примеры использования разных «нестандартных» математических процедур можно встретить в работах Л. Н. Грановской, Е. И. Степановой, Н. Г. Зыряновой и др. В разные годы обработкой эмпирического материала занимались О. М. Калинин, Б. З. Докторов, В. Ф. Федоров, Т. П. Кистер. Известны работы в области статистики Г. В. Суходольского.

13. Математическая психология Г. В. Суходольского. Г. В. Суходольский был одним из самых крупных представителей математической психологии в Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школе. Он создал ряд

оригинальных методов математического моделирования психических объектов: а) метод использования многомерных помеченных стохастических матриц для портретирования сложных объектов; б) визуализация конечномерных объектов в виде профиля в параллельных координатах; в) использование мультимножеств, операции обобщения, смешанного умножения и деления мультимножеств и матриц данных; г) оценка значимости коэффициентов корреляции с помощью F-критерия Фишера—Снедекора и значимости сходства—различия корреляционных матриц по G-критерию Кохрена; д) нормализация распределений через интегральную функцию (Суходольский, 1997; 1998).

Математизация психологии способствует ее становлению как точной науки, тем самым приближая ее к естественным наукам. Таким образом, Г. В. Суходольский внес значимый вклад в развитие естественнонаучной парадигмы в Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школе.

Другое направление этой работы, о чем уже упоминалось, — применение математики для моделирования психических явлений. В первую очередь нужно сказать о попытках привлечения аппарата топологии для этих целей. Следует назвать в связи с этим и работы Л. М. Веккера, В. А. Ганзена и А. И. Нафтульева. В последнее время появились сообщения, что многие научные представления, созданные математиками, в сущности, являются психологическими теориями или их частями. В частности, работы по многомерному пространству хорошо согласуются с характеристиками и представлениями о сознании. А. Эйнштейн, излагая идеологию СТО, фактически дал картину психического восприятия, только в общем виде.

Научный коллектив, проводивший комплексные исследования — это,

во-первых, коллектив лаборатории дифференциальной психологии и антропологии НИИКСИ ЛГУ, во-вторых, преподаватели, аспиранты и студенты факультета психологии Ленинградского университета, в-третьих, сотрудники Ленинградского НИИ педагогики АПН РСФСР. Л. М. Веккер входил во вторую группу исследователей.

Рассмотрим систему Л. М. Веккера более подробно, в первую очередь перечислим признаки, характерные для всех психических явлений.

Наличие этих признаков должно говорить о том, что все психические явления существуют и развиваются по единым законам, и, в частности, закон фазовости должен стать одним из них. Л. М. Веккер выделяет следующие общие признаки психических явлений:

1. Предметность. Это свойство подразумевает, что итоговые характеристики психических актов могут быть описаны только через свойства внешних объектов и отношений между ними. Можно сказать, что внешние объекты и явления проецируются в психике, поэтому это свойство еще называют проективностью.
2. Субъектность. Конечные параметры психического процесса заметны для носителя психики, но сам процесс при этом остается незамеченным.
3. Чувственная недоступность. Психические процессы недоступны напрямую чувственному наблюдению (как сторонним наблюдателем, так и самим носителем психики).
4. Спонтанная активность. Внешние проявления психических явлений не вытекают ни из физических, ни из физиологических явлений, в них нет четко заданной программы действий, и субъект может действовать свободно и несколькими способами (Веккер, 2000).

Становление образа восприятия по Л. М. Веккеру. Согласно взглядам Л. М. Веккера, формирование перцептивного образа происходит не одномоментно, а проходит несколько четко выраженных этапов, каждый из которых имеет определенные характеристики. Последовательность фаз была выявлена в ряде экспериментов с использованием как зрительного, так и кинестетического образа и при различных условиях (в том числе у испытуемых с церебральными параличами). Эта последовательность следующая:

1. Различение положения предмета и грубая оценка его общих пропорций (разомкнутый контур).
2. Стадия «аморфного пятна» — аморфная и вариативная структура замкнутого контура (мерцание формы).
3. Различение резких перепадов кривизны, выражающееся, в частности, переходом одной прямой в другую.
4. Глобально-адекватное восприятие, при котором форма представления правильно, но без различения деталей (допустимы нарушения пропорций и углов, а также искажение деталей).
5. Адекватное воспроизведение формы во всей полноте деталей ее контура (Веккер, 1964; Веккер, 2000).

Связь стадий формирования перцептивного образа с геометрическими инвариантами. Отражение, частным случаем которого является восприятие, можно рассматривать формально как переход от одной системы координат к другой, независимо от того, за счет каких механизмов оно производится. Нужно найти закон преобразования координат при переходе от одной системы координат к другой. Затем следует отыскать те функции координатной системы изучаемого объекта и те уравнения, связывающие эти координаты, которые инвариантны относительно

но указанных преобразований координат образа, что и дает нам геометрические свойства изучаемого образа. Важно отметить, что при переходе от первой системы координат ко второй, а затем от второй к третьей должно, конечно, получаться то же, что при непосредственном переходе от первой системы координат к третьей.

Рассмотрим, какие преобразования можно сделать с образом отражаемого объекта. Для этого данный объект представим в некоторой системе координат, допустим в прямоугольной.

Метрический инвариант. Осуществим поворот плоскости отражения во второй взятой нами системе координат вокруг точки «0», либо переместим объект. Посмотрим, что в этом случае меняется, а что остается неизменным. Здесь не меняются расстояния между точками, отношение, в котором точка делит отрезок, длина вектора, скалярное произведение двух векторов, угол между двумя прямыми, расположение трех точек на одной прямой, параллельность, перпендикулярность двух прямых. При переходе от группы *движений* к группе *движений и отражений* теряется инвариантность тех свойств фигуры, которые связаны с понятием *ориентации* плоскости. Инварианты группы *движений* и *отражений* являются метрическим инвариантом. Всякий метрический инвариант — инвариант группы *движений*.

Инвариант подобия. Произведем другую операцию с расположенным в избранной нами системе координат объектом: умножим все координаты на некоторый коэффициент ρ . Это геометрические преобразования с центром в начале координат и с коэффициентом гомотетии ρ . Гомотетия (от др.-греч. ὁμός «одинаковый» + θέτος «расположенный») — прямое или обратное относительно одной точки (центра гомотетии) расположение подобных друг другу фигур. Выражение, которое при каком-либо преобразовании приобретает лишь множитель, зависящий

только от параметров преобразования, называется *относительным инвариантом* преобразования. Выражение, которое совсем не меняется при преобразовании, называется *абсолютным инвариантом*. Длина отрезка и площадь треугольника не будут абсолютными инвариантами, а только относительными, отношение же длин двух отрезков или площадей — инвариант абсолютный. Не сохраняются длины, площади. Сохраняются прямолинейное расположение точек, параллельность прямых, угол между прямыми.

Аффинный инвариант. Можно наш образ растянуть или сжать либо вдоль одной из координатных осей, либо под некоторым углом относительно начала координат. В данном случае аффинными будут следующие понятия: прямая, отрезок прямой, середина отрезка, параллельные прямые, треугольник, четырехугольник (в частности, параллелограмм, трапеция), сумма двух векторов, параллельное перенесение, центр линии 2-го порядка и ее диаметр, сопряженный данному направлению, асимптотические направления кривой 2-го порядка. Не инвариантными являются равенство непараллельных отрезков, перпендикулярность прямых, равносторонний треугольник, прямоугольный треугольник, ромб, прямоугольник, окружность, вращение вектора вокруг точки, оси, линии 2-го порядка. Две геометрические фигуры называются аффинно-эквивалентными, если существует аффинное преобразование, переводящее одну фигуру в другую. В частности, все треугольники аффинно-эквивалентны между собой, также как аффинно-эквивалентны все параллелограммы.

Проективные инварианты. Повернем плоскость, на которую мы проецируем объект, и исследуем полученное отображение. При проективном преобразовании плоскости и точки, лежащие на прямой, переходят в точки, также расположенные на одной и той же прямой.

В проективной плоскости не только две различные точки однозначно определяют прямую, но и обратно — две различные прямые всегда пересекаются в одной и той же точке. Точки, лежащие на одной прямой, образуют так называемый прямолинейный ряд точек. Три точки, лежащие на одной прямой, — зависимые, не лежащие — независимые. Линии 2-го порядка при проективном преобразовании переходят в линии 2-го порядка. Здесь нет принципа параллельности. Параллельные прямые могут пересекаться. Все треугольники, как и все четырехугольники, одинаковы. Точки, лежащие на одной прямой, переходят в точки, лежащие на одной прямой. Здесь нет понятия эллипс, гипербола, парабола, в отличие от аффинного инварианта. В аффинной геометрии (в действительной области) остается деление на эллипс, параболы, но все эллипсы в ней одинаковы, то же относится к гиперболам и параболам, понятие окружности теряет смысл. В проективной геометрии все действительные нераспадающиеся линии 2-го порядка эквивалентны, здесь исчезают различия между эллипсами, гиперболами, параболами.

Топологический инвариант. К проведенным выше преобразованиям проекционной плоскости добавим новое: свернем ее, например, в полусферу, с неравными произвольными сторонами. То, что останется от объекта при таком проецировании на нее, является наиболее фундаментальными свойствами фигуры: связность, компактность (сводимость), размерность, вес, фундаментальная группа, группы гомотопии. Здесь любые замкнутые пространства эквивалентны, нет понятия прямой, кривой (Вейль, 1947; Гуревич, 1948).

Заметим, что психологическая шкала наименований соответствует топологическому инварианту, шкала порядка — проективному, шкала интервалов — аффинному, шкала отношений — инварианту подобия.

Л. М. Веккер также связывал стадии формирования перцептивного образа с системой геометрических инвариантов. Таким образом, он подчеркивал, что геометрические инварианты — это своего рода психологическая «теорема Э. Нетер», которая позволяет объяснить «симметрию» в психических явлениях. Подобно тому, как согласно теореме Э. Нетер в физике существует связь между законами сохранения и свойствами времени и пространства, так и Веккер связывал геометрические инварианты с фазовыми изменениями в перцептивном образе. Сама схема связи стадий формирования перцептивного образа с системой геометрических инвариантов выглядит так:

1. Стадия разомкнутого контура соответствует топологическому инварианту.
2. Стадия «аморфного пятна» соответствует инварианту подобия.
3. Стадия различения резких перепадов кривизны соответствует аффинному инварианту.
4. Стадия глобально-адекватного восприятия соответствует проективному инварианту.
5. Стадия адекватного воспроизведения формы соответствует метрическому инварианту (Веккер, 1964; 2000).

Классификация психических процессов Л. М. Веккера. Л. М. Веккер сделал попытку создать единую классификацию психических процессов. Он разделил их на следующие группы:

1. Познавательные (когнитивные) процессы: ощущение, восприятие, представление, мышление.
2. Эмоциональные процессы.
3. Волевые процессы.
4. Сквозные психические процессы: память, внимание, воображение, речь.

В иерархии познавательных процессов прослеживается связь с геометрическими инвариантами пространства: так, ощущение соответствует топологическому инварианту, восприятие — проективному, представление — аффинному, а мышление — инварианту подобия (Веккер, 1998; 2000).

Л. М. Веккер занимался проблемой классификации психических явлений и в общепсихологическом плане. В частности, в своем выступлении на факультете психологии в 1998 году он много внимания уделил проблеме общей психологии, как теоретического основания психологии. Он говорил, что большие проблемы возникли у журнала «*Journal of General Psychology*», который начал терять свой предмет. Речь идет о теоретических нестыковках между разными отделами психологии, каждый из которых изъясняется на своем языке. Кроме того, следует обратить внимание на то обстоятельство, что психологи совсем не занимаются проблемой нормы, а больше интересуются изучением нездорового человека, изучая медицинские аспекты психики. Общая психология должна строить теорию психической нормы. Нужно строить единую систему психики, создавая стройную иерархию психических явлений. В качестве положительного примера следует взять физику. Такую работу надо начать с создания единых для всех случаев единых измерений, подобно тому, как в физике существует система СГС (сантиметр—грамм—секунда) и более поздняя — СИ (система интернациональная). Л. М. Веккер говорил, что психология как наука выполняет интегрирующую роль для всех естественных наук, находясь в центре их интересов. Это обстоятельство должно учитываться при написании новых учебников по общей психологии. Хорошо бы узнать, что будет содержаться в таком учебнике через 50 лет, говорил Лев Маркович.

Теория отношений В. Н. Мясищева и инварианты Л. М. Веккера. Согласно В. Н. Мясищеву, личность — это система отношений человека к окружающей действительности. Отношение характеризуется не только направлением (вектором) но и величиной. Это — сила, потенциал, определяющий степень интереса, степень выраженности эмоции, степень напряжения желания или потребности, движущая сила личности (Мясищев, 2004). В свою очередь инвариант также характеризует уровень и характер отношений между элементами. Другими словами, понятие геометрического инварианта, использованного Веккером для объяснения процесса восприятия, в общем плане соответствует концепции отношения, использованного Мясищевым для описания личности. Только уровень описания отношения здесь другой. Тем не менее, как Веккер, так и Мясищев развивали понятия отношения в психологии, что также характерно для Ленинградской (Санкт-Петербургской) психологической школы.

Проявление фазовых изменений в психике в представлении Б. Г. Ананьева и Л. М. Веккера. Известен закон гетерохронного развития психофизиологических функций в онтогенезе Б. Г. Ананьева. Он имеет общий вид и поправку к нему. *В общем виде* есть две части. Часть 1. В процессе онтогенетического развития происходит неравномерное развитие психофизиологических функций человека — периоду подъема одной функции сопутствует период спада другой, и наоборот. Часть 2. В онтогенезе инволюционные процессы компенсируются реституционными изменениями, в частности теряется относительная автономность функции, и появляется на этой основе целостная структура. *Поправка Грановской—Степановой:* В развитии психофизиологической функции имеется две фазы. Первая — прогресс функции, вторая — специали-

зация функции. В сущности, в законе говорится, что развитие любой психофизиологической функции имеет фазовый, периодический характер.

Известен также закон Ланге—Веккера—Ломова. Согласно ему, при последовательном увеличении времени экспозиции образ проходит несколько стадий от весьма неопределенной структуры до ясного осознания конкретного изображения. Согласно Л. М. Веккеру, как уже говорилось, эти стадии соответствуют стадиям формирования геометрического инварианта: топология, проекция, аффинный, подобие и метрика (Балин, 2012).

Как видно, как Веккер, так и Ананьев, исходили из того, что развитие психических явлений во времени имеет фазовый характер. В каждый конкретный момент времени суммарное значение компонентов явления составляет некоторое инвариантное образование. Если вспомнить Мясищева, то это инвариантное образование — алгебраическая сумма отношений.

Итак, в рамках Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школы можно выделить три линии развития естественно-научной парадигмы:

1. *Биологическая линия (физиологическая)*. Это направление ведет свое начало еще от И. П. Павлова и его учения о ВНД. В. М. Бехтерев применял законы ВНД почти напрямую, считая, подобно И. М. Сеченову, что «все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы». Б. Г. Ананьев, Б. Ф. Ломов и В. Н. Мясищев признавали важность биологической природы человека, но не сводили к ней абсолютно все аспекты психической жизни.

2. *Физическая линия*. Физика — это наука о базовых закономерностях устройства материального мира. Поэтому Санкт-Петербургская (Ленинградская) психологическая школа пошла по пути создания физических моделей психических (психофизиологических) процессов

и применения законов физики для описания закономерностей протекания психических (психофизиологических) явлений. Зачатки этого мы видим еще у В. М. Бехтерева, часть своих законов он заимствует из физики. А. Ф. Лазурский и М. Я. Басов строят концепцию структуры психики, напоминающую модель строения атома. В более позднее время Л. М. Веккер и В. А. Ганзен занимаются такими проблемами, как поиск инвариантов.

3. *Математическая линия*. Как видно из предыдущих разделов, ученые Санкт-Петербургской (Ленинградской) психологической школы не ограничивались применением математического аппарата исключительно для статистической обработки данных, а использовали математические принципы для описания и объяснения психических (психофизиологических) явлений. В. А. Ганзен, А. И. Нафтульев и Г. В. Суходольский первыми применяют математическое моделирование, а Л. Н. Грановская и Е. И. Степанова внедрили в практику новые методы математического анализа.

Л. М. Веккер — яркий представитель Ленинградской психологической школы, занимавшийся общими проблемами происхождения психики, (разрабатывал вопрос соотношения между физическим, физиологическим и психическим), изучением общих свойств психического (фазовость, инвариантность), моделированием психических явлений. Разработка методологических проблем психологического исследования — также сфера его интересов.

Литература

- Адрианов О. С. (1976). О принципах организации интегративной деятельности мозга. М.: Медицина.
- Акинщикова Г. И. (1969). Телосложение и реактивность организма человека. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та.

- Акинщикова Г. И.* (1977). Соматическая и психофизиологическая организация человека. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Ананьев Б. Г.* (2001). О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер.
- Арбиб М.* (1976). Метафорический мозг. М.: Мир.
- Балин В. Д.* (2001). Психическое отражение. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Балин В. Д.* (2017). Теоретическая психология. М.: Юрайт.
- Бэкон Ф.* (1971). Сочинения в 2 т. Т. 1. О достоинстве и приумножении наук. М.: Мысль.
- Вейль Г.* (1947). Классические группы, их инварианты и представление. М.: Гос. ИИЛ.
- Веккер Л. М.* (1964). Восприятие и основа его моделирования. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та
- Веккер Л. М.* (1998). Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл.
- Веккер Л. М.* (2000). Мир психической реальности: структура, процессы и механизмы. М.: Русский мир.
- Винер Н.* (1968). Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 2 изд. М.: Советское радио.
- Ганзен В. А.* (1984). Системные описания в психологии. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Гродинз Ф.* (1966). Теория регулирования и биологические системы. М.: Мир.
- Гуревич Г. Б.* (1948). Основы теории алгебраических инвариантов. М.; Л.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы.
- Дейч С.* (1970). Модели нервной системы. М.: Мир.
- Игнатов В. А.* (1979). Теория информации и передачи сигналов. М.: Советское радио.
- Кулешова Л. Н.* (1975). Вкусовые показатели при различных функциональных состояниях организма // Вестник ЛГУ. № 3. С. 150–153.
- Кулешова Л. Н.* (1983). К исследованию образной памяти вкусовой модальности // Категории, принципы и методы психологии. Психические процессы. Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. М. С. 454–455.
- Кулешова Л. Н.* (1985). Зависимость надежности прогноза дегустационного анализа от типа уровней и структурных характеристик вкусовой чувствительности // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 722. Проблемы психологии восприятия и мышления. Тарту. С. 97–105.
- Кулешова Л. Н.* (1997). Сенсорно-перцептивная организация в структуре психологических характеристик человека // Известия Академии педагогических и социальных наук. Вып. 2. С. 50–56.
- Левченко Е. В.* (2003). История и теория психологии отношений. СПб.: Алетейя.
- Либин А. В., Либина А. В.* (2008). Логика изучения природных основ психической реальности: теория ментальной иерархии Л. М. Веккера // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 101–108.
- Логинова Н. А.* (2005). Опыт человекознания: история комплексного подхода в психологических школах В. М. Бехтерева и Б. Г. Ананьева. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Логинова Н. А.* (2016). Антропологическая психология Бориса Ананьева. М.: Институт психологии РАН.
- Лук А. Н.* (1966). Память и кибернетика. М.: Наука.
- Марцинковская Т. Д., Юревич А. В.* (2007). Естественно-научная и гуманитарная парадигмы в психологии: Конфронтация или...? // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 161–169.
- Мясищев В. Н.* (2004). Психология отношений. Воронеж: МОДЭК; М.: Московский психолого-социальный институт.
- Осорица М. В.* (2008). Научное творчество и судьба Льва Марковича Веккера (К 90-летию со дня рождения) // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 85–100.
- Пирс Дж.* (1967). Символы, сигналы, шумы. Закономерности и процессы передачи информации. М.: Мир.
- Прибрам К.* (1975). Языки мозга. М.: Прогресс.
- Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов) (1976) / под ред. А. А. Бодалева, М. Д. Дворяшиной, И. М. Палея. Л.: ЛГУ.
- Розенблатт Ф.* (1965). Принципы нейродинамики. Перцептроны и теория механизмов мозга. М.: Мир.
- Суходольский Г. В.* (1997). Математическая психология. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Суходольский Г. В. (1998). Введение в тематико-психологическую теорию деятельности. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Тихонова Э. В. (2010). У истоков создания школы философской психологии в Санкт-Петербургском университете: Михаил Иванович Владиславлев // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 100–114.

Умрихин В. В. (2007). Историко-методологические проблемы анализа научных школ

в психологии // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 5–14.

Хольст Э., Оппельт В., Хензел Г. (1960). Процессы регулирования в биологии. М.: ИИЛ.

Тейяр де Шарден П. (1987). Феномен человека. М.: Наука.

Larsen R. J., Buss D. M. (2008). Personality psychology: domains of knowledge about human nature. Boston: McGraw Hill..

ВОСПОМИНАНИЯ О ЛЬВЕ МАРКОВИЧЕ ВЕККЕРЕ

Л. В. Меньшикова

*Новосибирский государственный
технический университет,
Новосибирск, Россия,
e-mail: melavl@mail.ru*

Автор вспоминает свое общение с Л. М. Веккером во времена студенчества и в последующие годы, содержание и стиль лекций Веккера, научные исследования, проведенные под его руководством, защиту кандидатской диссертации, контакты в обыденной обстановке. Также говорит о его ненавязчивом и мудром руководстве в определении направления исследований. Автор приводит данные о развитии прикладных психолого-педагогических исследований в вузе, в основе которых лежат теоретические представления Л. М. Веккера.

Ключевые слова: Л. М. Веккер, психический образ, теория психических процессов.

DOI: 10.7868/S1819265318040039

Для цитаты: Меньшикова Л. В. (2018). Воспоминания о Льве Марковиче Веккере // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 34–39.

Лев Маркович несомненно был необыкновенным человеком. Его оригинальная профессорская внешность, образ мыслей, манера рассуждать вслух, способность как-то особо вслушиваться в то, что говорил другой человек, невольно привлекали к себе внимание окружающих.

Я поступила на факультет психологии Ленинградского государственного университета в первый год его образования и со 2-го курса общалась с Львом Марковичем, выбрав его в качестве научного руководителя. Под его научным руководством защищала дипломную работу, затем кандидатскую диссертацию.

Первый раз я обратила на него внимание на ноябрьской демонстрации, когда мы, первокурсники, выстраивались для праздничного шествия около главного здания университета. Было пасмурное

утро, и мы стояли, поеживаясь от утренней свежести и предчувствуя, что скоро нас ожидает непростой марш-бросок через Дворцовый мост под ударами сбивающего с ног невского ветра. Один из опоздавших спросил, где здесь психологический факультет, на что кто-то вразумляющим голосом из толпы ответил: «Нужно говорить не “психологический факультет”, а “факультет психологии”» В конце фразы голос повысился и для большей убедительности даже перешел в фальцет, как бы по-особому вкладывая правильное название в уши слушателей. Я невольно нашла в толпе автора этих слов и увидела худощавого человека выше среднего роста в шляпе и больших очках. У него были выразительный нос и какая-то особая элегантность в слегка наклоненной вперед фигуре и движениях длинных рук. Это и был Лев Маркович,

который тогда полностью совпал с образом настоящего профессора психологии, как я себе его представляла. Льву Марковичу было тогда всего 48 лет.

Позднее на 2-м курсе Лев Маркович начал читать нам вторую часть дисциплины «Общая психология» — «Психические процессы» (на 1-м курсе лекции по общей психологии читал Б. Г. Ананьев).

О манере чтения лекций Львом Марковичем уже много написано его слушателями. Мне бы хотелось здесь просто отметить то, что наибольшее впечатление произвело тогда на меня.

Логичность, научная строгость и обоснованность его рассуждений. От лекции к лекции он как бы наращивал ткань той единой теории, которая связывала в стройную конструкцию разные факты и подходы, давая им свое новое объяснение. По мере продвижения возникали очертания уникальной теории, которая по уровню охвата разнородных психологических явлений и фактов и по своим объяснительным возможностям была вполне сопоставима с научными концепциями в строгих естественных науках. По мере чтения своих лекций Лев Маркович целеустремленно и настойчиво продвигался к раскрытию общих закономерностей, которые вдруг делали ясными те внутренние механизмы, которые властвовали в исходном хаосе психического, психофизиологического и переходах между ними. Это захватывало и увлекало. Лев Маркович, как мне кажется, был настоящим эстетом, тонким ценителем красоты. В точных формулировках ему удавалось передать гармонию сложных психических механизмов и именно эстетическое чувство вело его к тем научным выводам, которые лежат в основе его концепции. В одном из античных определений Красоты говорится о том, что это правильное согласование частей друг с другом и с целым. Еще В. Гейзенберг писал, что обнаруживается тесная связь между поня-

тым и прекрасным. Ведь если в прекрасном видеть согласие частей друг с другом и с целым, то переживание прекрасного почти отождествляется с переживанием понятой или хотя бы предугаданной взаимосвязи. Древние греки говорили, что Красота — это свечение в материальном явлении вечного сияния Единого. Лев Маркович относился к тем людям, которым было дано ощущать это сияние. И это проявлялось как в его неожиданных эмоциональных реакциях на окружающие события, затрагивавших «тонкие струны души», что иногда можно было наблюдать, так и в научном творчестве. Это проявлялось и на лекциях, когда яркие метафоры (типа «мистика белых ночей», о чем вспоминал и мой однокурсник Валера Кабрин (Кабрин, 2008)) внезапно оживляли строгое научное повествование, будили воображение (и невыспавшихся студентов) и открывали дверь в живой мир во всей его привлекательности и непредсказуемости.

Хочется привести здесь слова Валеры Кабрины из его эссе о Л. М. Веккере, которые очень точно передают то, как мы воспринимали лекции Льва Марковича: «Повествуя о сложных “приключениях” изоморфизма в перцепции, он умудрялся буквально вытаскивать образ на кончик пальца как острие иглы и буквально любоваться им. Именно тогда тонкая *телесность* образа стала для меня навсегда самой загадочной реальностью. Оказывается, это было видно и со стороны, когда я увидел себя, слушающего Веккера, на фотографии в университетской газете — с открытым ртом и широко раскрытыми глазами. Это была удивительная приобщенность к живому потоку и искусству мыслительной деятельности, ментальной жизни в полном смысле слова» (Кабрин, 2008).

Известен тот факт, что интерес к психологии у Льва Марковича возник из простого детского вопроса: как то, что я вижу, оказывается в моих глазах как органах

чувств, потом — в моем внутреннем мире, а затем опять проецируется вовне. И во всех его научных поисках как бы присутствует этот мальчик, остановившийся на мгновение в удивлении перед загадками мира.

В путешествие по разгадыванию тайны психических явлений он и отправился во взрослой жизни и умел в своих лекциях передавать почти как детективные сюжеты историю заблуждений, тупиков и внезапных открытий, сопутствовавших научному поиску. Психология в изложении Льва Марковича была пронизана «жгучими тайнами» и неразрешимыми мировыми загадками, от которых на нас веяло сквозняком вечности. Он иногда повторял слова: «Мы стоим на плечах гигантов, дело которых мы продолжаем». Я помню, что бесстрашие Льва Марковича, посягнувшего на разгадку тайны ментальной репрезентации внешней физической реальности, произвело тогда на меня глубочайшее впечатление и даже, можно сказать, поразило.

На 2-м курсе мы уже стали определяться со своей научной работой и выбором руководителя. Меня привлекало изучение мышления человека. Повлияли на выбор и лекции Веккера. Поэтому я обратилась к нему и просила, как полагается в этом случае, быть моим научным руководителем. В ответ он предложил написать, чем бы я хотела заниматься в виде небольшого проекта, в котором были бы видны перспективы развития работы на будущее. Поразмыслив, я написала две странички со всякими гипотезами и вариантами и отдала Льву Марковичу. Думаю, что это было чересчур смелое и наивное сочинение, но оно было очень искреннее и совершенно самостоятельное. Прочитав мой опус, Лев Маркович со свойственным ему подчеркнутым уважением и вниманием, которое он всегда проявлял к любому собеседнику, серьезно обсуждал мой проект, и в итоге мы пришли к формулировке темы курсовой работы. Интересно то, что

почти через семь лет, когда я уже защищала кандидатскую диссертацию (Меньшикова, 1974), написанную под его руководством, после защиты он подошел ко мне и с доброй, слегка лукавой улыбкой без слов протянул эти два листочка, о которых я почти забыла. Боюсь, что у меня не найдется слов, чтобы описать мое удивление... Как мог он сохранить эти пожелтевшие странички? Лев Маркович одним движением руки соединил прошлое и настоящее. Это был столь органичный для Льва Марковича изящный жест, завершивший гештальт, по-настоящему человеческий и глубокий по своей природе.

Вообще Лев Маркович, хотя и производил на первый взгляд впечатление человека немного не от мира сего, чему способствовали его оригинальная внешность и в особенности не очень хорошее зрение, на самом деле был очень наблюдательным, все замечал и на все внутренне реагировал, хотя и не всегда это показывал. Он обладал, как мне казалось, повышенной чувствительностью и очень тонко воспринимал окружающий мир. Чувство красивой формы руководило им и в научных поисках, и в принятии жизненных решений. Причем эти решения и его поступки в своем большинстве были очень адекватными и хорошо продуманными.

У Льва Марковича было прекрасное чувство юмора. На лекциях и в общении со студентами он был обычно серьезным, но в неформальной обстановке во всем блеске раскрывались его ироничность и умение увидеть забавное в ситуации. Мне случилось это наблюдать, когда мы отмечали мою защиту кандидатской. В то время, приехав на защиту из Новосибирска, я остановилась у моей близкой подруги и однокурсницы Инны Безбородко. После успешной защиты мы пригласили Льва Марковича с его женой Миной Яковлевной к себе в гости, чтобы отметить это событие. Веккеры прихватили с собой Валентину Николаевну Андрееву (зам. де-

кана факультета психологии) и Владимира Валентиновича Лоскутова. Застолье получилось дружеским и веселым, Лев Маркович рассказывал смешные истории из своей студенческой жизни. Вместе с Миной Яковлевной они вспоминали, что студенты во времена их молодости были намного более открытыми по сравнению с нынешними, близко общались с преподавателями, запросто ходили к ним в гости. Особенно мне запомнился рассказ Льва Марковича о том, как, только что женившись на Мине Яковлевне, он вместе с ней пришел в гости к одному, насколько я помню, известному физику — своему бывшему преподавателю, и тот, отведя его в сторону, сказал ему на ухо: «Поздравляю, вы выбрали наименьшее из всех зол». Дело в том, что Мина Яковлевна была очень невысокого роста и даже казалась маленькой рядом с высоким Львом Марковичем.

Лев Маркович был человеком обязательным, мне приходилось перед защитой своей кандидатской диссертации часто встречаться с ним. Обычно перед этим мы созванивались, и ни разу Лев Маркович не опоздал и не пропустил ни одну из этих встреч. Меня также всегда удивляла его высокая работоспособность и способность концентрироваться на той проблеме, которой он занимался в данный момент. Он сам рассказывал мне, подбадривая во время моей работы над диссертацией, что даже в метро он старается не терять время и часто продумывает фрагменты лекций или то, что собирается изложить в книге или статье. Я помню, как Мина Яковлевна восхищалась этой особенностью Льва Марковича и рассказывала нам с Наташей Логиновой о том, что даже во время ремонта в их заставленной коробками квартире Лев Маркович, стоя на одной ноге (поскольку вторую попросту некуда было поставить), что-то сосредоточенно писал на подоконнике, не прекращая своей работы даже в таких неподходящих условиях.

Как научный руководитель, Лев Маркович предоставлял большую свободу и в выборе темы, и в составлении программы исследований. Лишь однажды я почувствовала его ненавязчивую, но ощутимую волю, когда он развернул часть моей работы в сторону изучения координации разных уровней обобщения в мышлении людей пожилого возраста. Для подтверждения его теоретических выводов необходимы были эмпирические данные, которые бы раскрывали особенности мышления у людей, достигших старческого возраста, когда происходят определенная деградация и качественные изменения в составе и функциях мышления в связи с преклонным возрастом и ослаблением общего энергетического тонуса. Второе направление, имевшее целью поиск эмпирического подтверждения его теоретических положений, было связано с клиническим изучением деструктивных процессов в умственной деятельности у пациентов, страдающих патологией мышления. Эту часть работы выполняла моя однокурсница Марина Холодная (в то время Бергер). Мы были одними из первых, кто начинал реализовывать масштабный проект исследований под руководством Льва Марковича, необходимый для создания эмпирического фундамента его концепции. Это был хорошо продуманный проект, в исполнение которого со временем вливались новые студенты и аспиранты, а Лев Маркович направлял каждого, имея перед глазами общую карту и грандиозный замысел создания своей общей теории психических процессов (см.: Веккер, 1964; 1974; 1976; 1981; 1998).

Приходится сознаться, что, привыкнув самостоятельно решать куда мне двигаться в организации своих исследований, поначалу я испытывала внутреннее сопротивление неожиданному повороту, который предлагал совершить мой научный руководитель. Но вскоре пришлось убедиться, что предлагаемое

направление исследований не только расширило и обогатило научное содержание моего дипломного проекта, но и открыло для меня некоторые стороны жизненного мира людей, о которых в то время я не имела никакого представления. Моими испытуемыми были люди, которые жили в разных домах для престарелых (так это тогда называлось). Был очень интересный и своеобразный контингент испытуемых из знаменитого ленинградского Дома ветеранов сцены, из Дома ветеранов — партийных работников и были простые старушки в платочках и старики из обычных, переполненных сверх меры, ленинградских домов для престарелых. Сколько жизненных историй и судеб тогда прошло предо мною, у многих была простая человеческая потребность рассказать о себе помимо участия в моем эксперименте. Я до сих пор благодарна Льву Марковичу за то, что его мудрая рука направила меня в эту сторону и открыла для меня в таком юном возрасте этот мир, наполненный настоящей (не книжной) жизнью самых разных людей, их радостью и болью, страхами и страстями, терпением, мужеством и милосердием. Опыт этой работы позволил увидеть разные стороны человеческой натуры, разные жизненные пути и в какой-то мере научил меня принимать людей такими, какие они есть.

Концепция Льва Марковича Веккера была результатом его теоретических поисков и встречных эмпирических исследований, которые выполнялись его учениками (М. А. Холодной, М. В. Осориной, В. В. Лоскутовым, Л. В. Меньшиковой, А. М. Грункиным и др.). Одним из центров, в котором проводилась экспериментальная проверка отдельных положений его теории, осуществлялась их апробация и практическое внедрение, был Новосибирский государственный технический университет (НГТУ, бывший НЭТИ). Эти исследования проводились группой психологов — выпускников фа-

культета психологии ЛГУ, в которую входила и я, в тесном контакте с преподавателями общетехнических дисциплин этого вуза (С. И. Мещерякова, Г. Б. Скок, Л. Г. Корякин и др.). Процесс подготовки инженерных кадров в одном из крупнейших технических вузов страны создавал богатые и разнообразные возможности для проверки отдельных фундаментальных положений теории психических процессов Л. М. Веккера.

Одно из наиболее развитых направлений этой работы, которое наглядно продемонстрировало важное прикладное значение теории психических процессов Веккера для формирования фундаментальных инженерных умений, было связано с обучением студентов моделированию физических явлений. Основываясь на теоретических положениях Веккера о том, что мышление есть взаимообратимый перевод с языка пространственных структур на язык символически-операторный, можно рассматривать процесс построения физической модели как согласованные преобразования словесной и образной ее частей в соответствии с целью, ограничениями и критериями эффективности модели. Этот процесс предполагает ассоциативный поиск образного контекста, включающего чувственно-наглядные и символические образы. Построение образа, входящего в модель физического явления, связано с возрастанием его обобщенности (переходом от чувственно-наглядной основы через выделение существенных признаков и схематизацию к символическому образу). На основании проведенных исследований был сделан вывод о том, что методы обучения моделированию физических явлений должны основываться прежде всего на развитии у студентов образных представлений, являющихся структурными единицами моделей, при этом преподаватель должен уделять большое внимание формированию механизма координации

образных и вербальных составляющих модели в процессе развития инженерного мышления будущих специалистов. Следует отметить, что эффективность системы обучения студентов инженерным умениям, основанной на теоретико-методологических положениях концепции Льва Марковича, была доказана в целом ряде диссертационных исследований, выполненных под его руководством в НЭТИ.

В 1976 г. по приглашению ректората НГТУ Лев Маркович прочел блестящий цикл лекций по психологии интеллекта, который стал значительным событием не только для психологов, занимавшихся организацией психологической службы, но и для преподавателей разных учебных дисциплин из НГТУ и других вузов, а также ученых Новосибирского академгородка. Большая поточная аудитория не могла вместить всех желающих, приезжавших на эти лекции с разных концов Новосибирска. Лев Маркович очень серьезно и с большим интересом вслушивался в вопросы этой разнородной по составу аудитории и стремился создать атмосферу продуктивного диалога. Это хорошо удавалось потому, что было то, что изначально привлекало к нему и объединяло его с другими: удивление, возникающее у каждого исследователя в преддверии тайны, и ощущение той гармонии и совершенства, которые заключены как в природе интеллекта человека, так и в физическом законе или в математической теореме. В своих лекциях Лев Маркович стремился раскрыть загадку этой гармонии и встречал самый живой отклик слушателей. Эти замечательные по научной глубине и выразительности лекции оказали большое влияние на формирование интереса к психологии и развитие психолого-педагогических исследований в вузах Новосибирска.

Оценивая значение научных идей Льва Марковича Веккера и его вклад в развитие теории психических процессов,

хотелось бы особо подчеркнуть уникальность его подхода к раскрытию их целостной природы и взаимосвязи. Ему удалось создать оригинальную концепцию, включающую анализ психических явлений от тактильных ощущений до мыслительных и эмоционально-волевых процессов, имеющую не только теоретическое, но и прикладное значение. Однако с сожалением приходится признать, что в отечественной психологии научное наследие Л. М. Веккера до сих пор не было оценено так, как оно того заслуживает. Хочется верить, что его научным трудам, «как драгоценным винам, настанет свой черед». 100-летний юбилей Льва Марковича Веккера — это повод вспомнить те научные сокровища, порожденные его блистательным интеллектом и напряженным трудом, которые он оставил всем нам. Это также повод вспомнить этого удивительного человека, умевшего создавать трепетную атмосферу рождения живой мысли, которая не оставляла равнодушным никого.

Литература

Веккер Л. М. (1964). Восприятие и основы его моделирования. Л.: Изд-во Ленинградского университета.

Веккер Л. М. (1974). Психические процессы. Т. 1. Л.: Изд-во Ленинградского университета.

Веккер Л. М. (1976). Психические процессы. Т. 2: Мышление и интеллект. Л.: Изд-во Ленинградского университета.

Веккер Л. М. (1981). Психические процессы. Т. 3: Субъект. Переживание. Действие. Сознание. Л.: Изд-во Ленинградского университета.

Веккер Л. М. (1998). Психика и реальность. М.: Смысл.

Кабрин В. И. (2008). Живой Лев Маркович // Сибирский психологический журнал. № 30. С. 116.

Меньшикова Л. В. (1974). Образные компоненты в мышлении: дис. ... канд. психол. наук. Л.: Ленингр. гос. ун-т.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НЕЙРОПСИХОЛОГИИ В СВЕТЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПСИХИКИ Л. М. ВЕККЕРА

Л. И. Вассерман

*Санкт-Петербургский
государственный университет,
НИПИ им. В. М. Бехтерева,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: psy_lab@inbox.ru*

Т. В. Чередникова

*Психоневрологический диспансер
Фрунзенского района,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: tvchered01@inbox.ru*

В статье кратко рассматриваются актуальные проблемы нейропсихологических теорий и исследований внимания, его развития и нарушений в онтогенезе. Оценивается значение общих психологических принципов, сформулированных в информационной теории психики Л. М. Веккера для решения этих проблем. Обосновывается продуктивность обращения детской нейропсихологии к фундаментальным закономерностям информационной организации психики, к понятиям основных и сквозных психических процессов, их иерархии и связей с многоуровневым мозговым носителем. Эти положения демонстрируются на примере объяснения конкретных экспериментальных фактов нейропсихологии внимания, противоречий между ее конкурирующими теориями, а также острых частных вопросов нарушений нейроразвития в детском возрасте.

Ключевые слова: нейропсихология внимания, закономерности информационных психических процессов, нейропластичность, синдром дефицита внимания, нарушения математических способностей, синдром Вильямса.

DOI: 10.7868/S1819265318040040

Для цитаты: Вассерман Л. И., Чередникова Т. В. (2018). Актуальные проблемы современной нейропсихологии в свете общей теории психики Л. М. Веккера // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 40–54.

Интенсивное развитие высоких медицинских технологий в последние десятилетия значительно продвинуло возможности изучения скрытых мозговых процессов психической деятельности. Однако изучение сложно опосредованных зависимостей между морфофизиологией мозга и психическими функциями затрудняется проблемами современного состояния самой психологии, особенно ее общетеоретического бази-

са. Отсутствие общепризнанной единой теории психики, обилие частных теорий отдельных психических процессов и функций, несовпадение теоретических дефиниций, подходов и методов психодиагностики — все это, по нашему мнению, вызывает известный теоретический «беспорядок» (Вассерман, Чередникова, 2010). И особенно он опасен в нейропсихологии, т.к. здесь любая корреляция психических переменных с мозго-

выми процессами или структурами легко получает, по мнению Р. А. Маккарти и Е. К. Уорингтон (McCarthy, Warrington, 1990), статус «обоснованного и объективного факта». При этом сомнительная достоверность таких «фактов», чаще всего порождается неадекватной психологической интерпретацией выявленных нейропсихологических связей или неверным подходом к измерению и моделированию самого психического параметра, из-за недостаточного психологического понимания его природы, как считает J. M. Fuster (Fuster, 2003). Все возрастающий поток новых экспериментальных фактов порождает и необходимость их адекватного научного обобщения, объяснения, а также решения споров между конкурирующими частными теориями. Решить эти вопросы в пределах узконейропсихологических интерпретаций пока не удастся. По-видимому, нейропсихология сегодня остро нуждается в такой теории психики, которая раскрывала бы сущность всех психических процессов и функций в их непротиворечивом единстве, системной взаимосвязи и конкретной специфике.

На наш взгляд, информационная теория психики Л. М. Веккера (Веккер, 1974; 1976; 1981) — одна из наиболее подходящих для этих целей. Являясь по сути метанаукой о психическом и созданная на стыке различных наук (философии, психологии, физиологии, биологии, физики и информатики), она опирается на фундаментальные научные закономерности. Это позволяет ей охватить едиными представлениями и понятиями разнообразие новых и частных знаний, получаемых в любых направлениях нейропсихологических исследований, и дать им убедительное объяснение. На примере решения ряда актуальных проблем зарубежной нейропсихологии внимания рассмотрим в действии наиболее важные положения единой теории психики.

Концептуальные проблемы современной нейропсихологии внимания

Существующие в нейропсихологии модели внимания опираются на данные верифицированной патологии мозга и современных нейровизуализационных исследований, и поэтому включают одни и те же мозговые структуры, однако подчас по-разному трактуют их сложные морфофункциональные связи (Fuster, 2003; Mesulam, 1981, 1990; Posner, Peterson, 1990 и др.). Разрешимы ли теоретические споры трех наиболее известных «конкурирующих» нейропсихологических моделей внимания?

Конкурирующие теории внимания

1. М. Месулам (Mesulam, 1990) выделяет распределенную сеть пространственного внимания, охватывающую три моносинаптически взаимосвязанные корковые структуры мозга, эпицентрами которых являются теменная область (вокруг внутренней теменной борозды), орбитофронтальная кора в соотношениях с премоторным неокортексом и передний отдел поясной извилины. Предполагается, что теменная область осуществляет картирование местоположения выделяющихся сенсорных стимулов и объединение моторных стратегий достижения целей (Andersen, 1995; Robinson, Kertzman, 1995). Фронтальное поле произвольного движения глаз (8-е поле Бродмана) и прилегающие к нему зоны, по мнению М. М. Месулама, играют ведущую роль в построении ментальной карты исследовательских действий (селекции, фокусировании внимания, слежения, исследования, последовательного упорядочивания и исполнения зрительно-моторных действий по достижению и схватыванию целевых стимулов). Поясная извилина, находясь в структуре лимбической системы, обеспечивает координацию про-

пространственного внимания с ожиданиями и эмоционально-мотивационным компонентом деятельности (Fuentes, 2004). Эффективность пространственного внимания при этом обеспечивается реципрокным взаимодействием всех трех корковых сетей и связанных с ними структур мезо-диэнцефального уровня (таламуса и стриатума). Повреждение любой из этих структур вызывает парциальное контралатеральное игнорирование зрительного поля и тем более значительное, чем больше нервных сетей всей системы внимания повреждено. Автор модели пространственного внимания убежден в ее универсальности и, значит, пригодности для любой, а не только зрительной модальности.

2. Теория внимания М. Познера и С. Петерсона (Posner, Peterson, 1990) включает дополнительные мозговые структуры (*бодрствования-бдительности*), несколько по-иному определяет функции сетей внимания и организует их в иерархическую систему. Познер и Петерсон тоже считают внимание амодальным, только не потому, что внимание имеет универсальную пространственную природу, как полагает Mesulam, а по причине универсального характера его функций, определяемых в терминах когнитивного контроля. Базовым уровнем их модели служат *сети бдительности* (мезэнцефалическая ретикулярная формация и амигдала), которые обеспечивают надлежащую степень возбуждения коры мозга, поддерживая уровень бодрствования. Поступающая сенсорная информация может усиливать активность всей системы бодрствования, функция которой к тому же еще — служить сенсорным фильтром. Два верхних уровня этой теоретической модели представлены задними и передними сетями внимания. Так, задние латеральные и боковые пульвинарные ядра таламуса, средний мозг и *задние отделы коры* (верхняя теменная зона) по-

следовательно включены в процессы сенсорной ориентации (определения пространственного положения стимулов) и селекции. *Передние системы внимания*, или ее высший уровень (префронтальный — дорсо- и вентролатеральный и сингулярный кортекс) вместе с базальными ганглиями обеспечивают когнитивный контроль. Они усиливают или подавляют нейронную активность, когда надо выбрать из двух конкурирующих стимулов, переключить или распределить внимание или подавить ответ на выдающийся, но не релевантный стимул (Andersen, 1995; Robinson, Kertzman, 1995). Нейроанатомия и функции верхних подсистем в этой модели мало отличаются от теменных и фронтальных сетей модели Mesulam, но в ней особо подчеркиваются механизмы ступенчатого взаимовлияния разных уровней сетевой иерархии друг на друга через восходяще-нисходящие нервные пути (Лурия, 1973) и выделяются две подсистемы. Нижняя сеть — «бодрствования-бдительности» — регулирует экзогенное, или произвольное внимание. А сети верхней подсистемы обеспечивают эндогенное, или произвольное внимание через нисходящие влияния от заднего и переднего неокортекса на подкорковые структуры. Обе подсистемы важны для адаптации и в зависимости от обстоятельств могут модулировать или тормозить активность друг друга (Fuentes, 2004).

3. Аттенционная модель, которую предлагает J. M. Fuster (Fuster, 2003), также иерархична, но не включает «подсистему бодрствования», как предыдущая схема, отличаясь от нее рядом принципиальных моментов. Во-первых, Fuster не разделяет нейронные сети сенсорно-перцептивной обработки информации и сети внимания. Он полагает, что для выполнения основной функции внимания — фокусирования и усиления целевых стимулов — не требуется особая нейронная структура, как и не нужна она для выпол-

нения других функций внимания — его распределения, переключения и поддержания устойчивости. Все эти функции осуществляют иерархические нейронные структуры модально-специфической переработки информации, поскольку их иерархический контур с обратной связью порождает механизмы самоорганизации. Так, сначала стимульные воздействия активируют нейронные сети, соответствующие их сенсорной модальности (визуальные — нижневисочный неокортекс, аудиальные — верхневисочный слуховой, тактильные — верхнетеменной, а пространственные — нижнетеменной неокортекс). Затем, в зависимости от сложности выполняемой задачи, в сенсорный процессинг вовлекаются нейронные сети более высоких уровней переработки информации, например, префронтальной коры. Верхние уровни информационного процессинга, в свою очередь, посылают нисходящие сигналы к исходным сенсорным сетям, усиливая интенсивность целевых стимулов и одновременно подавляя активность нерелевантной сенсорной информации. После чего цикл этих восходящих и нисходящих реактиваций продолжается до тех пор, пока цель не будет достигнута, что и составляет, как полагает Fuster, механизм самоорганизации в иерархии нейронных структур.

Каждая из этих теорий нашла свое подкрепление в тех или иных фактах детской нейропсихологии. Как и следовало из модели пространственного внимания Месулама, если перинатальные повреждения затрагивали кортикальные и/или субкортикальные регионы этой системы (особенно, базальные ганглии), то у младенцев нарушались даже простейшие формы пространственной ориентации в любой модальности (Atkinson, Hood, 1994). На первичность «подсистемы бодрствования» как базального уровня экзогенной регуляции внимания у новорожденных указывает превалирующая

биологическая активность именно этих регионов (ретикулярной формации ствола мозга и таламуса) в первые пять недель жизни (Colombo, 2001). При этом у детей отмечалась «липкая фиксация» взгляда (зеркально синдрому Балинта у взрослых), которая позже становилась все более и более гибкой по мере созревания теменных структур (Johnson, 1990). Последующее созревание фронтальных нейронных сетей внимания уже обеспечивало детям 4–6 месяцев возможности тормозить произвольные саккады, направляя их в сторону предвосхищаемого движения стимула (Csirba, Tucker, Johnson, 2001). Таким образом, ступенчатая последовательность развития усложняющихся способностей пространственной ориентации у младенцев согласуется с иерархическими моделями внимания (Fuster, 2003; Posner, Peterson, 1990).

Какая же из трех теорий внимания предпочтительнее, и как устранить их противоречия? Является ли внимание амодальным? Нужны ли особые нейронные сети для его функционирования? Специфичны ли функции внимания или они представляют собой только общие формы когнитивного контроля? Является ли иерархия нейронных структур внимания двухступенчатой — с подсистемами эндогенного и экзогенного внимания Познера и Петерсона, или многоуровневой, как у Фустера? Решение этих вопросов прямо определяет выбор методов развития внимания и коррекции его нарушений у детей.

Концепция внимания в единой теории психики Л. М. Веккера

С позиций информационной теории психики все три модели не конкурируют, но функционально и структурно дополняют друг друга, что далеко не очевидно в рамках частных нейропсихологических закономерностей и локальных экспериментальных фактов, свидетельствующих,

как мы видели, в пользу разных теорий. Только соответствие экспериментальных фактов фундаментальным психологическим закономерностям может придать им необходимую общую доказательность, например, если причастность внимания к сенсорно-перцептивным процессам и зависимость иерархической организации его нейронных сетей от сложности анализа сенсорной информации будут являться частными следствиями общей теории психики.

Согласно теории Л. М. Веккера, элементарные ощущения — это простейшие психические сигналы, которые как информационные структуры являются более сложными, чем нервные сигналы, поскольку, декодируя их, способны уже отражать пространственную локализацию, временную последовательность и длительность, а также модальность-интенсивность стимула (источника информации). На основе этих первичных свойств психики, как показал Л. М. Веккер, последовательно и закономерно осуществляется все более полная развертка информации в других психических кодах (перцептивных и вторичных образах, мыслях, эмоциях, программах регуляции и др.). При этом все психические процессы, в том числе и внимание, на любом уровне структурной сложности никогда не теряют своих изначальных родовых психических свойств, присущих уже ощущениям.

В пользу такого понимания родовых свойств внимания свидетельствуют отдельные эксперименты. Например, у новорожденных снижение частоты сердечных сокращений как показателя изменения направленности внимания на новый стимул (любой модальности) детерминруется не только новизной локализации, но и соотношением интенсивности и сложности стимула (Clarkson, Berg, 1983; Fox, 1979). Это означает, что уже на самых ранних этапах ориентации — этапе

непроизвольного внимания — в его регуляции участвует анализ сенсорных стимулов, выделяющий, как минимум, их локализацию, интенсивность и модальность, а также пространственную сложность в той или иной степени. Данные нейровизуализации подтверждают также, что и высшие формы внимания у взрослых причастны к сенсорным сетям. Так, фронтальные отделы (премоторные корковые поля произвольного движения глаз) осуществляют не только высшие функции внимания (когнитивный контроль) и регуляцию движений головы и глаз. Они также являются мультисенсорным регионом, участвующим в определении пространственной локализации стимулов, наряду с низшими нейросетевыми уровнями переработки информации (верхними бугорками четверохолмия, дорсомедиальными ядрами таламуса, внутренней теменной бороздой) (Kirchner et al., 2009).

Из этой причастности внимания к сенсорным сетям следует, что его многоуровневая организация должна определяться сложностью процессов обработки сенсорной информации, как и полагает J. M. Fuster (Fuster, 2003), и это подтверждается экспериментально. Высшие уровни внимания развиваются у новорожденных поэтапно, обнаруживая себя уже с 1,5–2 месяцев сначала в непродолжительных реакциях и рудиментарных формах, которые постепенно прогрессируют по мере созревания фронтальных структур и усложнения сенсорно-перцептивного анализа информации (Haith, Wentworth, Canfield, 1993; Richards, 2003).

Иллюзию же амодальности внимания создает его сквозной характер. Информационная теория психики выделяет четыре сквозных психических процесса: память, воображение, внимание и речь. Все они связаны с функцией психического отражения времени и потому проникают во все основные психические процессы, которые отражают пространство-вре-

мя, а также модальность-интенсивность объективного мира. Поэтому сквозные процессы психики не имеют своей сенсорной специфики. Например, память, внимание или воображение-антиципация присущи сенсорно-перцептивным процессам любой модальности. Речевые процессы, как известно, также могут опираться на любые сенсорные ощущения, например, кинестетические или тактильные.

Основные психические процессы (когнитивные, эмоциональные и регуляторные), в отличие от сквозных, сенсорно специфичны и различаются, прежде всего, разным соотношением сенсорных модальностей в их психической ткани. В когнитивных процессах преобладают экстерорецептивные ощущения, в эмоциональной ткани — висцерорецептивные ощущения от внутренних органов, а в регуляторных процессах — проприорецептивные ощущения, связанные с движением костно-мышечного аппарата (эффекторным звеном психической деятельности). Нейрофункциональная организация структур головного вполне соответствуют такому подразделению психических процессов.

Нейропсихологические концепции внимания с позиций теории Л. М. Веккера

Исходя из указанных закономерностей информационной организации основных и сквозных психических процессов, можно найти недостающие звенья в каждой из рассмотренных выше моделей внимания. Так, J. M. Fuster не включает в свою модель структуры произвольного, или «экзогенного» внимания Познера и Петерсона, или иначе внимания, регулируемого восходящими сенсорными сигналами. Точно также, выделяя перцептивные и исполнительские сети внимания, он опускает эмоциональные нейронные сети, которые могут направлять внимание как на базовые эмоциональные

ощущения (уровень миндалины), так и на высшие формы эмоционального поведения (уровень передней поясной извилины). Но эмоционально-мотивационные сети внимания как раз выделяются в модели Mesulam (Mesulam, 1990). Таким образом, при известных дополнениях и правках (включении уровня сенсорного внимания и сети эмоционального внимания), теоретическая схема Fuster может интегрировать продуктивные положения всех трех конкурирующих моделей внимания. Такая единая, иерархическая, более полная и непротиворечивая теоретическая схема могла бы стать полезным инструментом дальнейшего постижения природы внимания и его нарушений.

Проблемы расстройств внимания и теории Л. М. Веккера

Насколько итоговая интегральная модель внимания может быть полезна в понимании причин и характера синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) у детей? Центральной проблемой этого расстройства (соотносимого, главным образом, с повреждением фронто-стриатного комплекса) считают дефицит способностей торможения, включающий два разных аспекта. «Горячий», или аффективный аспект управления поведением и вниманием и «холодный», иначе дефицит когнитивного контроля (саморегуляции, рабочей памяти, планирования, когнитивной гибкости). «Горячий» дефицит связан с гипоактивностью вентрального и медиального отделов префронтальной коры (включая передние отделы поясной извилины) или сети эмоционально-мотивационного контроля внимания (Luman et al., 2009), а «холодный» — с дорсолатеральным префронтальным снижением активности (Emond, Joyal, Poissant, 2009). Кроме того, причины СДВГ пытаются связать и с расстройствами нейронных «сетей бдительности» (Sergeant, Meere, 1990). Все эти три систе-

мы оказались включенными выше в итоговую нейропсихологическую модель внимания как сквозного психического процесса. Вне концептов единой теории психики Веккера такая интеграция трех частных аттенционных теорий на данном этапе развития научных знаний вряд ли могла быть осуществлена.

Более того, модель внимания как сквозного, а потому полимодального процесса, предсказывает вовлеченность в СДВГ и множества других регионов головного мозга. Например, в последнее время в ряде нейропсихологических, нейровизуализационных, психогенетических и нейрохимических исследований был согласованно выявлен дефицит функций и объема затылочных и височных долей, мозжечка и мозолистого тела при СДВГ. Такие регионы не могли быть предсказаны, как замечают ученые (Emond, Joyal, Poissant, 2009), ни одной из теоретических схем нейропсихологии внимания. Однако концепция внимания как сквозного психического процесса делает эти открытия вполне закономерными. Так, затылочный и височный регионы (включая боковые желудочки) затрагивают функции сенсорно-перцептивного (зрительного и слухового соответственно) внимания, а мозжечок, участвуя в исполнительских функциях (контроле моторной координации) и временной интеграции движений, может быть связан с расстройствами исполнительского внимания. Дефицит внимания как сквозного психического процесса предполагает не только разнообразие региональной патологии мозговой деятельности, но и возможные расстройства внутри- и межполушарных связей (мозолистое тело), нарушающих интегративные функции внимания, связанные с парадоксальной природой психического времени, которое отражает одновременно настоящее, прошлое и будущее в каждом временном отрезке. Внимание, как и другие сквозные процессы психики, способ-

ствует интеграции последовательных моментов времени. Но, в отличие, например, от памяти, удерживающей благодаря особым антиэнтропийным механизмам последовательность временных моментов прошлого и настоящего в каком-то ограниченном объеме, внимание, фокусирует лишь часть элементов любого удерживаемого временного ряда, усиливая их энергетически с помощью реципрокных механизмов торможения-возбуждения. Расстройства восприятия временных отрезков при СДВГ (Rommelse et al., 2008) вполне соответствуют этому представлению. Таким образом, различные экспериментальные факты согласуются с интегральной моделью внимания, представленной выше в рамках информационной теории психики.

Нарушениями интегративных функций внимания можно также объяснить интраиндивидуальную вариативность как когнитивных тестовых достижений (Rommelse et al., 2008), так и электрофизиологических показателей функциональной активности мозга в покое при СДВГ (Castellanos, Kelly, Milham, 2009), которые все чаще рассматривают в качестве наиболее вероятных кандидатов в эндофенотипы этого расстройства (Frazier-Wood et al., 2012).

Информационное понимание сквозной природы внимания может иметь и практическую ценность, например, для организации нейрокогнитивного вмешательства при СДВГ, позволяя понять, что развивать внимание или корректировать его расстройства недостаточно только в одной из сенсорных модальностей или в одном из психических процессов (познавательном, эмоциональном или регуляторном). Ответ на вопрос о том, как формировать произвольное внимание — тренируя волевую мобилизацию или развивая речевую регуляцию внимания — также связан с теоретическими представлениями Веккера об участии ре-

чи в высших формах произвольного внимания. Очевидно, что, с точки зрения информационно-теоретической психики, проблема развития и коррекции расстройств внимания в онтогенезе может получить новые импульсы для исследований.

Общие и частные проблемы детской нейропсихологии в свете теории

Л. М. Веккера

Ускоренное развитие нейропсихологии в последние десятилетия напрямую связано с использованием новейших методов медицинских биотехнологий, которые позволяют исследователям изучать структурно-функциональные соотношения при анализе когнитивных, эмоциональных и поведенческих расстройств на всех уровнях общей метасистемы их мозговых механизмов. Но если методы нейровизуализации значительно продвинули познания о связях «мозг — поведение» во взрослой нейропсихологии, то в детской нейропсихологии научные достижения оказались гораздо скромнее (Giedd et al., 1996). Причиной тому — особые трудности, которые представляет широкая интериндивидуальная вариабельность и гетерогенность как мозговых аномалий, так и соответствующих психологических коррелятов при расстройствах нейроразвития, а также сам факт динамического морфофункционального статуса развивающегося мозга и необходимость учитывать действие множества факторов нейроразвития (постепенную специализацию и гетерохронность созревания различных морфофункциональных систем, наличие сензитивных и критических периодов в их развитии, высокой нейропластичность головного мозга и вариативность индивидуальных темпов и траекторий развития и др.). Это всегда особо подчеркивалось в отечественной нейропсихологии Л. С. Выготским, А. Р. Лурия, Е. Д. Хомской, Т. В. Ахутиной, Л. С. Цветковой,

Э. Г. Симерницкой, Н. К. Корсаковой, Ж. М. Глозман, Т. А. Доброхотовой и многими другими учеными.

При этом в зарубежной литературе так же подчеркивается, что специфика психического функционирования у детей, обусловленная факторами нейроразвития (интерактивности, соревновательности, компенсации, избыточности, специализации, локализация, модуляризации, гетерохронности, динамичности функциональных систем и др.), еще мало изучена и редко учитывается в когнитивной нейронауке, детской нейропсихологической диагностике и психокоррекции (Baron, 2003; Donders, Hunter, 2010; Peterson, 2009; Reed, Warner-Rodgers, 2008; Reynolds, Fletcher-Janzen, 2008; Semrud-Clikeman, 2009 etc.).

Общая теория психики и проблемы понятийно-категориального языка в детской нейропсихологии

На фоне этих трудностей, фундаментальная теория, с ее мощными способностями описывать, объяснять и предсказывать научные факты могла бы помочь, как в решении общих и частных проблем детской нейропсихологии, так и в наведении концептуального «порядка» в ней как развивающейся и прикладной научной дисциплине, в которой «словарь» феноменологических описаний и научных терминов еще не в полной мере обоснован общими закономерностями и понятиями.

Например, в практику отечественной детской нейропсихологии широко входит термин «нейропсихологического синдрома» как показателя возрастной незрелости мозга и психики здоровых детей (Корсакова, Микадзе, Балашова, 1997; Семенович, 2008). Предлагается даже понятие «позитивного нейропсихологического синдрома развития» (Микадзе, 2009). Такой подход к концептуальному словарю нейроразвития отражает, по-видимому, исторические тенденции

формирования классической нейропсихологии в русле исследований мозговой патологии, а детской нейропсихологии — в рамках и вслед за становлением нейропсихологии взрослых (Вассерман, Шерешевский, 2006). Ведь только в сравнении со взрослыми можно говорить о здоровой детской психике в терминах «незрелости» или «несформированности», т.е. определять закономерные этапы и формы *прогрессивного* возрастного развития в отрицательных терминах — в терминах «от противного». Логичнее было бы, хотя бы во избежание инерции неkritичного переноса данных патологии — да к тому же еще и взрослой психики — в детскую нейропсихологию, предпочесть другой, на наш взгляд, более продуктивный концептуальный язык, подчеркивающий закономерные достижения нейроразвития в каждом возрасте.

В частности, общая информационная теория психики Веккера, могла бы предложить понятия возрастных «*структурно-уровневых инвариантов*» нейропсихологического развития. Именно структура и мера (количественный уровень) описывают всякий информационный процесс, в том числе и психический. Кроме того, возрастное развитие психических процессов, как показал Веккер (Веккер, 1974; 1976; 1981), подчиняется строгим закономерностям роста пространственно-временного изоморфизма психических сигналов, моделирующих свойства объективного мира. Каждый возрастной нейропсихологический паттерн будет отражать именно закономерный структурно-уровневый инвариант такого роста, в то время как «*нейропсихологические синдромы*» при патологии развития у детей представляют собой варианты отклонения от этих паттернов. К тому же аналогии между возрастной «незрелостью» и взрослой патологией не совсем правомерны, т.к. зеркальность «*структурно-уровневых инвариантов*» нейроразвития у де-

тей и «*нейропсихологических синдромов*» у взрослых, как и сходство самих синдромов детской и взрослой нейропсихологической патологии не бывают абсолютными. При этом большинство отечественных и зарубежных ученых подчеркивают нейропсихологические различия в норме и патологии не только между детьми и взрослыми, но и между детьми разного возраста (Baron, 2003; Lezak et al., 2004; Semrud-Clikeman, 2009; Балонов, Деглин, 1976; Вассерман, Дорофеева, Меерсон, 1997; Глозман, 2009; Доброхотова, Брагина, 1994; Корсакова, Микадзе, Балашова, 1997; Лурия, 1973; Семенович, 2008; Симерницкая, 1985; Тонконогий, 2007; Хомская, 2005; Цветкова, 2001 и др.).

Расстройства специальных математических способностей в детском возрасте

Кроме общих теоретических споров в детской нейропсихологии регулярно возникают частные, но острые вопросы, связанные с неожиданными и труднообъяснимыми экспериментальными фактами. Привлечение фундаментальных закономерностей общей теории психики Л. М. Веккера для их объяснения может оказаться несомненно продуктивным.

Веккер (1974) убедительно доказывает, первичность психического отражения движения (как единства пространства и времени) перед отражением статичных (дискретных) пространственных стимулов, что признают и специалисты в нейрокогнитивной психологии (Величковский, 2009). В этой связи, развитию операций дискретного счета в онтогенезе также должны предшествовать «вычислительные» операции, основанные на оценке движения. Это могут быть перцептивные оценки траекторий движения самих объектов, а также траекторий движений взгляда и/или руки, связывающих неподвижные объекты некоторого множества или ряда.

Замечательно, что, объясняя ошибки маленьких детей в решении задач Жана Пиаже на сохранение количества вещества тем, что у них преобладает наглядно-перцептивный способ мышления, никто до сих пор не пытался связать этот способ с оценкой длины траектории движения. Почему детям кажется, что одних тех же бусинок в узком стакане станет больше, чем в широком? Пуговиц станет больше, если их разложить шире — на более длинном отрезке стола, а количество пластилина возрастет, если раздавить пластилиновый шарик в лепешку? Не потому ли, что во всех случаях ребенок оценивает не число дискретных стимулов, а высоту бусинок в стакане, длину ряда пуговиц или ширину пластилиновой лепешки, опираясь на протяженность траектории, которую описывает его взгляд, измеряя перцептивно размеры заданного множества стимулов? А тот факт, что ребенок оценивает в одном случае высоту, а не ширину (уровень бусинок в стакане), а в другом, напротив, ширину, а не высоту (лепешка пластилина), объясняется закономерностями сенсорно-перцептивного внимания — выделять наиболее выдающиеся признаки стимулов или фона. Высказанные предположения подтверждают особенности и незрелых способностей арифметических вычислений у детей в начале овладения навыками счета, и специальных методов обучения счету здоровых малышей и умственно отсталых школьников, как показывают П. Я. Гальперин, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, Н. А. Менчинская, В. С. Мухина, А. А. Люблинская и др.

Так, обучение счету детей 3–4 лет начинается с повторения траектории движений, охватывающих какое-либо множество объектов, как с помощью осязания и зрения (прикладывание или наложение сравниваемых множеств стимулов строго одной рукой справа-налево), так и слуха и речи (при повторении за педагогом

непрерывных звуковых рядов из хлопков, ударов, речевых звуков, слов и т.д.). Еще не умея считать, малыши правильно воспроизводят последовательные *непрерывные серии* звуков или движений. При этом представление о дискретности у них формируется позже понятия непрерывного множества стимулов. Дети сначала учатся составлять группы из однородных предметов, а потом отделять от нее один предмет, различая понятия «много» и «один».

Еще более наглядно этот закон (первичности отражения движения как исходной основы формирования дискретного счета) выступает при обучении умственно отсталых школьников, первоначально способных лишь к механическому вербальному повторению непрерывной числовой последовательности. Затем их обучают сочетать этот непрерывный звуко-ряд числительных с непрерывным же движением руки вдоль ряда предметов, формируя сначала связь обеих траекторий движения (вербально-звукового и зрительно-моторного). Затем, искусственно прерывая обе траектории движения сначала на предпоследнем стимуле, а затем на предшествующем ему и так далее, удается сформировать понятие дискретности отделяемых стимулов и соответствующих им числительных в процессе длительной тренировки.

И, наконец, те же закономерности демонстрирует самоотчет здорового дошкольника, научившегося складывать простые числа: «Сколько будет 4 и 3? — Кирилл называет числа по порядку: «Один, два, три, четыре, и дальше — пять, шесть, семь. Будет семь. Но иногда я не думаю, просто вижу в одной стороне 4, а в другой 3, и сразу знаю, что будет 7» (Мухина, 1999). Очевидно, что первый способ счета основан на оценке движения или траектории числового звуко-ряда, а второй — бездумный — на механической вербально-символической зрительной памяти. При этом «думающий» способ счета тре-

бует понимания дискретности. «Бездумный» же способ счета основан на механическом запоминании суммы двух чисел, и его эффективность может быть ограничена только объемом памяти, в данном случае зрительно-символической.

Необходимость связывания сначала непрерывных, а затем и дискретных символично-числовых и предметных рядов для полноценного (не механического) обучения счету объясняется в рамках теории Веккера концепцией двуязычной (образно-символической) природы человеческого мышления. По мере развития символического мышления счетные операции становятся все более независимыми от своей исходной перцептивной основы — оценки движения (правополушарные теменные структуры) — и более связанными с речевыми функциями и ассоциативными височно-теменными зонами левого (речевого) полушария. При этом к дефициту математических способностей в онтогенезе могут приводить как нарушения исходных (пространственных) способностей к счету или вторичных — символических функций (Davis et al., 2009), так расстройства их взаимодействия, в связи с искажением межполушарных связей (Доброхотова, Брагина, 1994; Хомская, 2005; Цветкова, 1997 и др.).

Загадка синдрома Вильямса

У детей с синдромом Вильямса был обнаружен выраженный дефицит и незначительная возрастная динамика способностей к быстрой количественной оценке визуальных стимулов, или чувства «численности», которое, предположительно, является основой для развития математических способностей более высокого уровня (Ansari et al., 2007). У праворуких взрослых «чувство численности» часто нарушается при теменно-височных поражениях левого — «речевого» полушария, а при синдроме Вильямса речевые

(левополушарные) способности у детей не страдают, но снижены невербальные правополушарные функции (Dehaene et al., 1999; Tranel, de Haan, 2007). Эти удивительные различия нейropsychологических связей нарушений счета у детей с синдромом Вильямса и в норме у праворуких взрослых могут найти объяснение в рамках рассмотренных выше положений общей теории психики.

У детей с синдромом Вильямса изначально страдают правополушарные невербальные функции и чувство «численности», основанное на перцептивной оценке движения, что ограничивает у них развитие мыслительных механизмов дискретного счета. Однако у них остается сохранной способность механического усвоения счета, связанного с вербально-символическими функциями, интактными при этом заболевании. Как говорилось выше, два разных способа счета могут вовлекать в процессы вычисления разные нейрофункциональные регионы коры. Это делает понятным, почему при синдроме Вильямса вербальные способности предсказывают арифметическую успешность, но она гораздо ниже, чем у здоровых сверстников, счетные способности которых изначально были связаны с перцептивным, или правополушарным чувством «численности». В процессе формирования у детей полноценных математических способностей, требующих взаимосвязи образно-перцептивных и символических функций счета, с возрастом происходит постепенная функциональная специализация теменной коры левого полушария на функциях счета как у праворуких взрослых, что согласуется и с экспериментальными данными (Kucian, Kaufmann, 2009).

Решение вопросов генезиса и расстройств развития счетных операций, безусловно, имеет не только концептуальную, но и практическую — развивающую и психокоррекционную ценность.

Проблемы гетерохронности созревания дорсальных и вентральных нейронных сетей в онтогенезе

В нейропсихологии развития остается еще немало проблем большой теоретической важности, для понимания которых можно было бы привлечь объяснительный конструкт теории Веккера. Современные исследователи признают, что не могут пока объяснить многие факты гетерохронности развития различных нейрокогнитивных функций, их неодинаковой пластичности или уязвимости (Atkinson, Nardini, 2008). Почему нейронные сети системы «где» (дорсальные сети) в онтогенезе формируются раньше, чем система «что» (вентральные сети)? Почему способность к локализации объектов в пространстве возникает раньше, чем чувствительность к изменению их пространственной ориентации? Почему дорсальные сети более уязвимы при мозговых перинатальных поражениях у детей? Почему пластичность при повреждениях пространственных функций, более ограничена, чем возможности возрастной компенсации речевых функций? Решение этих вопросов связано с одним из наиболее общих законов информационной организации психики, а именно, с закономерным ростом пространственно-временного изоморфизма психических сигналов, всесторонне обоснованным в теории Веккера (Веккер, 1974).

Выше уже отмечалась первичность психического отражения движения и времени по отношению к психическому отражению пространства и, следовательно, вторичность отражения самого объекта перед отражением его движения и его локализации как частного случая развертки траектории движения. Веккер не только теоретически, но и фактологически обосновал те положения, из которых закономерно следует первичность созревания в онтогенезе нейрофункциональных систем, отражающих движение (системы

«где») и вторичное по времени созревание структур, отражающих пространственные характеристики самого объекта (системы «что»). По этой же причине чувствительность к локализации стимула в пространстве («где») у младенцев должна появляться прежде их чувствительности к пространственной ориентации предметов, которая включает по необходимости отражение уже и самих объектов («что»).

Проблема разной нейропластичности вербальных и невербальных-пространственных функций

Вопросы о причинах большей уязвимости и меньшей пластичности у детей пространственных нейрофункциональных структур мозга по сравнению с речевыми структурами, также могли бы найти закономерное объяснение в рамках информационных различий психического пространства и психического времени. Именно с природой психического времени органично и неразрывно связана информационная природа самой речи как временной последовательности символьных кодов. Речевой код имеет такую же простейшую линейную организацию, как и нервные дискретные сигналы, в то время как пространственные психические коды воплощены в более сложных — не линейных, но симультанных — структурах. Причем психическое пространство, в отличие от физического, не является симультанным изначально. Любой физический экран (дисплей монитора, зеркало) отражает пространство сразу во всей целостности его составляющих и характеристик, и не имеет никаких топологических предпочтений для отдельных элементов своего носителя отражать только те или иные элементы пространства. А психическое пространство конструируется поэтапно с помощью иерархической системы мозговых механизмов, которые симулируют отдельные пространственные характеристики, зако-

дированные последовательностью дискретных нервных импульсов и мозговой топологией специализированных нейронных детекторов. Исходя из сказанного, есть основания полагать, что именно сложность мозговых механизмов симулирования психического пространства ограничивает их нейропластичность и повышает уязвимость пространственных функций к перинатальным повреждениям у детей.

Заключение

Как показал наш анализ роли общей теории психики для формирования концептуальных представлений и решения прикладных задач нейропсихологии, ее потребность в теоретических знаниях будет возрастать по мере накопления экспериментальных фактов и конкуренции частных гипотез в их объяснении. При этом нейропсихология, развивающаяся на стыке естественных, технических, медицинских и гуманитарных наук, особенно будет нуждаться в фундаментальной теории, подобной информационной теории Веккера. Эта теория по своей объемности и сложности, как уже было отмечено, удовлетворяет потребности современных нейронаук в такой модельной конструкции психики, которая, по идее J. M. Fuster (Fuster, 2003), может быть изоморфной сложной пространственной организации ее мозговых механизмов.

По признанию другого авторитетного отечественного ученого, знание некоторых фундаментальных положений теории Веккера, например, о первичности отражения движения в психике и сквозном характере внимания, обеспечило ему на многие годы «привилегированное положение». Оно касалось не только академических поисков нейрофункциональных механизмов внимания («дорзальных» и «вентральных» компонентов перцептивной обработки визуальной ин-

формации), но также и прикладных исследований восприятия в системе человек — машина (Величковский, 2009). Все сказанное лишний раз подтверждает известную научную сентенцию о том, что понимание общих закономерностей освобождает от необходимости знать множество конкретных фактов, т.к. они, являясь логическим следствием установленных законов, могут быть ими легко предсказаны и осмыслены. Поэтому, на наш взгляд, неисчерпаемым фондом дальнейшего развития современной детской нейропсихологии остаются достижения теоретической мысли и методологии известных отечественных научных школ (Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, П. К. Анохина, Н. А. Бернштейна, П. Я. Гальперина, И. М. Тонконового, Б. В. Зейгарник и других). Среди них идеи представителя Ленинградской (Петербургской) школы Л. М. Веккера, отличаясь несомненной фундаментальностью, глубиной и оригинальностью взглядов, очевидно, пока в наименьшей степени реализовали свой потенциал для развития нейропсихологической науки.

Литература

- Балонов Л. Я., Деглин В. Л. (1976). Слух и речь доминантного и недоминантного полушария. Л.: Наука.
- Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. (1988). Функциональные асимметрии человека. М.: Медицина.
- Вассерман Л. И., Дорофеева С. А., Меерсон Я. А. (1997). Методы нейропсихологической диагностики. СПб.: Стройлеспечатъ.
- Вассерман Л. И., Чередникова Т. В. (2010). Современные проблемы детской нейропсихологической диагностики: Методологические аспекты // Тезисы Всероссийской научно-практической конференции «Рождение и жизнь: клиническая психология детства» 15–16 октября 2010. СПб. С. 24–28.
- Вассерман Л. И., Шерешевский Г. (2006). Современные батареи для детской нейропси-

хологической диагностики, используемые в англоязычных странах (обзор) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. № 3. С. 1–15.

Беккер Л. М. (1974). Психические процессы. Т. 1. Л.: Изд-во Ленинградского университета.

Беккер Л. М. (1976). Психические процессы. Т. 2. Мышление и интеллект. Л.: Изд-во Ленинградского университета.

Беккер Л. М. (1981). Психические процессы. Т. 3. Субъект. Переживание. Действие. Сознание. Л.: Изд-во Ленинградского университета.

Величковский Б. М. (2009). Сквозные психические функции в эволюционной архитектуре когнитивных процессов // Теоретическое наследие Л. М. Веккера: на пути к единой теории психических процессов: Материалы научного симпозиума, посвященного 90-летию со дня рождения Л. М. Веккера / под ред. М. А. Холодной и М. В. Осориной. СПб. С. 25–35.

Глозман Ж. М. (2009). Нейропсихология детского возраста. М.: Академия.

Доброхотова Т. А., Брагина Н. Н. (1994). Левши. М.: Книга.

Корсакова Н. К., Микадзе Ю. В., Балашова Е. Ю. (1997). Неуспевающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении младших школьников. М.: Рос. пед. агентство.

Лурия А. Р. (1973). Основы нейропсихологии. М.: МГУ.

Микадзе Ю. В. (2008). Нейропсихология детского возраста. СПб.: Питер.

Мухина В. С. (1999). Возрастная психология: феноменология развития, детство, отрочество. М.: Академия.

Семенович А. В. (2008). Введение в нейропсихологию детского возраста. М.: Генезис.

Симерницкая Э. Г. (1985). Мозг человека и психические процессы в онтогенезе. М.: Изд-во МГУ.

Тонконогий И. М., Пуанте А. (2007). Клиническая нейропсихология. СПб.: Питер.

Хомская Е. Д. (2005). Нейропсихология. СПб.: Питер.

Цветкова Л. С. (1997). Нейропсихология письма, чтения и счета. М.: Юристъ.

Цветкова Л. С. (ред.). (2001). Актуальные проблемы нейропсихологии детского воз-

раста. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК».

Andersen R. A. (1995). Encoding of attention and spatial location in the posterior parietal cortex // *Cerebral Cortex*. Vol. 5. P. 457–469.

Ansari D., Donlan C., Karmiloff-Smith A. (2007). Typical and atypical development of visual estimation abilities // *Cortex*. Vol. 43. № 6. P. 758–768.

Atkinson J., Hood B. (1994). Deficits of selective visual attention in children with focal lesions // *Infant Behavior and Development*. Vol. 17. P. 423.

Atkinson J., Nardini M. (2008). Visuospatial and Visuomotor Development // J. Reed, J. W. Rogers. (Eds) *Child Neuropsychology*. Oxford: Blackwell. P. 2–42.

Baron I. S. (2003). *Neuropsychological Evaluation of the Child*. Springer, USA.

Castellanos F. X., Kelly C., Milham M. P. (2009). The restless brain: attention-deficit hyperactivity disorder, resting-state functional connectivity, and intrasubject variability // *The Canadian Journal of Psychiatry*. Vol. 54. № 10. P. 665–672.

Clarkson M. G., Berg W. K. (1983). Cardiac orienting and vowel discrimination in newborns: Crucial stimulus parameters of acoustic stimuli // *Child Development*. Vol. 54 (1). P. 162–171.

Colombo J. (2001). The development of visual attention in infancy // *Annual Review of Psychology*. Vol. 52. P. 337–367.

Csibra G. A., Tucker L. A., Johnson M. N. (2001). Differential frontal cortex activation before anticipatory and reactive saccades in infant // *Infancy*. № 2. P. 159–174.

Dehaene S. et al. (1999). Sources of mathematical thinking: behavioral and brain-imaging evidence // *Science*. Vol. 7. № 284. P. 970–974.

Davis N. et al. (2009). Aberrant functional activation in school age children at-risk for mathematical disability: a functional imaging study of simple arithmetic skill // *Neuropsychologia*. 47 (12). P. 2470–2479.

Donders J. Hunter S. J. (Eds.) (2010). *Principles and Practice of Lifespan Developmental Neuropsychology*. New York.

Emond V., Joyal C., Poissant H. (2009). Structural and functional neuroanatomy of attention-deficit hyperactivity disorder (ADHD) // *Encephale*. Vol. 35. № 2. P. 107–114.

- Fox N. A. (1979). Psychophysiological correlates of emotional reactivity during the first years of life // *Developmental Psychology*. Vol. 25. № 3. P. 364–372.
- Frazier-Wood A. C. et al. (2012). Neuropsychological intra-individual variability explains unique genetic variance of ADHD and shows suggestive linkage to chromosomes 12, 13, and 17 // *American Journal of Medical Genetics. Part B: Neuropsychiatric Genetics*. Vol. 159B. № 2. P. 131–140.
- Fuentes L. J. (2004). Inhibitory processing in the attentional network // M. I. Posner (Ed.) *Cognitive neuroscience of attention*. New York: Guilford Press. P. 45–55.
- Fuster J. M. (2003). *Cortex and Mind: unifying cognition*. New York.
- Giedd J. N. I et al. (1996). Quantitative magnetic resonance imaging of human brain development: ages 4–18 // *Cerebral Cortex*. Vol. 6 (4). P. 551–60.
- Johnson M. N. (1990). Cortical maturation and the development of visual attention in early infancy // *Journal of Cognitive Neuroscience*. № 2. P. 81–95.
- Haith M. M., Wentworth N., Canfield R. L. (1993). The formation of expectations in early infancy // C. Rovee-Collier, L. P. Lipsitt (Eds.) *Advances in Infancy Research*. Vol. 8. P. 251–297.
- Kirchner H. et al. (2009). Ultra-Rapid Sensory Responses in the Human Frontal Eye Field Region // *Journal of Neuroscience*. Vol. 29. № 23. P. 7599–7606.
- Kucian K., Kaufmann L. (2009). A developmental model of number representation // *Journal of Behavioral and Brain Science*. Vol. 32. P. 340–341.
- Lezak M. D., Howieson D. B., Loring D. W. (2004). *Neuropsychological assessment*. New York.
- Luman M. et al. (2009). Does reward frequency or magnitude drive reinforcement-learning in attention-deficit / hyperactivity disorder? // *Psychiatry Research*. Vol. 15. № 168 (3). P. 222–229.
- McCarthy R. A., Warrington E. K. (1990). *Cognitive Neuropsychology: Clinical introduction*. San Diego; New York; London.
- Mesulam M. M. (1981). A cortical network for directed attention and unilateral neglect // *Annals of Neurology*. № 10. P. 309–325.
- Mesulam M. M. (1990). Large-Scale neurocognitive networks and distributed processing for attention, language and memory // *Annals of Neurology*. Vol. 28. P. 597–613.
- Peterson R. L. (2009). *Pediatric Neuropsychology: Research, Theory, and Practice*. New York.
- Posner M. I., Peterson S. E. (1990). The Attention System of the Human Brain // *Annual Review of Neuroscience*. Vol. 13. P. 25–42.
- Reed J., Warner-Rogers J. (Eds.) (2008). *The Child Neuropsychology: concept, theory and practice*. West Sussex, UK.
- Reynolds C. R., Fletcher-Janzen E. (Eds.) (2008) *Handbook of Clinical Child Neuropsychology*. New York.
- Richards J. E. (2003). Development of attention system // M. De Hann, M. H. Johnson (Eds.) *The Cognitive Neuroscience of Development*. Hove, East Sussex: Psychology Press. P. 73–98.
- Robinson D. L., Kertzman C. (1995). Covert orienting of attention in macaques: Contributions of the superior colliculus // *Journal of Neuropsychology*. Vol. 74 (2). P. 713–721.
- Rommelse N. N. et al. (2008). Speed, variability, and timing of motor output in ADHD: which measures are useful for endophenotypic research? // *Behavior Genetics*. Vol. 38. № 2. P. 121–132.
- Semrud-Clikeman M., Teeter E. P. (2009). *Child Neuropsychology: Assessment and Interventions for Neurodevelopmental Disorders*. Springer, USA.
- Sergeant J. A., van der Meere J. (1990). Convergence of approaches in localizing the hyperactivity deficit // B. B. Lahey, A. E. Kazdin (Eds.) *Advances in clinical child psychology. Advances in clinical child psychology*. New York: Plenum Press. Vol. 13. P. 207–246.
- Tranel D., de Haan E. (2007). Selective developmental neuropsychological disorders // *Cortex*. Vol. 43. № 6. P. 667–671.

ОБРАЗНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТЕОРИИ Л. М. ВЕККЕРА

Л. В. Меньшикова

*Новосибирский государственный
технический университет,
Новосибирск, Россия,
e-mail: melavl@mail.ru*

Большим вкладом в разработку проблемы образных основ интеллекта стали исследования природной организации психических процессов, выполненные Л. М. Веккером. В его теории образы органически входят в состав интеллектуальной деятельности человека на всех ее уровнях, включая высшие формы понятийного отражения действительности. Целенаправленные исследования позволили Л. М. Веккеру дать определение мышлению как процессу непрерывно совершающегося обратимого перевода информации с языка пространственно-предметных структур (и связанных с ними модально-интенсивностных параметров), на психолингвистический, символически-операторный язык, представленный речевыми сигналами. В статье приведены результаты исследований, проведенных в Новосибирском государственном техническом университете, подтверждающие теоретико-методологические положения его теории. Рассмотрено прикладное значение концепции Л. М. Веккера для повышения эффективности обучения студентов инженерным умениям, в частности, моделированию физических явлений. Показано, что взаимодействие образов разной степени обобщенности (чувственно-наглядных и символических) с вербальными компонентами оказывает существенное влияние на эффективность когнитивных схем при работе с математическими моделями физических явлений. Приводятся данные других исследователей, подтверждающие идею Л. М. Веккера о полимодальности или интермодальности мысли. Теорию Л. М. Веккера отличает выраженный антропологический подход к рассмотрению ментальной природы человека. В своих работах он четко обозначил переход от «человека ощущающего» к «человеку мыслящему, переживающему и действующему» в контексте его жизненных обстоятельств. Рассматривая закономерности трансформации пространственных и модальных характеристик образных компонентов при переходе к высшим формам интеллектуальной активности и их органическую связь, Л. М. Веккер подчеркнул значение чувственно-сенсорного опыта как важного ресурса творческой активности и жизнеспособности человека. Ему удалось создать оригинальную концепцию, включающую анализ механизмов интеграции различных психических компонентов в познавательной деятельности, которая имеет важное прикладное значение. В частности, она является теоретическим основанием в исследовании вопроса о формировании и использовании образного опыта студентов не только как средства активизации их интеллектуального поведения в вузе, но и как средства развития их индивидуальности.

Ключевые слова: теория Л. М. Веккера, образные компоненты, интеллект, функция образов, полимодальность мысли, прикладное значение теории Л. М. Веккера, формирование инженерных умений, онтологический аспект теории Л. М. Веккера.

DOI: 10.7868/S1819265318040052

Для цитаты: Меньшикова Л. В. (2018). Образные компоненты интеллектуальной деятельности в теории Л. М. Веккера // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 55–63.

В теории психических процессов Л. М. Веккера образы органически входят в состав интеллектуальной деятельности человека на всех ее уровнях, включая высшие формы понятийного отражения действительности. Льву Марковичу удалось показать, что эти неуловимые компоненты мысли не бледные тени на периферии человеческого мышления, а живой материал, входящий в плоть интеллектуальных процессов и сообщающий им энергию и динамизм. Являясь ярким представителем Ленинградской (Санкт-Петербургской) психологической школы, Л. М. Веккер развивал в своих исследованиях традиции этой школы, заложенные его учителем Б. Г. Ананьевым, всегда подчеркивавшим значение сенсорно-перцептивной организации в развитии человека. Одна из наиболее известных и законченных исследовательских программ Б. Г. Ананьева была посвящена изучению чувственного познания, его места и роли в онтогенезе индивидуальности. Он обращал особое внимание на то, что сенсорно-перцептивные процессы, будучи отражением объективной действительности и регуляторами деятельности, относятся к коренным феноменам жизнедеятельности, связанным с глубокими слоями целостной структуры развития личности (Ананьев, 1977, с. 51).

Положение о включении образных компонентов в состав высших мыслительных процессов было достаточно необычным для того времени. Хотя тезис о «чувственной ткани» сознания поддерживался многими отечественными психологами, однако экспериментально образы в мышлении изучались, в основном, лишь в контексте генетического развития интеллекта как стадия более низкого порядка (по сравнению с понятийной), а также при рассмотрении художественного творчества, где отрицать наличие их было бы просто невозможно.

Во второй половине прошлого века в области исследований процесса мышления наметились и в дальнейшем стали активно развиваться две характерные тенденции.

1. Появились эмпирически установленные факты, которые свидетельствовали о влиянии образов на продуктивность мышления не только в художественном творчестве, но и в других видах деятельности — обучении, научном творчестве, инженерной деятельности.
2. Наметились интеграция в изучении образного и понятийного мышления, которые ранее рассматривались как самостоятельные области исследования. Предметом эмпирического исследования становятся закономерности взаимодействия разных уровней организации мыслительных процессов.

Многие исследователи, обращаясь к анализу состава умственной деятельности, приходили к выводу, что человеческое мышление насыщено элементами образного опыта, значение которого не только не уменьшается, но и возрастает при переходе к высшим формам творческой активности человека. Достаточно вспомнить замечательное исследование Жака Адамара, обратившего особое внимание на роль образов в возникновении научных идей. Эти «живучие и внезапно появляющиеся» образные компоненты мысли выполняют, по его мнению, важную синтезирующую функцию, позволяющую единым взором охватить все элементы рассуждения. При этом он тонко замечал, что можно с уверенностью утверждать, что усталость определяется именно этим синтезирующим усилием мысли (Адамар, 1970, с. 74). Можно назвать и целый ряд отечественных психологов, которые уделяли специальное внимание роли образов в умственной

деятельности человека (В. П. Зинченко, Н. И. Жинкин, Л. Л. Гурова, Л. Б. Ительсон, Н. Д. Скороспешкина и др.).

К моменту оформления основных теоретических положений своей концепции Л. М. Веккер уже располагал достаточным количеством эмпирического материала, свидетельствующего о пространственно-предметной структурированности мысли. Целенаправленные исследования позволили ему дать определение мышлению как процессу непрерывно совершающегося обратимого перевода информации с собственно психологического языка пространственно-предметных структур (и связанных с ними модально-интенсивностных параметров), то есть с языка образов, на психолингвистический, символически-операторный язык, представленный речевыми сигналами (Веккер, 1976, с. 134).

Следует отметить, что теоретико-методологические поиски Веккера всегда опирались на конкретные эмпирические исследования, которые охватывали широкий диапазон его научных интересов и создавали надежную базу для обоснованного выдвижения основных идей его концепции. Эти исследования были выполнены его учениками (А. М. Грункиным, В. В. Лоскутовым, Л. В. Меньшиковой, М. В. Осориной, М. А. Холодной и др.) и содержали ценные эмпирические данные о различных сторонах интеллектуального поведения человека. Одной из таких экспериментальных площадок, на которой активно велось изучение интеллектуальной деятельности студентов в контексте теории Веккера был Новосибирский государственный технический университет (НГТУ, бывший НЭТИ). Существенной особенностью организации экспериментальных поисков в этом крупнейшем в Сибири техническом вузе было сочетание фундаментальных научно-исследовательских и прикладных разработок, которые развивались в тесном контакте пси-

хологами и преподавателями. Процесс подготовки инженерных кадров создавал разнообразные возможности для проверки теоретических положений Веккера и результатов лабораторных исследований в условиях реального учебного процесса, направленного на формирование инженерного мышления студентов.

Уже первые исследования, проведенные в НГТУ, показали значение невербального интеллекта как ведущего компонента, обеспечивающего успешность овладения предметами технического профиля: была обнаружена прямая корреляция успеваемости студентов по дисциплинам технического профиля с уровнем невербального интеллекта и отсутствие такой связи с уровнем развития вербального интеллекта (Меньшикова, 1974; Меньшикова, Скок, 1990). Эти результаты свидетельствовали о том, что образный опыт в структуре индивидуального интеллекта студентов играет важную роль в обеспечении эффективного усвоения знаний в техническом вузе.

С целью исследования когнитивных механизмов, обеспечивающих взаимодействие разных форм представления информации в процессе мышления, нами была разработана специальная серия методик, позволявших изучать интеллектуальную продуктивность испытуемых в зависимости от степени использования вербальных и образных средств. Структурный анализ, выполненный с помощью этих методик, дал возможность в лабораторных условиях получить уникальные данные об особенностях координации вербальных и невербальных компонентов в процессе решения различных задач. Оказалось, что успешность выполнения заданий во многом определяется степенью развития психических механизмов, обеспечивающих активное и гибкое взаимодействие разных уровней репрезентации условий задачи в сознании студентов. Результаты лабораторных эксперимен-

тов нашли подтверждение при изучении обнаруженных феноменов в естественных условиях учебной деятельности студентов. Разнообразные примеры координации вербальных и пространственных компонентов можно наблюдать, например, при решении физических задач. В серии опытов по исследованию этого процесса, выполненных нами совместно со С. И. Мещеряковой, можно было выявить и описать пространственные компоненты в составе понятийных структур индивидуального интеллекта студентов в процессе работы с математическими моделями физических явлений (Мещерякова, Меньшикова, 1973). Исследования в естественных условиях решения студентами задач по физике показали, что успешность выполнения различного рода заданий определяется способностью использовать в рассуждении пространственные элементы (образы разной степени обобщенности — чувственно-наглядные и символические). Взаимодействие элементов указанного типа с вербальными компонентами оказывало существенное влияние на эффективность когнитивных схем при работе с математическими моделями физических явлений.

Данные, полученные в результате обработки материала с помощью метода таксономии, свидетельствовали о том, что способность совершать переходы между разноуровневыми слоями образного и вербального опыта является самым информативным признаком при выделении типов индивидуального интеллекта.

Эмпирические данные, полученные в наших исследованиях, позволяют утверждать, что пространственные компоненты в мышлении выполняют определенные информационную, структурную и энергетическую функции, сообщая дополнительные возможности интеллектуальной деятельности. В частности, включение чувственно-наглядных образов в категориальную систему значений

способствует дополнительной активации интеллекта, привлекая эмоциональный контекст переживаний, тесно связанных с актуализацией образного опыта человека. Чувственно-сенсорный опыт внутри понятийной структуры — это своего рода «огонь, мерцающий в сосуде», который сообщает живую силу мышлению человека.

В связи с этим Л. М. Веккер писал: «Включаясь в принцип организации понятийного мышления и вместе с тем уходя к сенсорным корням интеллекта, язык симультанных пространственно-предметных структур служит посредствующим звеном, через которое все нижележащие когнитивные структуры вплоть до сенсорных втягиваются в “информационный насос” концептуальной системы» (Веккер, 1976, с. 330).

Он обращал внимание на то, что распространенное отождествление логико-символической и собственно психологической структуры мысли создает впечатление о том, что не только пространственно-временные характеристики, но и модальность «испаряется» при переходе к мысли. На самом же деле эмпирические данные показывают, что расширение и универсализация по мере продвижения по уровням обобщенности создают не безмодальность, а полимодальность и интермодальность мысли (Веккер, 1976, с. 55).

Л. М. Веккер отмечал, что при переходе к мышлению наблюдаются определенные модификации модальности, связанные:

- со свободным переводом разных модальностей на язык каждой из них, что создает свойства полимодальности и интермодальности мысли;
- с объективацией модальных характеристик, в основе которой лежит перевод на язык тех модальностей, которые сохраняют свойства источника информации в максимально инвари-

антном и, следовательно, объективном виде.

Он высказал гипотезу о том, что особая роль в этом процессе принадлежит тактильно-кинестетической модальности. Эмпирические исследования показывали, что тактильно-кинестетические образы, будучи генетически исходной базой всех остальных образов, в определенном диапазоне сохраняют инвариантными не только пространственно-временные, но и модальные характеристики объекта. Трансформация других видов модальностей в тактильно-кинестетическую при переходе через срез «образ — мысль», по предположению Л. М. Веккера, может повышать объективность воспроизведения носителя информации, объекта (Веккер, 1976, с. 58—59).

Интересно то, что эта идея в какой-то мере совпадает с предположениями, высказанными в более поздних работах другими исследователями. В частности, Ф. Е. Василюк, развивая теорию А. Н. Леонтьева и рассматривая многомерную структуру образа сознания, подчеркивает особую роль чувственной ткани, которая является внутренней составляющей образа, его «живой плазмой» и осуществляет в нем функцию интегрирования всех компонентов (предметной отнесенности, значений, смыслов, знаков). При этом он отмечает, что «чувственная ткань по своему способу существования в сознании есть переживание, непосредственное внутреннее чувствование» (Василюк, 1993, с. 18). Ф. Е. Василюк не делает предположений о модальности этих переживаний, склоняясь к тому, что они скорее полимодальны, но несомненно то, что, если речь идет о внутренних переживаниях, кинестетические ощущения в силу своей природы в организации этих переживаний играют очень существенную роль.

В своей известной модели сознания В. П. Зинченко наряду с рефлексивным

слоем (значениями и смыслами) выделяет бытийный слой (биодинамическую ткань движения) и чувственную ткань образа. По его мнению, между биодинамической и чувственной тканью существуют достаточно сложные и интересные взаимоотношения. Они обладают свойствами обратимости и трансформируются одна в другую. В. П. Зинченко делает предположение о том, что «развернутое во времени движение, совершающееся в реальном пространстве, трансформируется в симультанный образ пространства, как бы лишенный координаты времени» (Зинченко, 1991, с. 25). Одной из ведущих в процессе осуществления движений, как известно, является кинестетическая модальность и именно через нее биодинамическая ткань движения наиболее естественным образом может трансформироваться в чувственную ткань образа. Можно также предполагать, что согласно гипотезе Л. М. Веккера, сквозная связующая роль тактильно-кинестетической модальности при переходе через рубеж «образ — мысль» сохраняется. В одной из последних своих работ В. П. Зинченко прямо говорит о том, что именно викарные действия, совершаемые с собственными нереализуемыми вовне моторными программами, обеспечивают динамику внутренних форм слова, образа и действия (Зинченко, 2007, с. 95), что тоже, как нам кажется, подтверждает положение Л. М. Веккера о важной роли кинестетической модальности в организации процесса мышления. При этом Лев Маркович особо подчеркивал, что модификация пространственно-временных и модальных характеристик образа при переходе к мысли во многом зависит и от субъективных характеристик человека, отражающих эгоцентричность его индивидуальной системы отсчета (Веккер, 1976, с. 58). Чувственная ткань, пронизывающая и мышление, несомненно несет отпечаток индивидуальных особенностей сенсорно-перцептивной организации

каждого человека и вклад каждой модальности в создание полимодальных и интермодальных образований будет во многом определяться этим. Но на самых глубинных уровнях мышления, где сплетаются воедино значения, образы, смыслы, переживания и действия, там на первый план в организации полимодальных комплексов и выходят, по-видимому, наиболее обобщенные тактильно-кинестетические ощущения и чувствования, о которых писал Л. М. Веккер. Это то самое «тепло-тепло» или «холодно-холодно», ощущение верного или неверного направления движения мысли, которое лежит в основе интуиции. Ж. Адамар описывал эти смутные чувства-ощущения, отличающие математиков от тех, кто не обнаруживает математических способностей, таким образом: «...это интуитивное чувство математического порядка, которое позволяет нам угадать гармонию и скрытые соотношения» (Адамар, 1970, с. 137).

Вопрос о трансформации модальности образа на разных уровнях обобщенности в контексте его связей с другими компонентами интеллектуальной деятельности человека в последнее время привлекает все большее внимание психологов. Л. М. Веккер вслед за своим учителем Б. Г. Ананьевым был одним из первых в отечественной психологии, кто четко обозначил контуры этой проблемы в теории интеллекта и предложил свое решение.

У каждого человека в течение жизни складывается особый баланс познавательных процессов, на основе которого вырабатывается специальная система субъективных «кодов» (средств субъективного представления действительности). Исследование индивидуальных особенностей интеллектуальной деятельности студентов, проведенное нами, показывало, что способность включать пространственные компоненты в процесс мышления и координировать их с вербальными эле-

ментами развита у них неодинаково. Известно, что любая учебная информация проходит сквозь призму категориальной сетки индивидуальных значений и «присваивается» лишь в том случае, если находит внутренний отклик в образно-эмоциональном опыте субъекта. Появление образно-аффективных компонентов ослабляет жесткие родовидовые связи и сообщает дополнительные степени свободы. Происходит как бы уменьшение размерности семантического пространства и переход к более емким пространственно-временным обобщениям.

В концепции понятийного мышления, разрабатываемой М. А. Холодной, последовательно проводится мысль о том, что «хорошо сформированная и эффективно работающая понятийная структура характеризуется включенностью чувственно-сенсорного опыта, то есть представленный в содержании понятия объект переживается испытуемым через некоторое множество дифференцированных по интенсивности чувственно-сенсорных впечатлений. Его недостаточная включенность значительно снижает отражательные возможности понятийной структуры, но что характерно, и чрезмерная его выраженность также в тенденции отрицательно сказывается на продуктивности работы понятийной структуры» (Холодная, 1997, с. 192).

Дальнейшее изучение динамики когнитивных функций студентов технического вуза в ходе проведенных нами лонгитюдных исследований показало, что в вузе в условиях стихийно протекающего учебного процесса механизм координации образных и вербальных элементов опыта развивается у студентов довольно слабо: наблюдается формирование преимущественно словесно-логической стороны интеллекта и при этом недостаточное развитие его образных глубинных основ, в том числе визуальных схем разной степени обобщенности.

Этот вывод определил направление дидактических разработок, которые раскрыли прикладное значение теории Л. М. Веккера в образовательном пространстве вуза: в НГТУ преподавателями совместно с психологами был разработан комплекс методов обучения и отдельных дидактических приемов применительно к вузовским дисциплинам, в основе которых лежала идея о необходимости формирования механизма координации пространственных и вербально-символических компонентов интеллектуальной деятельности. Существенной особенностью этих новых подходов была ориентация не только на повышение эффективности усвоения отдельных дисциплин, но и на развитие интеллектуальных ресурсов студентов, а также формирование основных инженерных умений и навыков средствами особой организации учебного материала, отражающей обнаруженные в исследованиях психологические закономерности умственной деятельности студентов. Следует отметить, что эффективность системы обучения студентов инженерным умениям, основанной на теоретико-методологических положениях концепции Л. М. Веккера, была доказана в ряде диссертационных исследований, выполненных в НГТУ (Бессонова, 1986; Ксенчук, 1984; Кучина 1984; Мещерякова, 1986; Селиванова, 1979; Скок, 1973).

Теорию Л. М. Веккера отличает выраженный антропологический подход к рассмотрению ментальной природы человека. В своих работах он четко обозначил переход от «человека ощущающего» к «человеку мыслящему, переживающему и действующему» в контексте его жизненных обстоятельств. Он всегда подчеркивал, что анализ закономерностей организации психических процессов только в определенном и относительно ограниченном диапазоне может быть абстрагирован от исследования целостной личности человека. В частности, мышление

должно рассматриваться с учетом закономерностей эмоциональных, регуляторно-волевых и сквозных интегративных процессов — памяти, воображения, внимания и речи. В последние годы в исследовании психических процессов и явлений все больше наблюдается смещение акцента с гносеологических проблем на онтологические. В контексте этого проблема образного опыта и его использования для повышения ресурсов и творческой активности человека приобретает новое жизненное значение. Онтологический подход к исследованию психических процессов заставляет рассматривать их как события, в которых субъект приносит в воспринимаемую действительность свое содержание, наделяет ее смыслом и ценностями. Особое значение начинают играть не столько поиск и прием полезной информации, сколько ее интерпретация — включение в смысловые контексты или семантические поля воспринимающего. В. А. Барабанщиков отмечает: «Чувственная данность как бы упакована в многокачественный полифункциональный элемент опыта, благодаря которому в каждый момент времени человек ориентируется и в мире, и в себе самом» (Барабанщиков, 2007, с. 10).

Онтологический контекст образного опыта, «упакованного» в глубине внутреннего мира человека, поднимает проблему возможностей и условий его актуализации. Рассмотрение этой проблемы тесно связано с рассмотрением законов функционирования памяти человека.

Одной из первых моделей памяти, в которой образному опыту человека было отведено свое особое место, была теория двойного кодирования А. Пайвио. Он выдвинул гипотезу о существовании двух частично независимых подсистем долговременной памяти, одна из которых предназначена для оперирования образной, а другая — символической информацией. Пайвио считал, что символическая

подсистема организована иерархически и приспособлена для последовательных информационных процессов, а образная подсистема организована по пространственно-временному принципу и предназначена для синхронных, интегративных процессов. Исследования Пайвио показали, что, оперируя в рамках образной системы (при работе с конкретными высказываниями), человек как бы сразу «видит» смысл ситуации. При анализе абстрактного высказывания в рамках символической системы ему требуется время для того, чтобы провести интерпретацию грамматических конструкций (Paivio, 1986).

Роль образного опыта в развитии человека невозможно понять без обращения к его автобиографической памяти. В явлениях автобиографической памяти проявляется особое состояние сознания, связанное с переживаниями несомненной достоверности актуализируемого опыта и «субъективного путешествия во времени».

Э. Тульвинг подобные переживания относил к состояниям автоноэтического сознания (Tulving, 2001). Как пишет В. В. Нуркова, «человек обладает широчайшим “каталогом”, доступных ему эпизодов прошлого. Эти эпизоды представляют собой “живые картины” событий, в которых запечатленная информация репрезентируется полимодально (зрительный образ, тактильные ощущения, запахи, вкус, звуки)» (Нуркова, 2006, с. 220). Эти образы прошлого хранят в себе историю жизни человека, причем значимость отдельных из них не всегда понятна сразу. В. В. Нуркова отмечает, что в памяти есть эпизоды как мины замедленного действия, которые в определенный момент могут неожиданно взорваться и превратиться в роковую для человека историю. Во всех этих типах воспоминаний тесно переплетены чувственные образно-эмоциональные, словесные и смысловые компоненты. Память представляет собой

огромный резервуар образно-эмоционального опыта человека, который способен «оживлять», насыщать энергией, жизненной силой и смыслом то, что происходит в настоящем. Но не все люди умеют адекватно использовать этот ресурс. Эта проблема нашла отражение в большинстве психотерапевтических подходов, которые по-разному расставляют в ней свои акценты.

Онтологические координаты задают многомерное психологическое пространство, в котором образный опыт индивидуальности должен рассматриваться в тесной связи с его смысловой и семантической интерпретациями. Организация рефлексии играет одну из ведущих ролей в активизации координаций внутри системы образного опыта человека, его переживаний, значений и смыслов. Одним из средств такой организации рефлексии может быть, в частности, ведение дневника, который создает условия для актуализации образного опыта и исследования его интерпретаций. В рамках психологической службы НГТУ наряду с использованием других методов активизации образного интеллекта применялся в работе со студентами и метод ведения дневника по особым схемам, которые разрабатывались для каждого студента, обращавшегося с личностными проблемами к психологам, индивидуально с учетом его психологических особенностей и жизненной ситуации.

Изменение ракурса рассматривания проблемы образного опыта человека (переход от гносеологического анализа к онтологическому) глубже раскрывает отдельные положения теории Л. М. Веккера и вводит в нее новые контексты. Рассматривая закономерности трансформации пространственных и модальных характеристик образных компонентов при переходе к высшим формам интеллектуальной активности и их органическую связь, Л. М. Веккер подчеркнул значение чувственно-сенсорного опыта как

важного ресурса творческой активности и жизнеспособности человека. Ему удалось создать оригинальную концепцию, включающую анализ механизмов интеграции различных психических компонентов в познавательной деятельности, которая имеет важное прикладное значение. В частности, она является теоретическим основанием в исследовании вопроса о формировании и использовании образного опыта студентов не только как средства активизации их интеллектуального поведения в вузе, но и как средства развития их индивидуальности.

Литература

- Адамар Ж.* (1970). Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М.: Советское радио.
- Ананьев Б. Г.* (1977). О проблемах современного человекознания. М.: Наука.
- Барабанищikov В. А.* (2007). Контурсы онтологической концепции восприятия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. Т. 4. № 3. С. 4–26.
- Бессонова В. Н.* (1986). Творческая самостоятельная работа студентов как средство формирования профессиональных умений: Автореф. дисс. канд. пед. наук. Л.: ЛГУ; НЭТИ.
- Василюк Ф. Е.* (1993). Структура образа // Вопросы психологии. № 5. С. 5–19.
- Веккер Л. М.* (1976). Психические процессы. Т. 2. Мышление и интеллект. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Веккер Л. М.* (1998). Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл.
- Зинченко В. П.* (1991). Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. № 2. С. 15–36.
- Зинченко В. П.* (2007). Плавильный тигль Вильгельма Гумбольдта и внутренняя форма слова Густава Шпета в контексте проблемы творчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. № 3. С. 79–97.
- Ксенчук Е. В.* (1984). Роль образных компонентов мышления в процессах решения задач: Автореф. дисс. канд. пед. наук. Л.: ЛГУ; НЭТИ.
- Кучина Т. В.* (1984). Деятельность педагога по формированию у студентов общеинженерных умений и навыков: Автореф. дисс. канд. пед. наук. Л.: ЛГУ; НЭТИ.
- Меньшикова Л. В.* (1974). Образные компоненты в мышлении: Автореф. дисс. канд. психол. наук. Л.: ЛГУ.
- Меньшикова Л. В., Скок Г. Б.* (1990). Психологическая служба в вузе. М.: Исслед. центр Гособразования СССР.
- Мещерякова С. И.* (1986). Акмеологические основы обучения методу моделирования: Автореф. дисс. докт. пед. наук. Л.: ЛГУ.
- Мещерякова С. И., Меньшикова Л. В.* (1973). Об участии образных компонентов в процессе работы с математическими моделями физических явлений // Психология технического творчества. М.: Изд-во АПН СССР. С. 28–33.
- Нуркова В. В.* (2006). Память // Общая психология / под ред. Б. С. Братуся. Т. 3. М.: Издательский центр «Академия».
- Селиванова Э. Б.* (1979). Роль образных компонентов в формировании общеинженерных знаний, навыков и умений: Автореф. дисс. канд. пед. наук. Л.: ЛГУ; НЭТИ.
- Скок Г. Б.* (1973). Формирование специальных конструктивных умений инженера при обучении алгоритмам в курсе физики: Автореф. дисс. канд. пед. наук. Л.: ЛГУ; НЭТИ.
- Холодная М. А.* (1997). Психология интеллекта: парадоксы исследования. Томск: Изд-во Томск. ун-та; Москва: Барс.
- Tulving E.* (2001). Origin of Autonoesis in Episodic Memory // The nature of Remembering. Washington.
- Paivio A.* (1986). Mental Representations. New York: Oxford University Press; Oxford: Clarendon Press.

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОКОРРЕКЦИИ КОГНИТИВНОГО ДЕФИЦИТА У ДЕТЕЙ С ПОЗИЦИЙ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ Л. М. ВЕККЕРА

Т. В. Чередникова

*Психоневрологический диспансер
Фрунзенского района,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: tvchered01@inbox.ru*

И. В. Логвинова

*Государственное дошкольное
учреждение № 136,
Краснодар, Россия,
e-mail: logvinova2000@rambler.ru*

В статье излагаются инновационные принципы психокоррекции когнитивного дефицита, сформулированные на основе ряда теоретических положений единой теории психических процессов Л. М. Веккера. Представлены результаты лонгитюдного экспериментального исследования эффективности введения этих принципов в практику нейрокогнитивной коррекции функционального дефицита у дошкольников 5–7 лет (с разной степенью выраженности задержки психического развития). Обсуждаются полученные в экспериментальных группах значимые различия и корреляции различных когнитивных показателей, исследованных рядом известных валидных методов (нейропсихологическая батарея, тест интеллекта WAIS Д. Векслера и др.), а также авторским тестом «Цветоструктурирование». Выявленные закономерности коррекционной динамики когнитивного дефицита соответствуют векторам усложнения в иерархии когнитивных психических структур и психических регуляторов, раскрытым в теории Веккера. Преимущество в интенсивности и качестве этой динамики при использовании инновационных методов подтверждает их прикладную значимость. А наибольшая чувствительность к коррекционным сдвигам теста «Цветоструктурирование», направленного на измерение пространственных и модально-интенсивностных характеристик раскраски тестового рисунка, согласуется с постулатами теории Веккера о первичности этих свойств для любого психического отражения. Это подтверждает эффективность измерения универсальных единиц пространства, времени, модальности и интенсивности для диагностики когнитивного дефицита и его коррекционной динамики у детей.

Ключевые слова: единая теория психических процессов, когнитивный дефицит, задержка психического развития, психокоррекция, психодиагностика.

DOI: 10.7868/S1819265318040064

Для цитаты: Чередникова Т. В., Логвинова И. В. (2018). Проблемы психокоррекции когнитивного дефицита у детей с позиций общей теории психических процессов Л. М. Веккера // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 64–72.

Введение

Возможности применения действи-

тельной теории должны быть достаточно широки не только в академической, но и в практической психологии. Ведь чем более общими являются закономерности,

тем больше частных явлений они способны охватить. И то, насколько общая теория психики Л. М. Веккера может быть полезна для практики, в частности для решения проблем абилитации психического развития и коррекции его аномалий, может стать и проверкой на истинность ее научных положений.

Согласно утвердившемуся в современной науке мнению, функциональный дефицит у детей с нарушениями развития не является следствием статической энцефалопатии, но есть результат динамического процесса взаимодействия генетики и среды. Такое представление открывает возможности широкого внедрения в практику методов психокоррекции дефицита психических функций у детей с различными психическими расстройствами. Эффективность коррекционного вмешательства при этом подтверждают различные методы нейровизуализации мозга (Jeste, Friedman, Urion, 2009). Например, у детей с дислексией после проведения с ними различных курсов психокоррекционного обучения отмечаются позитивные изменения пространственно-временных паттернов мозговой активности в соответствующих регионах на фоне улучшения их способности читать (Simos et al., 2006). У пациентов с последствиями черепно-мозговых травм также наблюдаются позитивные эффекты нейрокогнитивного вмешательства, хотя они пока мало изучены и требуют строгих экспериментальных доказательств (Slomine, Locascio, 2009). Проблема научной доказательности предлагаемых методов психокоррекции является особенно актуальной и в отечественной детской нейропсихологии.

В этой связи нами были не только обозначены те принципиальные идеи общей теории психики Л. М. Веккера, которые имеют определенный психокоррекционный потенциал (Чередникова, 2004а), но и предпринята попыт-

ка экспериментального исследования их практической эффективности. Разработанные в отечественной нейропсихологии Т. В. Ахутиной и Н. М. Пылаевой, А. В. Семенович, Н. Я. Семаго и М. М. Семаго, О. С. Никольской, У. В. Ульяновской и другими авторами программы коррекции нейрокогнитивного дефицита опираются на основные теоретические принципы отечественной психологии. Среди них концепции системности строения психических функций П. К. Анохина, А. Р. Лурии, многоуровневой иерархии системы регуляции движений Н. А. Бернштейна, системного строения деятельности и развития психики в деятельности А. Н. Леонтьева, «синдромного анализа», «трех блоков морфофункционального строения мозга» А. Р. Лурии, «опережающего обучения», «зоны ближайшего развития», «первичных и вторичных факторов» Л. С. Выготского, «интериоризации действий» П. Я. Гальперина и др. Однако общая теория психических процессов Льва Марковича Веккера также представляет немаловажный ресурс для развития основополагающих принципов нейрокогнитивной коррекции развития.

Теоретическое обоснование методов нейрокогнитивной коррекции с позиций информационной теории психики

В диссертационном исследовании, проведенном И. В. Логвиновой под нашим руководством, для создания экспериментальной программы психокоррекции нейрокогнитивного дефицита были использованы новые для отечественной нейропсихологии принципы, соответствующие ряду положений информационной теории психики Л. М. Веккера. Кратко они сформулированы ниже.

1. Фактором, который определяет развитие и интеграцию когнитив-

ных процессов «снизу», является их общая способность отражать универсальные характеристики объективного мира (пространства-времени и модально-интенсивностных свойств материи). Принципиально здесь то, что базовые способности психики — это не просто психические функции и процессы низшего уровня (сенсорика, сенсомоторика, перцепция, память или внимание), которые, по единодушному мнению авторов различных коррекционных программ, нужно всячески «тренировать» и «развивать». С позиций информационного понимания психики, это нужно делать в одном общем направлении, связанном с развитием *родовых, или базовых, свойств любых психических процессов — их пространственно-временных и модально-интенсивностных характеристик.*

2. Первичным уровнем развития психики является ее сенсорная ткань, в которой тактильно-кинестетическая модальность является генетически исходной базой, так как она единственная способна в определенном диапазоне сохранять инвариантными не только пространственно-временные, но и модальные характеристики объекта. Благодаря этому трансформация других видов модальностей в тактильно-кинестетическую может повышать объективность восприятия свойств источника сенсорной информации. Из этого следует, что акцент в коррекционной работе не следует делать только на одной из модальностей, например традиционно сенсомоторной. Необходимо максимально использовать их все, сочетая при этом в упражнениях разные сенсорные модальности не столько для того, чтобы развивать синестезии (Семенович, 2008), но с тем, чтобы одни и те же пространственно-временные и силовые характеристики объектов инвариантно переводить из одной модальности в другую. Это позволяет не просто стимулировать разные модально-специфичные

структуры мозга или устанавливать между ними ассоциативные связи, но и способствовать их взаимному потенцированию, компенсации селективного модального дефицита и морфофункциональной иерархической интеграции на основе общности уровней и содержания психического отражения в разных модальностях.

3. Развитие когнитивных структур подчиняется определенным закономерностям роста их изоморфизма (подобия) в отражении пространственно-временных и модально-интенсивностных характеристик объективного мира (Веккер, 1974). Знание этих закономерностей позволяет определять, дозировать и наращивать необходимый уровень сложности развивающих и коррекционных заданий, что и было использовано нами при составлении сборника тестовых заданий, предназначенных для диагностики, абилитации и коррекции умственного развития дошкольников (Чередникова, 2004б).

4. В процессе когнитивного развития и роста психической регуляции происходит интериоризация не внешних действий (Гальперин, 1985), но объектов этих действий, в процессе перехода от наглядных образов к репрезентативным и далее — к словесно-образным структурам представлений и мыслей. Следовательно, для развития процессов регуляции необходимо способствовать становлению более сложных форм когнитивного отражения и переводу во внутренний план действий именно этих когнитивных структур, а не прогрессивно усложняющихся операций, как предлагают авторы других коррекционных программ (Ахутина, Пылаева, 2008).

5. Мышление человека является двуязычным процессом обратимого взаимоперевода объективных отношений с языка образов на язык слов (символов) посредством ансамбля скоординированных и взаимно противоположных базовых операций (анализа-синтеза, сравне-

ния по сходству и различиям, абстрагирования-конкретизации). Все остальные мыслительные операции производны от базовых, как и все типы отражаемых отношений (от числовых до смысловых и формально-логических) производны от базовых пространственно-временных и модально-интенсивностных отношений. Отсюда следует еще один принцип коррекции когнитивного дефицита — необходимость обеспечивать постоянный обратимый перевод выделяемых объективных предметных свойств и отношений с языка пространственно-фигуративных структур (образов, представлений, пространственных схем) на язык символов (слов или знаков любой формы и модальности) в ходе развивающих и коррекционных занятий.

**Экспериментальные исследования
продуктивности общих принципов
и методов психокоррекции
когнитивного дефицита у детей**

Для исследования особенностей коррекционной динамики когнитивного дефицита при разной степени его выраженности и проверки практической значимости сформулированных выше принципов было проведено экспериментальное исследование с использованием разных методов психокоррекции (Логвинова, 2010). С одной стороны, это были традиционные «методы замещающего онтогенеза», разработанные рядом авторов (Т. В. Ахутина, Ж. М. Глозман, Н. К. Корсакова, Ю. В. Микадзе, А. В. Семенович, Н. Я. Семаго, М. М. Семаго, Н. М. Пылаева, Л. С. Цветкова) на основе принципов отечественной психологии развития (Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина и др.) и нейропсихологии (А. Р. Лурии), а с другой — это были те же методы, но обогащенные представлениями об информационной природе психики (Веккер, 1974; 1976; 1981).

Выборка, план и методы исследования

В эксперименте приняли участие 68 детей из коррекционного детского сада Краснодара в возрасте от 5 до 7 лет, с клиническими диагнозами смешанных специфических расстройств развития вследствие резидуальной органической патологии головного мозга перинатального генеза (F83 по МКБ-10 или ЗПР — задержка психического развития — в сложившихся терминах отечественной клинико-педагогической практики). Методом рандомизации эта выборка была разделена на две экспериментальные группы — для проведения «стандартного» («методами замещающего онтогенеза») и «инновационного» (с учетом принципов, сформулированных на основе положений теории Веккера) курсов психокоррекции. Обе группы, в свою очередь, были разбиты на три подгруппы в зависимости от диапазона полученных оценок интеллекта (IQ — общий показатель) по тесту WISC Д. Векслера: 70–79 баллов — глубокая ЗПР; 80–89 баллов — умеренная ЗПР; 90–99 — легкая ЗПР.

Дизайн исследования включал обследование состояния когнитивных функций у детей до и после полугодового курса психокоррекции и затем через полгода после его окончания, уже в период обучения детей в школе. Психодиагностику на выходе психокоррекционного вмешательства осуществляли вслепую не участвующие в эксперименте психологи. Условия эксперимента включали участие в проведении курсов психокоррекции в «инновационной» и «стандартной» экспериментальных группах двух разных специалистов-психологов, имевших, однако, равные квалификацию и опыт психологической работы.

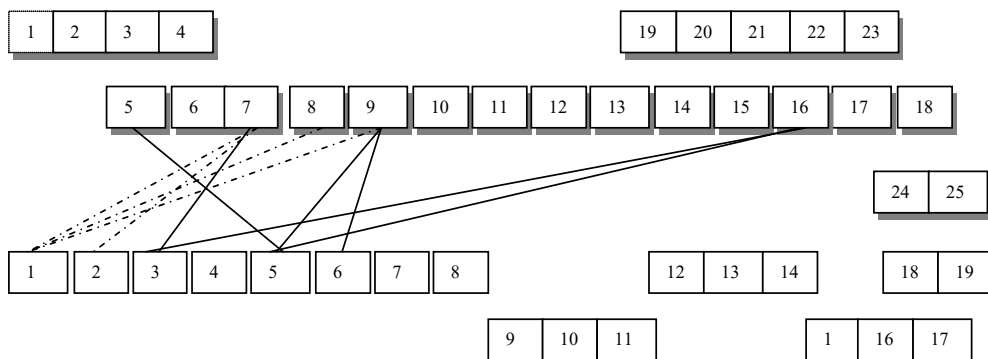
Для нейрокогнитивной диагностики были использован кросс-батареинный подход, сочетающий нейропсихологические пробы (НП) (Глезерман, 1983; Фотекова, Ахутина, 2002) и тест интеллекта

Векслера с тестами специальной направленности: тест Рея-Остеррита для оценки зрительно-пространственной памяти, исполнительских функций, когнитивных стратегий (Вассерман, Чередникова, 2011); тест «Цветоструктурирование» (ЦС) — зрительно-перцептивные, пространственные, репрезентативные, мыслительные функции, планирование, когнитивные стили (Чередникова, 2004а; Чередникова, Логвинова, 2011). Тест «ЦС» был разработан на основе положений теории Веккера об универсальном характере пространственно-временных и модально-интенсивностных свойств любых психических структур. В этом задании детям предлагалось раскрасить понравившимися цветами сложную фрактальную структуру стилизованной птицы на тестовом рисунке. Оценивались пространственные и модально-интенсивностные

особенности цветовой структуры, выделяемой детьми в раскраске. Всего измерялись 50 различных переменных по всем тестам. Для оценки достоверности статистических различий использовались критерии Колмогорова-Смирнова и коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Выбранный критерий $\alpha = 0,05$.

Результаты

Психокоррекционная динамика на втором и третьем (отставленном) этапах обследования в «инновационной» группе по большинству параметров была выше, чем в «стандартной» ($p < 0,05$), причем в обеих группах она зависела от исходного уровня интеллектуального дефицита. Наибольшая позитивная динамика отмечалась в группах с легкой ЗПР (90–99 баллов), но градиент динамики при этом в «инновационной» группе был выше

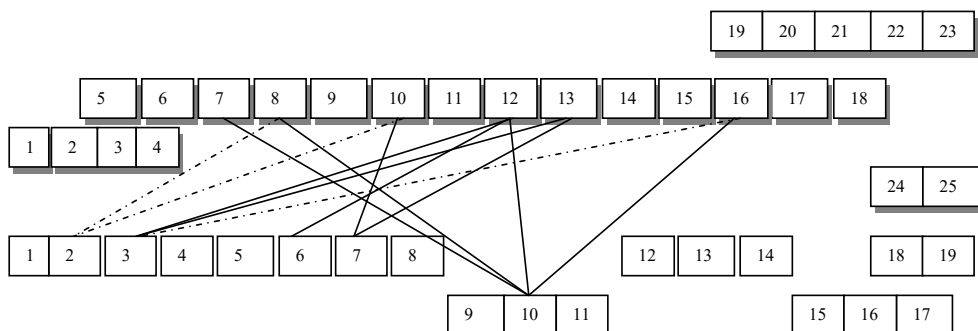
Условные обозначения:

Нейропробы — НП (верхние 25 клеток): 1 — динамический праксис; 2 — графомоторная координация; 3 — ритмы по инструкции; 4 — реципрокная координация; 5 — оценка ритмических структур; 6 — воспроизведение ритмов по образцу; 7 — продуктивность опознания реалистических изображений; 8 — продуктивность опознания перечеркнутых изображений; 9 — продуктивность опознания наложенных изображений; 10 — продуктивность опознания недорисованных изображений; 11 — вербальные перцептивные ошибки; 12 — ошибки по типу фрагментарности; 13 — ошибки смешения фигуры и фона; 14 — продуктивность 1-го воспроизведения двух групп по три слова; 15 — продуктивность отсроченного воспроизведения двух групп по три слова; 16 — продуктивность 1-го воспроизведения изображений предметов; 17 — 3-е воспроизведение изображения предметов; 18 — отсроченное воспроизведение изображения предметов; 19 — смысловая адекватность составления рассказа по серии картин; 20 — длина рассказа; 21 — длина фразы; 22 — количество свободных ассоциаций; 23 — количество глаголов; 24 — количество растений; 25 — количество правильно понятых логико-грамматических конструкций.

Методика «Цветоструктурирование» — ЦС (нижние 19 клеток): 1 — крупные фракталы; 2 — средние фракталы; 3 — мелкие фракталы; 4 — аморфные фракталы; 5 — четкие фракталы; 6 — хорошие фракталы; 7 — смысловые фракталы; 8 — сложные фракталы; 9 — гештальт не сформирован; 10 — парциальный гештальт; 11 — целостный гештальт; 12 — частичная ориентировка; 13 — неполная ориентировка; 14 — полная ориентировка; 15 — частичный план; 16 — неполный план; 17 — подробный план; 18 — простая симметрия; 19 — сложная симметрия.

Рис. 1. Структура значимых корреляционных связей ($p < 0,05$) между показателями двух тестов в общей выборке дошкольников с умеренной ЗПР до проведения психокоррекции

Рис. 2. Структура значимых корреляционных связей ($p < 0,05$) между показателями двух тестов у дошкольников с умеренной ЗПР в «стандартной» экспериментальной группе после проведения курса психокоррекции

($p < 0,05$). Кроме того, при глубокой ЗПР в «стандартной» экспериментальной группе не наблюдались позитивные коррекционные сдвиги, а в «инновационной» группе этот эффект наблюдался. Для наглядного представления части полученных в исследовании результатов и сравнения коррекционных эффектов в обеих экспериментальных выборках ниже приводятся результаты для подгрупп с умеренной ЗПР (80–89 баллов), но только по двум методикам, наиболее чувствительным к коррекционной динамике (рис. 1–3).

Как показывает рис. 1, до начала психокоррекции у детей с умеренной степенью ЗПР отмечалась низкая интеграция когнитивных функций (всего 6 положительных и 4 отрицательных значимых корреляции). Причем корреляции касались только перцептивных переменных. Так, оценки слухового восприятия ритмических структур (5-НП), зрительного узнавания реалистических изображений (7-НП) и наложенных фигур (9-НП) коррелировали с частотой выделения цветом в структуре раскраски мелких, четких и «хороших» форм фракталов (3, 5, 7-ЦС). При этом продуктивность узнавания тех же наложенных, а также перечеркнутых фигур (8-НП) и реалистических изображений была отрицательно связана с частотой выделения крупных и

средних фракталов (1 и 3-ЦС). Таким образом, на этом этапе эффективность восприятия сложных изображений коррелировала в основном с дифференциацией величины фракталов, т.е. с выделением их более мелких форм в структуре тестового рисунка.

После проведения курса психокоррекции «стандартными» методами в подгруппе с умеренной ЗПР (см. рис. 2) был выявлен небольшой рост числа межфункциональных связей (8 значимых положительных корреляций), причем уже не только с параметрами зрительного восприятия (опознания) в условиях визуальных помех (7, 8, 10-НП), но и со зрительной кратковременной памятью, однако пока только для реалистических изображений (16-НП) и при наличии перцептивных ошибок (фрагментарность — 12-НП, смещение фигуры и фона — 13-НП).

При этом появилось несколько корреляций с более прогрессивными зрительно-пространственными формами — симметричными («хорошие» фракталы — 6-ЦС) и смысловыми (7-ЦС) фракталами, связанными с выделением в раскраске функциональных частей птицы, а также с частичным выделением ее общего контура (парциальный гештальт — 10-ЦС).

К отрицательным корреляциям добавилась негативная связь кратковре-

менной зрительной памяти с выделением мелких элементов в рисунке, что объяснимо трудностями удержания в памяти более дифференцированной информации, так как это требует больших энергетических, или антиэнтропийных, в терминах теории Веккера, затрат.

В группе «инновационных» методов психокоррекции, как показывает рис. 3, проявилась намного более интенсивная положительная динамика, связанная с усилением межфункциональной интеграции (28 значимых положительных корреляций) и с ростом сложности зрительной перцепции. Так, основной фокус перцептивных корреляций нейропроб (6, 7, 8-НП) сместился к параметру «целостный гештальт» (11-ЦС), в связи со способностью большинства детей этой группы выделять из «зашумленного» фона на тестовом рисунке «ЦС» уже весь целостный контур птицы. Кроме того, в детских раскрасках появились и фракталы сложных форм (8-ЦС), также указывающие на прогресс зрительно-пространственного восприятия.

При этом в «инновационной» группе центры корреляционных связей когнитивных параметров нейропроб сместились от перцептивных структур (1–5-ЦС) к смысловым фракталам (7-ЦС),

а также к параметру «частичный план» (15-ЦС). Это означает, что, во-первых, хаотический прежде способ раскрашивания сменяется у них частично плановым, поскольку дети выделяют перед началом раскрашивания цветными кружочками горизонтальные и вертикальные оси тестового рисунка, используя потом эту обобщенную пространственную схему изображения птицы в качестве наглядного плана раскрашивания. Во-вторых, смещение центра связей к смысловым фракталам переводит регуляцию графической деятельности уже на уровень представлений, или словесно-речевых структур. Действительно, за каждой функциональной частью фигуры птицы (хвост, крылья, голова, клюв и т.д.) стоит и общее представление о строении птицы, и их словесные обозначения, а не просто какая-либо геометрическая форма, выделяемая чисто перцептивно. Этот переход от сугубо перцептивных к образно-речевым психическим структурам в когнитивной деятельности детей подтверждает и появление значимых корреляций некоторых вербальных параметров нейропроб — длинные фразы и количества свободных вербальных ассоциаций (21-НП и 22-НП) — с параметрами «смысловые фракталы» и «частичный план». При этом последнее

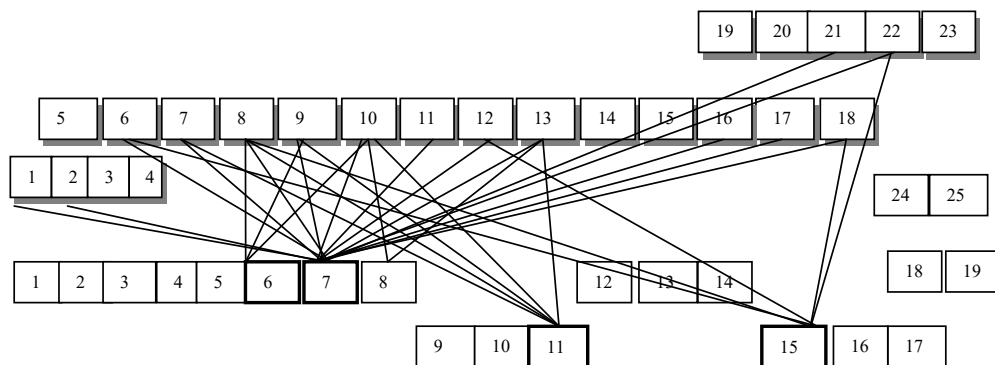

Рис. 3. Структура значимых корреляционных связей ($p < 0,05$) между показателями двух тестов у дошкольников с умеренной ЗПР в «инновационной» экспериментальной группе после проведения курса психокоррекции

указывает также и на смену структур психической регуляции (перцептивных — на репрезентативные).

Как можно видеть из сравнения рисунков 2 и 3, при том же исходном уровне интеллектуального дефицита у детей из группы со «стандартной» программой позитивная психокоррекционная динамика оказалась более слабой как по зрительно-пространственным, так и по вербальным параметрам (ни одной связи с речевыми нейропробами), при полном отсутствии даже частичного плана, указывающем и на дефицит когнитивной регуляции.

Обсуждение

Как показало исследование, коррекционная динамика когнитивного дефицита у детей была связана с улучшением структуры корреляционных связей между когнитивными показателями вследствие роста их количества, а также степени интеграции, за счет формирования их узловых центров, постепенно сдвигающихся к более сложным психическим структурам. И, хотя в «инновационной» группе эти сдвиги были более значимыми, в обеих экспериментальных группах выявлялись общие закономерности усложнения когнитивных функций в соответствии с иерархией когнитивных структур, представленной в общей теории психических процессов (Веккер, 1974). Так, коррекционная динамика проявлялась в переходах от последовательного усложнения зрительно-пространственной перцепции к развитию обобщенных образов представления и далее — к становлению словесно-образных, речемыслительных структур, что указывало на последовательную смену и форм психических регуляторов.

Кроме того, результаты, полученные в «инновационной» группе, свидетельствуют в пользу исходной гипотезы исследования об эффективности принципов психокоррекции когнитивного дефи-

цита, основанных на положениях общей теории психики, и в частности на требованиях постоянного взаимообратимого словесно-образного перевода предметных свойств и отношений, что оказалось продуктивным для коррекции не только невербальных, но и вербальных дефицитарных функций у детей с ЗПР.

В исследовании наибольшую чувствительность к коррекционной динамике когнитивных функций обнаружила методика «Цветоструктурирование», основанная на принципах оценки пространственно-временных и модально-интенсивностных параметров как универсальных свойств психики, что также соответствует положениям теории Веккера об их базовом характере. Первичный статус этих психических свойств предполагает неизбежность их нарушений при всех ранних расстройствах развития и на всех его последующих этапах. И, как следствие, необходимо проводить диагностику и коррекцию именно этих способностей психики — способностей отражать пространственные, временные и модально-силовые характеристики и отношения объективного мира, причем в психических структурах любой модальности и уровня сложности.

Таким образом, можно думать, что понимание основных принципов информационной организации психики позволяет оптимизировать эффекты психокоррекционного воздействия на нейрокогнитивный дефицит у детей с аномалиями нейроразвития, способствовать компенсации селективного модального дефицита, потенцированию развития взаимодействующих образных и речевых функций, их иерархической интеграции и росту когнитивной регуляции. Привлечение общей теории психики Веккера может оказаться полезным также для разработки эффективных методик диагностики, чувствительных к выявлению и коррекционной динамике дефицитарных когнитив-

ных функций (Чередникова, 2004а; 2004б; Чередникова, Логвинова, 2011).

Литература

Ахутина Т. В., Пылаева Н. М. (2008). Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. СПб.: Питер.

Вассерман Л. И., Чередникова Т. В. (2011). Психологическая диагностика нейрокогнитивного дефицита: Рестандартизация и апробация методики «Комплексная фигура» Рея-Остеррита: Методические рекомендации / разраб. Л. И. Вассерман, Т. В. Чередникова. СПб.: С.-Петербургский гос. университет.

Веккер Л. М. (1974). Психические процессы. Т. 1. Л.: Изд-во Ленинградского университета.

Веккер Л. М. (1976). Психические процессы. Т. 2: Мышление и интеллект. Л.: Изд-во Ленинградского университета.

Веккер Л. М. (1981). Психические процессы. Т. 3: Субъект. Переживание. Действие. Сознание. Л.: Изд-во Ленинградского университета.

Гальперин П. Я. (1985). Методы обучения и умственное развитие ребенка. М.: Изд-во Моск. университета.

Глезерман Т. Б. (1983). Мозговые дисфункции у детей. Нейропсихологические аспекты. М.: Наука.

Логвинова И. В. (2010). Нейропсихологический анализ сформированности психических функций у детей дошкольного возраста с когнитивным дефицитом и динамика их

развития в процессе психокоррекции // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 4. Пятигорск. С. 171–179.

Семенович А. В. (2008). Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза. М.: Генезис.

Фотекова Т. А., Ахутина Т. В. (2002). Диагностика речевых нарушений школьников с использованием нейропсихологических методов: Пособие для логопедов и психологов. М.: АРКТИ.

Чередникова Т. В. (2004а). Психодиагностика нарушений интеллектуального развития у детей и подростков: Методика «Цветоструктурирование». СПб.: Речь.

Чередникова Т. В. (2004б). Проверьте развитие ребенка. СПб.

Чередникова Т. В., Логвинова И. В. (2011). Применение графических методов в психодиагностике нарушений умственного развития и нейрокогнитивного дефицита у детей: Пособие для врачей и медицинских психологов. СПб.: НИПНИ им. В. М. Бехтерева.

Jeste S. S., Friedman S. L., Urion D. K. (2009). Child neurology: autism as a model: considerations for advanced training in behavioral child neurology // *Neurology*. Vol. 73, N 9. P. 733–735.

Simos P. G., Fletcher J. M., Denton C., et al. (2006). Magnetic source imaging studies of dyslexia interventions // *Developmental Neuropsychology*. Vol. 30, N 1. P. 591–611.

Slomine B., Locascio G. (2009). Cognitive rehabilitation for children with acquired brain injury // *Developmental Disabilities Research Reviews*. Vol. 15, N 2. P. 133–143.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Л. М. ВЕККЕРА

Н. А. Логинова

*Санкт-Петербургский
государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: n_a_loginova@mail.ru*

Н. В. Беломестнова

*Ленинградский государственный
университет им. А. С. Пушкина,
e-mail: belomestnovanina@bk.ru*

Представлена первая попытка описать научные труды выдающегося ученого Петербургской психологической школы Л. М. Веккера на русском языке в изданиях СССР и России с 1945 по 2001 г. Показаны проблемы, с которыми столкнулись авторы этой публикации при поиске трудов ученого. Раскрыты основные направления исследований Л. М. Веккера. Библиографический поиск продолжается.

Ключевые слова: Л. М. Веккер, библиография Л. М. Веккера, современное состояние, перспективы.

DOI: 10.7868/S1819265318040076

Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-06-00484 «История Петербургской психологической школы (1941–1991): архивные разыскания и изучение источников»

Для цитаты: Логинова Н. А., Беломестнова Н. В. (2018). Научные труды Л. М. Веккера // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 73–77.

Самобытный ученый, выдающийся представитель Петербургской психологической школы Лев Маркович Веккер оставил богатое творческое наследие. К сожалению, оно до сих пор не стало предметом историко-психологического изучения. Судьба его архива туманна. Личное дело пока не доступно в архиве Санкт-Петербургского государственного университета. Ничего по сей день не удалось узнать о рукописях и изданных за рубежом работах Л. М. Веккера, особенно в США. Не составлена и не опубликована библиография трудов Льва Марковича. Эту несправедливость надо устранять общими усилиями его учеников, последователей и историков психологической науки.

В настоящем выпуске журнала помещен предварительный список трудов ученого. В нем содержатся сведения о печатных публикациях на русском языке и библиографическое описание его кандидатской и докторской диссертаций, а также научного фильма об экспериментальном изучении осязания. Мы знаем, что научных трудов и публикаций у Л. М. Веккера намного больше, поэтому будем продолжать начатое дело и со временем опубликуем более полный список и библиографический указатель, характеризующий плодотворную научную деятельность Льва Марковича.

Данного рода справочные тексты много могут сказать о творческом разви-

тии ученого. Л. М. Веккер пришел в психологию со своим конкретным интересом к психическим явлениям и уже в первые годы обучения на вновь открытом отделении психологии Ленинградского университета проявил себя в научной публикации — тезисах историко-психологического доклада на научной сессии ЛГУ 1945 г. Большинство из ранних опубликованных работ Веккера было посвящено проблеме чувственного познания, особенно осязания, которому он придавал ключевое значение для процесса порождения индивидуального сознания. В этом состоит диалектический сенсуализм — своеобразное явление в методологии психологии, которое было присуще Б. Г. Ананьеву, а потом и его ученику Л. М. Веккеру и другим представителям Петербургской — Ленинградской психологической школы. Суть нового сенсуализма в отличие от многократно раскритикованного старого в том, что он не подразумевает редукции субъективного мира и структуры личности к ощущениям, но представляет убеждение о чувственном отражении материи как источнике всей психической реальности.

На рубеже 1950–1960-х гг. появляется кибернетическая линия творчества Веккера, что означает новую парадигму его исканий. Это видно из соответствую-

ющих печатных источников. Естественно-научные понятия сигнала, информации и энергии становятся системообразующими в теоретических построениях Л. М. Веккера. Объединение в исканиях Веккера знаний из кибернетики, а также физиологии, технических, гуманитарных и психологических наук как нельзя более показывает плодотворность комплексного подхода в целях психологического познания.

С этих методологических позиций написаны главные труды Льва Марковича — три тома теоретически, логически и эмпирически обоснованных «Психических процессов» (1974; 1976; 1981). Выпущенные малыми тиражами в издательстве Ленинградского университета, они стали раритетами, как и его первые монографии «Осязание в процессах познания и труда» (1959, в соавторстве) и «Восприятие и основы его моделирования» (1964). Мечта и задача учеников Льва Марковича подготовить и осуществить новое издание этих книг, а также сборника избранных произведений. Со временем, надо надеяться, появятся и новые архивные публикации. Научные труды Л. М. Веккера не потеряли своей актуальности, более того они необходимы для современного человека, размышляющего о сущности сознания.

Библиография Л. М. Веккера

Веккер Л. М. Некоторые закономерности динамики осязательного образа: дис. ... канд. пед. наук / Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова, филос. фак-т, каф. психологии. Л., 1950. 358 с.

Веккер Л. М. Некоторые закономерности динамики осязательного образа: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова, филос. фак-т, каф. психологии. Л., 1951. 21 с.

Веккер Л. М. Восприятие и основы его моделирования: дис. ... докт. пед. наук (по психологии) / Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л., 1964. 428 с.

Веккер Л. М. Восприятие и основы его моделирования: автореферат дисс. ... доктора пед. наук (по психологии). Ленинградский гос. ун-т им. А. А. Жданова. Л., 1964. 46 с.

Четыре раздела научно-экспериментального фильма «Рука как орган познания». Кинолаборатория ЛГУ, 1959.

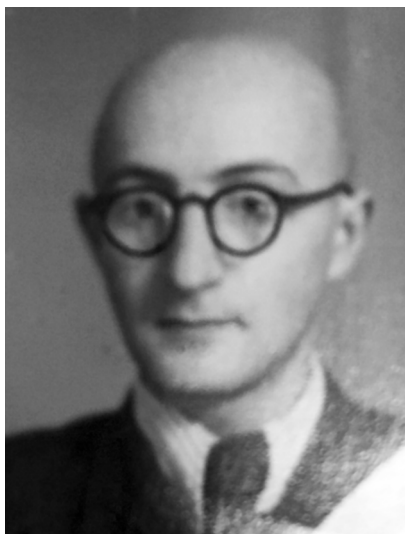
1. Веккер Л. М. Идея сенсорного развития в психологических концепциях Д. Велланского и А. Галича // Научная конференция психологического отделения философского факультета (7–8 июля 1945 г.): Тезисы докладов / отв. ред. Б. Г. Ананьев. Л.: ЛГУ, 1945. С. 14–18.
2. Веккер Л. М. О связи осязательного образа с предметным действием // Тезисы докладов Второй научной конференции психологического отделения философского факультета ЛГУ. Л.: ЛГУ, 1946.
3. Веккер Л. М. Динамика осязательного восприятия пространства // Материалы университетской психологической конференции, 1–5 октября 1947 г. Л.: ЛГУ, 1949. С. 112–114.
4. Веккер Л. М. О динамике осязательного образа в зависимости от характера движений // Проблемы психологии / под ред. проф. Б. Г. Ананьева. Л.: Изд-во ЛОЛГУ, 1948. С. 100–107.
5. Веккер Л. М. Осязательное восприятие пространства // Материалы университетской психологической конференции. Л.: ЛГУ, 1949.
6. Веккер Л. М. Об осязательных представлениях // Труды Вильнюсского гос. пед. института. Т. 1. Вильнюс, 1951.
7. Веккер Л. М. К проблеме осязательного восприятия // Ученые записки ЛГУ, № 147. Серия философских наук. Вып. 4. Психология. Л.: ЛГУ, 1953. С. 247–271.
8. Веккер Л. М. О сигнальной функции психического // Вопросы психологии. 1955. № 4. С. 3–15.
9. Веккер Л. М. Об осязательном образе как регуляторе движений руки // Ученые записки ЛГУ. № 203. Серия философских наук. Вып. 8. Психология. Л.: ЛГУ, 1955. С. 53–63.
10. Веккер Л. М. К вопросу о физиологическом механизме чувственного образа // Тезисы докладов на Совещании по психологии познания. 20–22 мая 1957 г. / Академия наук СССР. М., 1957.
11. Веккер Л. М. О некоторых вопросах теории осязательного образа // Материалы Совещания по психологии (1–6 июля 1955 г.). М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957.
12. Веккер Л. М. О мышлении и задачах его развития в процессе [школьного] обучения // Ученые записки Вильнюсского гос. пед. ин-та. Т. 2. Вильнюс, 1957. С. 3–15.
13. Веккер Л. М. К постановке проблемы воли // Вопросы психологии. 1957. № 2. С. 31–42.
14. Веккер Л. М. О рефлекторных механизмах образа // Труды Вильнюсского гос. пед. ин-та. Т. IV. Вильнюс, 1958.
15. Веккер Л. М. К проблеме рефлекторных механизмов ощущений // Ученые записки Вильнюсского гос. пед. ин-та. Т. V. Вильнюс, 1958. С. 141–152.
16. Веккер Л. М. Об уровнях отражения пространства // Материалы Совещания по проблеме восприятия пространства. Л., 1959.
17. Ананьев Б. Г., Ломов Б. Ф., Веккер Л. М., Ярмоленко А. В. Осязание в процессах познания и труда. М.: Изд-во АПН СССР, 1959. Главы 2, 3 и 4.
18. Веккер Л. М. К вопросу о связи кибернетики и психологии // Тезисы докладов на Прибалтийском совещании по проблемам психологии. Вильнюс, 1960.
19. Веккер Л. М., Ломов Б. Ф. О структуре трудового действия // Вопросы психологии. Материалы второй Закавказской конференции психологов. Ереван, 1960.
20. Веккер Л. М., Лапе Ю. П. К проблеме построения осязательного образа // Вопросы психологии. 1961. № 5. С. 143–153.

21. Веккер Л. М., Ломов Б. Ф. К сравнительному анализу построения изображения в технических устройствах и анализаторах // Проблемы восприятия пространства и времени. Л.: ЛГУ, 1961.
22. Веккер Л. М. О пространственной структуре сенсорного и моторного полей в операциях дистанционного управления железнодорожным транспортом // Проблемы восприятия пространства и времени. Л.: ЛГУ, 1961.
23. Веккер Л. М., Ломов Б. Ф. О чувственном образе как изображении // Вопросы философии. 1961. № 4. С. 47–59.
24. Веккер Л. М. Исследование проблемы детерминации (рецензия на книгу М. Г. Ярошевского «Проблемы детерминизма в психофизиологии XIX века». Душанбе, 1961) // Вопросы психологии. 1962. № 6. С. 142–147.
25. Веккер Л. М. О перестройке сенсорных и моторных функций оператора в процессе развития дистанционного управления железнодорожным транспортом // Проблемы общей и промышленной психологии. Л.: ЛГУ, 1963.
26. Веккер Л. М. К постановке проблемы моделирования сенсорных функций // Вестник ЛГУ. 1963. № 17. С. 77–84.
27. Веккер Л. М. К сравнительной характеристике предметных действий и операций управления // Вопросы психологии. 1963. № 2. С. 17–29.
28. Веккер Л. М. К сравнительному анализу психической регуляции и регулирования в автоматах // Вопросы философии. 1963. № 2. С. 70–81.
29. Веккер Л. М. О сравнительной характеристике предметных действий и операций управления // Материалы IV научной конференции по физиологии труда. Л.: ЛГУ, 1963.
30. Веккер Л. М. К постановке проблемы моделирования сенсорных функций // Вестник ЛГУ. 1963. № 17.
31. Веккер Л. М. О специфике управляющей функции сигналов-образов // Первая Всесоюзная конференция «Человек — автомат» / Научный совет по проблемам кибернетики. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
32. Веккер Л. М. О чувственном образе как информационном процессе // Тезисы докладов на II съезде Общества психологов. Вып. 3. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963.
33. Веккер Л. М. Психическое изображение как сигнал // Вопросы философии. 1964. № 3. С. 140–148.
34. Веккер Л. М., Сурков Е. Н. К сравнительной характеристике сенсомоторных компонентов деятельности оператора в разных системах управления // Проблемы общей и инженерной психологии. Л.: ЛГУ, 1964.
35. Веккер Л. М. Восприятие и основы его моделирования. Л.: ЛГУ, 1964.
36. Веккер Л. М., Ярошевский М. Г. О кибернетическом подходе к проблеме образа (рецензия на книгу В. С. Тютютина «О природе образа». М., 1963) // Вопросы философии. 1964. № 5. С. 173–177.
37. Веккер Л. М., Михайлов С. А., Питанова А. В. О построении зрительного образа в условиях поэлементного предъявления элементов контура // Проблемы инженерной психологии. Вып. 2. М., 1965.
38. Веккер Л. М., Сурков Е. Н. О соотношении структуры и локализации сенсорного и моторного полей в управляющих операциях // Проблемы инженерной психологии, вып. 4. М., 1966. С. 108–118.
39. Веккер Л. М. Уровни организации психических процессов как сигналов // Вопросы философии. 1968. № 4. С. 58–69.

40. Веккер Л. М. О пространственно-временной геометрии психического изображения // Материалы симпозиума «Восприятие пространства и времени». Л.: Наука, 1969.
41. Веккер Л. М. О соотношении уровня обобщенности, константности и неопределенности в процессах восприятия // Теоретическая и прикладная психология в Ленинградском университете. Л.: ЛГУ, 1969. С. 5–7.
42. Веккер Л. М., Лешинский М. Б. Современная теория памяти и обобщенность представлений // Материалы симпозиума по проблемам памяти. Харьков, 1970.
43. Веккер Л. М., Палей И. М. О соотношении информационных и энергетических компонентов в нервно-психической деятельности // Методологические аспекты кибернетики. М., 1970. С. 28–29.
44. Веккер Л. М., Палей И. М. Информация и энергия в психическом отражении // Ученые записки Ленинградского ун-та. № 362. Серия психологических наук. Вып. 3. Л.: ЛГУ, 1971. С. 61–66.
45. Веккер Л. М. О соотношении структурных и статистических характеристик образов восприятия разной степени константности // Вопросы психологии. 1971. № 1. С. 36–49.
46. Веккер Л. М., Бровар А. В., Владимирова Н. М., Михайлова И. А. О соотношении структурных и статистических характеристик образов восприятия разной степени константности // Вопросы психологии. 1971. № 1. С. 36–49.
47. Веккер Л. М., Сурков Е. Н. Исследование сенсомоторных и перцептивно-интеллектуальных компонентов управляющих действий железнодорожного диспетчера // Вопросы инженерной психологии в автоматизированных системах управления. Л.: ЛГУ, 1972. С. 25–36.
48. Веккер Л. М. Инженерная психология и проблема структуры и регулирующей функции перцептивного образа // Ученые записки Ленинградского ун-та. № 368. Серия психологических наук. Вып. 5. Л.: ЛГУ, 1973. С. 7–29.
49. Веккер Л. М. Психические процессы. Т. 1. Л.: ЛГУ, 1974. 335 с.
50. Веккер Л. М. Психические процессы. Т. 2. Л.: ЛГУ, 1976. 343 с.
51. Веккер Л. М. Психические процессы. Т. 3. Л.: ЛГУ, 1981. 327 с.
52. Веккер Л. М. Психические процессы и личность // Экспериментальная и прикладная психология. Вып. 11. Личность и деятельность. Л.: ЛГУ, 1982. С. 20–26.
53. Веккер Л. М. Психика и реальность: единая теория психических процессов. М.: Смысл, 1998. 685 с.
54. Веккер Л. М. Мир психической реальности: структура, процессы и механизмы. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 2000. 512 с.
55. Веккер Л. М. Ленинградская психологическая школа и ее традиции // Психологические проблемы русских эмигрантов в Германии: сборник трудов бакалавров психологии Санкт-Петербургского государственного университета. Выпуск 2000 и 2001 годов, Берлин — СПб. / сост. Н. С. Хрусталева, науч. ред. А. А. Крылов и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 228–229.

Л. М. ВЕККЕР: ФОТОАЛЬБОМ

Фотография Л. М. Веккера из его личного дела как нештатного преподавателя на филологическом факультете Ленинградского государственного университета, 1948–1949 гг.

Л. М. Веккер на лекции в Ленинградском государственном университете, 1960-е гг.

В 1950г. окончил аспирантуру. С 1950г. по февралю 1951г. читал курсы общей психологии в Ленингр. Библиотечном Институте.

В сентябре 1951г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: "Некоторые закономерности формирования образа" в институте Психологии и Педагогической Гос. Метод. Института, где работал сначала старшим преподавателем, затем доцентом, а с 1956г. - заведующим кафедрой психологии (с 1959г.).

С ноября 1959г. перешел на работу в Ленингр. Гос. Метод. Институт (ныне Ленинградский Гос. университет) в лабораторию индустриальной психологии.

Награжден медалями:
"За оборону Ленинграда"

"За доблестный труд в Великой Отечественной войне"

2/5 1960г.

Л. Веккер

Л. М. Веккер на защите диссертаций коллег по кафедре, Ленинградский государственный университет, 1965 г. (автор фотографии проф. В. Н. Куницына)

Л. М. Веккер на семинаре в Ленинградском государственном университете, 1970-е гг. (фото М. И. Ериш)

Кафедра общей психологии факультета психологии Ленинградского государственного университета, 1971 г. Сидят (слева направо): Л. М. Веккер, А. А. Бодалев, М. Д. Александрова, В. Н. Андреева, стоят: В. Н. Куницына, В. П. Лисенкова

М. Жамкочьян и Л. М. Веккер на конференции на Ленинградской атомной электростанции, конец 1990-х гг.

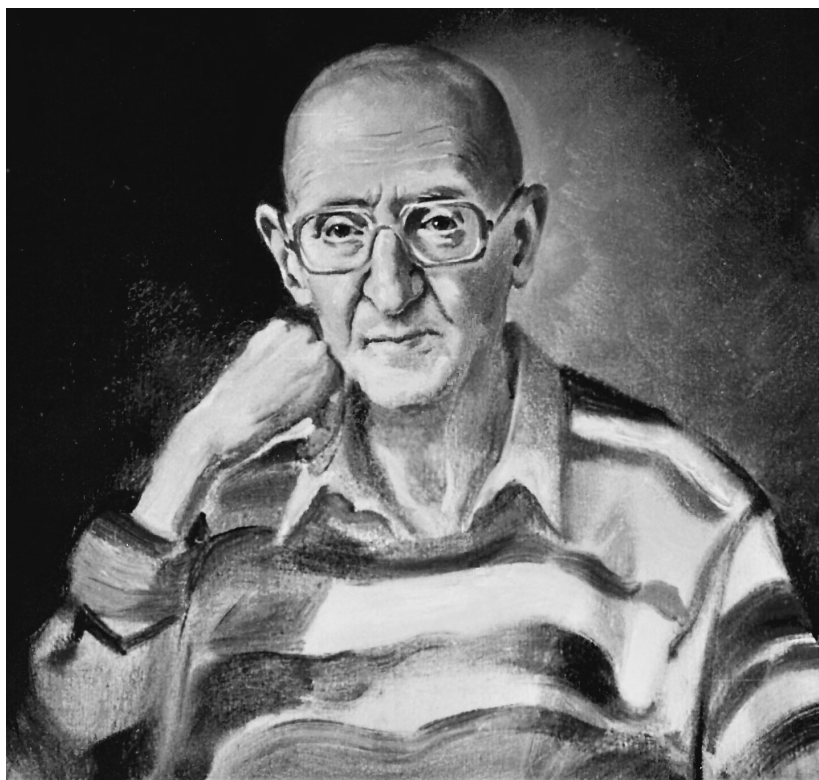
Л. М. Веккер на прогулке со своим давним другом и коллегой из России Р. М. Грановской, город Маклин, национальный парк США (Fall park), 1990-е гг.

Л. М. Веккер с соавтором своих книг и научных публикаций в США профессором Джоном Алленом в своем кабинете в университете Джорджа Мэйсона, Вашингтон, США, конец 1990-х гг.

Л. М. Веккер в Санкт-Петербургском государственном университете в один из приездов из США, конец 1990-х гг.

Портрет Л. М. Веккера, выполненный одним из студентов Берлинского отделения факультета психологии СПбГУ, конец 1990-х гг.

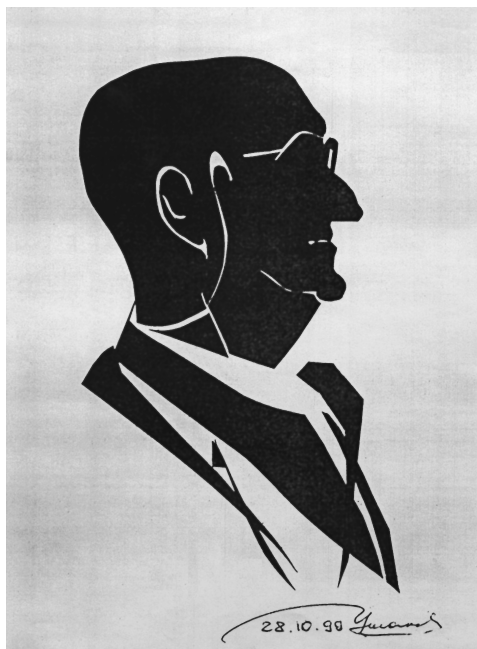

Факультет психологии Санкт-Петербургского государственного университета, 13 ноября 1998 г.
Слева направо: В. Н. Куницына, Л. М. Веккер, И. М. Палей

Л. М. Веккер делает доклад в Берлинском филиале СПбГУ,
1998—1999 г.

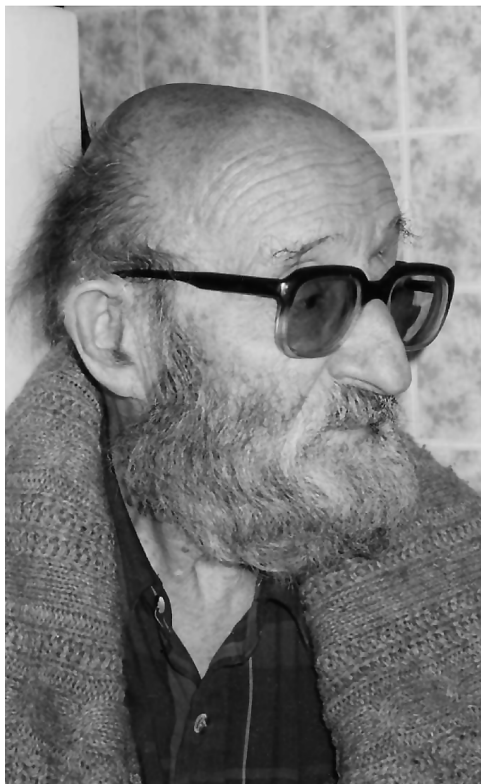
Л. М. Веккер, рисунок тушью художницы Ушаковой, Санкт-Петербург, 1999 г.
(архив Н. В. Беломестной)

Павловск (Санкт-Петербург), в гостях у Владимира и Натальи Нечаевых, слева направо: Михаил Михайлович Худяков (друг, последователь и коллега Л. М. Веккера, организатор Веккеровских чтений на Ленинградской атомной станции), Владимир Николаевич Нечаев (психолог и друг Л. М. Веккера в последние годы его жизни в США), Лев Маркович Веккер, Мария Владимировна Осорина (ближайшая ученица и последовательница теоретических идей Веккера, доцент СПбГУ), 1999 г.

Л. М. Веккер в своем кабинете в Институте перспективных исследований им. Ш. Краснова (The Krasnow Institute for Advanced Study) с его директором, профессором биологии и естественной философии Гарольдом Моровитцем (Harold Morowitz), США, 2000 г.

Л. М. Веккер, последний приезд в Россию, Санкт-Петербург, осень 2001 г.

Фотоальбом создан в основном усилиями Т. В. Чередниковой.

DOI: 10.7868/S1819265318040088

Для цитаты: Чередникова Т. В. (2018). Л. М. Веккер: фотоальбом // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 78–86.

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ: ЕЕ МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ¹

Х. Э. Люк

Хагенский университет,

Хаген, Германия,

e-mail: helmut.lueck@fernuni-hagen.de

На примере нескольких распространенных в современной истории психологии заблуждений показано, что научно-историческая действительность сложнее, чем она представлена в лекциях и литературе, создающих впечатление непрерывного и логичного развития психологии как научной области. Наиболее часто ошибки связаны с обратной экстраполяцией современной ситуации в прошлое, без учета того, что развитие отнюдь не происходит прямолинейно. Так, психология не является сугубо экспериментальной наукой, в ней всегда была «рассуждающая», философская часть. Научная психология в Германии во время национал-социализма утратила свой уровень и включенность в международное профессиональное сообщество, однако в это же время произошло качественное развитие психологии, институционализация ее как профессии. Психоанализ не является сугубо австрийско-немецким явлением, который после добровольной или вынужденной эмиграции видных психоаналитиков был восторженно принят в США, его расцвет можно было наблюдать в Восточной Европе и России после Октябрьской революции. Существуют различные модели написания истории психологии: описание значимых событий и вкладов выдающихся личностей; история идей, представляющая развитие концепций, теорий и парадигм в науке; история проблем, заключающаяся в систематизации фундаментальных вопросов; социальная история науки, сконцентрированная на анализе отдельных школ и институтов психологии; контекстуальная история. Дано представление об основном инструментарии историка психологии: работа с источниками; герменевтическая интерпретация текстов; библиометрический анализ; «устная история». Подчеркивается роль архивов и музеев, содержащих важные для историков психологии материалы.

Ключевые слова: методология психологии, история психологии, модели написания истории психологии, психология времен национал-социализма, психоанализ в России, методы историко-психологического исследования, архивы по истории психологии.

DOI: 10.7868/S181926531804009X

Для цитаты: Люк Х. Э. (2018). История психологии: ее методология и методы // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 87–100.

¹ Перевод с немецкого выполнен М. В. Волковой.

Психологи долгое время несколько небрежно обращались с историей своей дисциплины. Это привело к распространению недоразумений. Три примера распространенных в Германии заблуждений должны показать, что иногда историческая реальность была не такой, как можно слышать на лекциях по психологии или прочесть в психологической литературе.

После Второй мировой войны отношение психологии к национал-социализму никогда не обсуждалось подробно — ни психологами, ни историками. Возможно, студент-психолог имел определенные представления о психологии в вермахте, о запрете психоанализа во время нацизма и о вынужденной эмиграции выдающихся психологов-евреев. В некоторых университетах внимательные студенты заметили также, что часть литературы по психологии, изданной в 1933–1945 гг., исчезла из библиотек психологических институтов. Однако отношение психологии к национал-социализму едва ли обсуждалось серьезно.

Если данная тема вообще и поднималась преподавателями высшей школы, то это происходило отчасти для того, чтобы оправдать себя или поставить рядом с национал-социализмом, критиковать или очернить коллег либо целые направления, особенно это касалось лейпцигской школы психологии целостности. Но в целом преподаватели и студенты были рады забыть эти «темные» времена. Широко распространилось мнение, что психологические исследования пострадали при национал-социализме; национал-социалисты вообще были настроены против психологии, ведь был же запрещен психоанализ и в конце концов психология в вермахте просто прекратила свое существование. Короче говоря, во время национал-социализма психология пережила свой упадок, от которого впоследствии была вынуждена с трудом оправляться.

В течение десятилетий эти представления были распространены практически как бесспорные. Только в начале 1980-х гг. последовали первые значительные изыскания и критический анализ психологии времен национал-социализма (Geuter, 1984). Данные исследования показали, что до сих пор была широко распространена полуправда о роли психологии во время национал-социализма, и отчасти это было сделано умышленно. Историческая действительность является — как часто бывает — по-настоящему сложной, и поэтому здесь нужно кратко представить некоторые факты.

По закону «О восстановлении профессионального чиновничества», принятому 7 апреля 1933 г., вскоре после захвата власти, государственные служащие «неарийского происхождения» должны были уйти в отставку. В немецком рейхе это были пять из пятнадцати профессоров психологии: Адемар Гельб (Adhemar Gelb), Давид Катц (David Katz), Вильгельм Петерс (Wilhelm Peters), Вильям Штерн (William Stern) и Макс Вертгеймер (Max Wertheimer). Позже был освобожден от должности профессор Высшей коммерческой школы Манхайма Отто Зельц (Otto Selz). Зельц эмигрировал в Нидерланды, но потом был оттуда насильственно вывезен, заключен в Освенцим, где и погиб. Курт Левин упредил свое отстранение от должности эмиграцией в США. В 1935 г. также эмигрировал гештальтпсихолог Вольфганг Келер, который не был евреем, но принял такое решение после того, как он больше не мог защищать свой Берлинский институт психологии от вмешательства национал-социалистов. Мюнхенский профессор Курт Хубер (Kurt Huber) входил в группу Сопротивления «Белая роза», был приговорен к смерти и казнен.

Но одновременно с этим «кровопусканием» в немецкой психологии происходил — если рассматривать количествен-

но — ее значительный подъем. Во время национал-социализма расширялись старые и образовывались новые психологические институты, создавались новые кафедры, а другие кафедры преобразовались в психологические. При национал-социалистском правительстве произошло мощное развитие вермахта и психологии в вермахте. В 1938 г. существовало около 170 штатных единиц психологов в сухопутных и морских войсках. В люфтваффе (военно-воздушных силах) в 1942 г. было занято около 150 психологов.

Так как до этого времени не было четкого описания профессии и соответственно учебного процесса подготовки психологов, то необходимость в военных психологах потребовала организации соответствующего образования. При назначении на должность профессора психологии учитывался опыт работы психологов в структурах вермахта, особенно в области психодиагностики. В 1941 г. вступил в силу порядок сдачи экзаменов для получения диплома по психологии — так был сделан решительный шаг в направлении к утверждению психологии как профессии.

При особой лояльности правления Немецкого психологического общества к национал-социализму многие психологи пробовали поставить свои способности на службу новой системе. Но, насколько до сих пор известно, психологи не принимали активного участия в национал-социалистской пропагандистской работе, депортациях или работе в концентрационных лагерях.

Отчасти то, что психология оказалась мало замешанной в национал-социалистской деятельности, зависело от положения самой психологии: правда, существуют источники, которые четко показывают, что психологи не только выполняли диагностическую работу и экспертизу при решении об усыновлении сирот в оккупированной Польше, но диагности-

ческие исследования психологов играли роль и при «детской эвтаназии», когда жизнь психически больных и умственно отсталых детей должна была быть прекращена. G. Benetka и C. Rudolph (2008) на основании обнаруженных историй болезни проследили судьбу отдельных детей и исследовали роль психологов в организации «Шпигельгруд»².

В 1942 г. психологические службы сухопутных и военно-воздушных сил были распущены. Но это поразительное решение не доказывает того, что психология как научная область преследовалась при национал-социализме. Основную причину распада, пожалуй, можно видеть в том, что больше не был нужен дифференцированный прогноз пригодности к военным действиям. Кроме того, потери сухопутных и воздушных войск были так велики, что дальнейший отбор едва ли имел смысл.

Что касается запрета психоанализа, то здесь также необходима дифференцированная позиция. Это правда, что сочинения основателя психоанализа Зигмунда Фрейда публично были сожжены уже в мае 1933 г. вместе с трудами других дискриминированных национал-социалистами авторов и что Фрейду, как и многим его ученикам-евреям, после «аншлюса» Австрии оставалось только эмигрировать, чтобы избежать более трагичной судьбы. Венский психологический институт и его оснащение были ликвидированы, а психоанализ был официально запрещен. Но это не означало, как обычно утверждают, что психоанализ как терапия больше не практиковался в Третьем рейхе. После роспуска психоаналитического институ-

² «Am Spiegelgrund» — детская клиника в Вене, где во время нацистского режима проводились эксперименты над больными детьми, а в рамках программы эвтаназии было убито около 800 детей. Сегодня имя «Am Spiegelgrund» является синонимом преступлений, совершенных нацистскими медиками (примеч. переводчика. — М.В.).

та в Берлине в 1936 г. был основан Немецкий институт психологических исследований и психотерапии, задачей которого стало развитие немецкой «терапии души». В этом институте были сосредоточены и продолжали использоваться на практике под медицинским руководством различные направления глубинной психологии. Таким образом, утверждение об уничтожении психоанализа, в течение долгого времени поддерживаемое психоаналитиками, нужно также обозначить как легенду.

Вывод о том, что научная психология в Германии во время национал-социализма утратила свое качество и потеряла включенность в международный уровень, конечно, справедлив (хотя есть ссылки на то, что этот процесс начался еще до 1933 г.). Однако одновременно с потерей качества произошел значительный количественный и реально ощутимый рост, развитие психологии как профессии. Не нужно, конечно, понимать это высказывание как оправдание национал-социалистской идеологии. Но определенно неправильно и высказывание, что национал-социализм и психология как наука были несовместимы.

Если раскрыть специальный психологический журнал, войти в психологический институт или послушать лекцию по введению в психологию, создается впечатление, что психология всегда была экспериментальной наукой. Оглядываясь на прошлое психологии, мы сразу называем такие имена, как Густав Теодор Фехнер (Gustav Theodor Fechner, 1801–1887), Вильгельм Вундт (Wilhelm Wundt, 1832–1920) или Джон Уотсон (John B. Watson, 1878–1958). Легко возникает впечатление непрерывного и логичного развития психологии как научной области. Это очень широко распространенное заблуждение.

В психологии всегда была неэкспериментальная, рассуждающая, философствующая часть. Если говорить о трех вы-

шеупомянутых авторах, то Фехнер под псевдонимом Доктор Мисес написал ряд сатирических произведений, а также несколько книг мистического характера; Вильгельм Вундт более двадцати лет своей жизни занимался совсем не экспериментальной психологией народов, а Джон Уотсон писал научно-популярные статьи и даже утопии и лишь в незначительной мере пытался осуществить свой проект, связанный с бихевиоризмом. Не случайно, что значительная гуманитарно-научная часть прошлого психологии, а особенно те направления, которые с сегодняшней точки зрения представляются неудачными, постепенно затемняется, забывается и пренебрегается. Так, даже получившие психологическое образование профессионалы с удивлением узнают, что экспериментальная психология в Германии после Второй мировой войны не была само собой разумеющейся, а рассматривалась большинством профессоров-психологов как пройденный этап. Немало немецких профессоров психологии в начале 1950-х гг. считали доминирующую в США экспериментальную психологию отсталой и устаревшей. Только следующему поколению психологов в конце 1950-х — начале 1960-х гг. удалась «реанимация» экспериментальной психологии.

Наш третий пример исторического заблуждения касается совсем другой области: согласно широко распространенному предположению, психоанализ является немецко-австрийским явлением, который после добровольной или вынужденной эмиграции видных психоаналитиков был восторженно принят в США. О психоанализе в России и в других странах Восточной Европы в западноевропейской литературе можно найти совсем немного. Даже авторы, хорошо разбирающиеся в истории психоанализа, упустили из виду, что в СССР был расцвет психоанализа, советское правительство не только толерантно принимало психоанализ,

но и содействовало его продвижению. Сорок семь работ Фрейда были переведены на русский язык, и многие только после Октябрьской революции.

В августе 1921 г. в Москве была открыт психоаналитический Детский дом-лаборатория, который встретил резкую критику (Schmidt, 1924), но отнюдь не с позиций марксистской идеологии. Другие учреждения, публикации и создание Русского психоаналитического общества и прочих объединений в различных местах России (см.: Nitzschke, 1989) позволяют признать, что психоанализ в первые годы после Октябрьской революции в России переживал подъем, который закончился вскоре, при сталинизме.

Былой расцвет психоанализа в России, возможно, имел очень индивидуальные причины: может быть, это был сам Ленин, который поддерживал перевод важнейших работ Фрейда на русский язык (см.: Tögel, 1988). С 1900 по 1917 г. В. И. Ленин (1870–1924) провел более тринадцати лет в Западной Европе. Он использовал каждую возможность посещения крупнейших библиотек. Ленин был хорошо знаком с важнейшими гуманитарными направлениями своего времени. И поэтому возможно, что Ленин имел по меньшей мере некоторые представления о психоанализе. Более того, Лев Троцкий (1879–1940) еще ранее оказался знаком с важнейшими течениями в психоанализе и был сторонником психоанализа. Наконец, нужно назвать жену Ленина Н. Крупскую, которая очень интересовалась педагогикой и почти наверняка была знакома с идеями Фрейда о психологическом развитии. Три книги Фрейда были у Ленина в его личной библиотеке, которая и сегодня находится в Кремле (Tögel, 1988)³. Ранний психоанализ в России — это еще мало изученная область.

Наши три примера показали, что ошибочные предположения существуют, и широко распространены. Они также показали, ошибки какого рода наиболее часты: происходит обратная экстраполяция современной ситуации в прошлое без учета, что развитие отнюдь не происходит прямолинейно. Если сегодня в России мало занимаются психоанализом, то думают, что так было всегда⁴. И это — заблуждение!

Во всех трех примерах мы задавали вопрос прошлому и пытались ответить на этот вопрос аргументами. Важно понять, что ни вопросы, ни доказательства

«Ленинские Горки», личная библиотека В. И. Ленина находится в настоящее время в их музее (примеч. переводчика. — М.В.)

⁴ По мнению редакции журнала «Методология и история психологии» в настоящее время, начиная с середины 1980-х гг., в России психоанализ представлен весьма широко в большинстве своих направлений и школ. В частности, существуют Восточно-Европейский институт психоанализа (Санкт-Петербург, 1991 г.), Московский институт психоанализа (Москва, 1997 г.), Институт практической психологии и психоанализа (Москва, 1998), Российская психоаналитическая ассоциация (1988), Санкт-Петербургское психоаналитическое общество (1989), Институт гуманитарных проблем и психоанализа, Открытое психоаналитическое общество, Региональная психоаналитическая общественная организация «Катексис», Общественная организация «Психодинамика», Профессиональное психоаналитическое общество, Ассоциация группового психоанализа, Институт аналитической психологии и психоанализа, Институт клинического и прикладного психоанализа, Институт психологии и сексологии, Центр психоанализа, Сибирская ассоциация психоанализа, Пермское психоаналитическое общество, Ставропольская краевая психоаналитическая ассоциация, Национальная федерация психоанализа и другие организации, также существуют неформальные психоаналитические группы. За указанный период изданы сотни, если не тысячи, психоаналитических трудов (общим тиражом более 50 млн экземпляров), издаются российские журналы по психоанализу («Психоаналитический вестник», «Архетип», «Журнал практической психологии и психоанализа», «Философский психоаналитический журнал», «Международный психоаналитический ежегодник», «Юнгянский анализ» и др.), регулярно проводятся конференции психоаналитического направления (примеч. ред.).

---

³ По свидетельству сотрудников Государственного исторического музея-заповедника.

для ответа на вопрос не появляются «сами по себе». Не существует «прошлого» или «исторической правды», из которой следует исходить. Только через обоснованную постановку вопросов в теоретическом контексте возможна научно-историческая работа. Как же иначе достичь целостности из бесконечного изобилия данных (публикаций, документов, воспоминаний, мемуаров, законов и т.д.)?

Возможно, во время чтения этой статьи у вас появится желание исследовать и представить в некоторой публикации жизнь и деятельность одного из еще неизвестных вам психологов. Это может быть, к примеру, Эгон Брунsvик (Egon Brunswik), Роза Катц (Rosa Katz), Вильям Штерн (William Stern) или Карл Штумпф (Carl Stumpf). Как вы поступите? Можно порекомендовать составить ряд вопросов, которые вам кажутся важными, и потом обосновать для каждого вопроса кратко, почему, с вашей точки зрения, они имеют смысл. После этого составьте перечень возможных исторических источников, благодаря которым вы могли бы добраться до ответа на эти вопросы.

Это задание уже отчетливо показывает, что можно столкнуться с большим количеством вопросов: об этнической принадлежности, социальном происхождении, семье, братьях и сестрах, о способностях, структуре личности, школьном образовании, интересах, университетских преподавателях, профессиональном становлении, стиле жизни и работы, научных достижениях, признании в профессиональном мире, влиянии на частные дисциплины, профессию, профессиональную практику и т.д.

Долгое время историки были убеждены, что факты говорят сами за себя: главное — собрать, отсортировать и взвесить все доступные факты, чтобы достичь «исторической правды», показать, «как это было». Эту точку зрения представлял, например, Леопольд фон Ранке (Leopold

von Ranke, 1795–1886), выдающийся представитель так называемой Исторической школы XIX в. Такой историзм, ориентированный на реальность, претендовал на роль точной науки. Позитивистское формирование исторической науки по сравнению с моралистическим описанием истории определенно было прогрессом. При более пристальном рассмотрении, однако, мы должны констатировать, что не существует исторической правды, история всегда является реконструкцией (воссозданием) прошлого, которая на самом деле является конструкцией (созданием). Уже в XIX в. Иоганн Густав Дройзен (Johann Gustav Droysen, 1808–1884) и другие историки обратили внимание на то, что мы можем получить доступ к историческим событиям только через проникновение в чувства и понимание людей. Известное высказывание, что каждое время переписывает свою историю, нужно понимать так, что каждая эпоха задает свои вопросы истории и исторические факты каждый раз понимаются по-иному.

Сегодня исторические науки находятся в состоянии преобразования. Преобладающим является более внимательное отношение к теориям и методам социальных наук.

История психологии служит различным целям. Ранее она часто служила для обоснования психологии как полноценной научной дисциплины. Методы историографии, конечно, нельзя рассматривать независимо от этих функций. Кто понимает историю исключительно как созерцательное размышление о прошлом, будет рассматривать ее, прежде всего, как описание «значимых» событий или «великих» личностей.

На школьных уроках для нас было привычным связывать историю с Александром Македонским, Цезарем, Карлом Великим (великим даже в имени!), Бисмарком или Наполеоном. Этому соответствует широко распространенное мне-

ние, что историю делают великие мужи. Даже не принимая во внимание то, что при таком подходе женщины снова забыты, нужно задаться вопросом, стоит ли приписывать историческое развитие отдельным «великим» личностям.

Конечно, экспериментально нельзя проверить, сделал бы другой человек в той же исторической ситуации это же или что-то другое. Но многие аргументы в истории психологии говорят против так называемого *great men*-подхода. Теория, исследовательская гипотеза, терминология и возможная сфера приложения не падают с неба: у И. П. Павлова были сотрудники, З. Фрейд ссылаясь — правда, часто без цитирования — на учеников и учениц.

Однако гораздо большая часть историко-психологических описаний несет отпечаток личности. Имеются в виду не только отдельные автобиографии, собрания автобиографий (например: Pongratz, Traxel und Wehner, 1972; 1979; Wehner, 1992; Lück, 2004), биографии и собрания биографий (например: Bonin, 1983; Volkmann-Raue, Lück, 2011), но и обширные трактаты по истории психологии или ее частных разделов на основе жизнедеятельности отдельных людей. Самая детализированная история психологии такого рода — это «История экспериментальной психологии» Эдварда Боринга (Edward G. Boring) (1929). Представления Боринга об истории экспериментальной психологии очень сильно критиковались, в том числе из-за пристрастности автора. Тем не менее эта работа остается примером глубоко досконального исследования по истории психологии.

Во втором издании «Истории экспериментальной психологии» (1950) Э. Боринг попытался больше опереться на культурно-исторические течения и представить исследователя-психолога немного менее как «великого человека» и чуть более как часть своей культуры. Немецкое понятие «дух времени» стало для Бо-

ринга любимым выражением, объясняющим возникновение и исчезновение психологических школ и течений. Попытка постичь историю психологии больше как историю культуры, безусловно, была прогрессом, однако, естественно, также не устояла перед соблазном концепции духа времени. Велика опасность, что автор позволяет веять духу времени тогда, когда он не может или не хочет назвать более точные причины для изменившихся потребностей, установок и пр.

Звучит несколько саркастически, хотя это не подразумевалось. Но проблема представления научной дисциплины в аспекте истории идей состоит в том, чтобы распознать и предчувствовать гуманитарные течения времени и выявить развитие науки в русле этих течений или в противовес им.

Итак, в истории идей речь идет о том, чтобы представить развитие концепций, теорий и парадигм в науке. В основном это происходит путем описания важнейших теорий, их развития и преодоления их ограничений. История идей создается почти всегда хронологически и естественно опирается на «учителя» и его «учеников», т.е. на биографии. Немецкоязычную историю идей в психологии от греческой философии до современности издал W. Nehlmann (1967).

История развития идей как часть культурной и духовной истории составлена хронологически. Она показывает, как, к примеру, разворачивалась теория из размышлений и заключений предшественников (так называемая программа развертывания). При изучении истории проблемы исследователи отступают от хронологической последовательности и действуют в интересах более сильной систематизации отдельных проблем. Это приводит к тому, что при любом вопросе — и другом аспекте — нужно возвращаться к началам. Л. Дж. Понгратц написал обширную историю проблем психо-

логии (Pongratz, 1967), в которой он среди других вопросов разбирает с точки зрения истории психологии проблемы бессознательного, переживания, поведения. На самом деле, в психологии существуют основополагающие вопросы, которые рассматриваются снова и снова с различных точек зрения и все новыми методами исследования: например, психофизиологическая проблема. Понятно, что история проблем психологии не может быть простым хронологическим описанием развития науки. Она ориентирована на фундаментальные вопросы и анализирует их с точки зрения различных эпох. Это предполагает хорошее знание эпох. В целом, данный многообещающий вид истории психологии встречается не очень часто.

Единого понимания социальной истории не существует. В течение долгого времени это понятие служило только для описания истории нижних социальных слоев и особенно социальных движений. Во втором, общем смысле под социальной историей понимается общая история культуры, т.е. практически «история без политики». В третьем, очень расширенном значении социальная история упоминается в контексте развития общества и производства, это история социально-экономических формаций.

Ни одно из трех определений не передает точного смысла, в котором сегодня о социальной истории говорят психологи. Новая социальная история психологии понимается как общественная история научной дисциплины, которая в постановке вопросов и методах отличается от истории идей тем, что она более сильно, чем традиционная история идей, выявляет социальные, особенно общественные, политические и институциональные связи и условия психологического исследования. Новое написание истории психологии не отклоняет рассмотрение предмета психологии в аспекте истории идеи или проблемы как принципиально непра-

вильное (Jansz, Druen, 2004). Оно лишь сильнее подчеркивает, что история психологии не должна сводиться к изолированно думающим и действующим людям, к теориям и результатам исследования. Она должна не только предъявлять доказательства правомочности психологии как научной дисциплины, но и быть ее «совестью» (указывать на разрывы в истории, отсутствие преемственности, постоянно напоминать об упущенных возможностях) и корректирующим фактором (вносящим поправки и дополнения). При этом история психологии теряет «пользу» «свидетельствующей» дисциплины, но приобретает для науки большее значение, если смотреть в целом, так как она задает вопросы, сомневается, обращает внимание, побуждает и т.д. В. Траксель (Traxel, 1985) описал этот вид истории психологии как «активную» историю (в противоположность «созерцательной»).

Важной областью социальной истории психологии является анализ отдельных школ и институтов психологии. Что благоприятствовало их возникновению? Кому были интересны результаты исследований? Как исследования финансировались? Как они получали распространение? Понятие «контекстуальной» точки зрения в истории психологии стало важным благодаря Курту Данцигеру (Danziger, 1990). Данцигер ясно показал, что исследование в психологии в значительной степени является социальным процессом, в котором для развития научной области важно взаимодействие между учеными, а также между исследователем и испытуемыми.

Современную социальную историю психологии представили в своей книге Йероен Янц и Петер ван Друнен (Janz, Druenen, 2004). Представление о социальной истории психологии на немецком языке можно найти также у М. Аша и У. Гойтера (Ash, Geuter, 1985), Х. Люка (Lück, 2004) и др.

В исследовании по истории психологии не используются какие-то другие методы по сравнению с историческими науками в целом. Однако при этом подчеркивается, что психология является молодой наукой и поэтому должна быть отнесена только к Новейшей истории. Но уже генеалогические исследования могут принести интересные открытия. Имеется в виду не только выяснение родственных отношений, но и, например, вопрос, кто был чьим учеником. У. Хилликс (Hillix, 1980) установил для доцентов психологии большого американского университета генеалогию научных руководителей и сделал вывод, что примерно половина всех работающих в США психологов «происходят» от Вильгельма Вундта. Это подчеркивает влияние Вундта, даже если отдельный американский психолог не представляет вундтовское понимание психологии.

В рамках статьи невозможно продемонстрировать весь «инструмент историка». Однако четыре важнейшие для истории психологии области деятельности будут описаны в общих чертах.

В широком смысле источниками являются все тексты, предметы или факты, из которых могут быть получены знания о прошлом. В более узком смысле под источниками подразумеваются литературные источники, а также устная и письменная информация: мифы, сказания, песни, летописи, хроники, биографии, мемуары, дневниковые записи, письма, фотоальбомы, газеты, протокольные записи, постановления органов власти, положения об учебном процессе и порядке проведения экзаменов, кафедральные отчеты, протоколы заседаний, заявления, отзывы, рецензии, конспекты лекций и т.д. (Вы помните о тренировочном задании? Какие источники кажутся вам особенно подходящими для выбранной вами личности ученого?)

Как правило, историческая познавательная ценность тем выше, чем бли-

же источник к событию. Так, различают первичные и вторичные источники. С одной стороны, существуют воспоминания, которые писал пожилой Вильгельм Вундт о времени своей учебы и своих первых физиологических исследованиях (Wundt, 1920), с другой — как первичный источник должны быть оценены письма Вундта к своей семье, относящиеся к самому этому периоду. На самом деле оказывается, что эти письма представляют некоторые обстоятельства его первых исследовательских работ по-другому — и, конечно, более реалистично.

Воспоминания о жизни являются не только воспоминаниями того, что было; они всегда являются отфильтрованными, завершенными, отцензурированными представлениями о лично значимых, а также считающихся достойными упоминания переживаниях. Так, например, решение обратиться к определенной сфере исследования ретроспективно будет представлено очень обоснованным, хотя в действительности, возможно, к работе в этой, а не иной, области привела лишь пара случайностей.

Биографии по сравнению с автобиографиями тоже можно оценивать в большинстве случаев как вторичные источники. Часто они еще более «приглаженные», и поскольку каждый биограф в определенной степени идентифицирует себя с представляемой личностью, биография содержит также черты биографа.

Отдавая предпочтение первичным источникам, однако, нужно сказать, что вторичные источники — например, биографии — часто обладают преимуществом перспективы и дистанции во времени и пространстве по отношению к теме.

С течением времени не все документы остаются сохранными для исторического исследования. Многие были выкинуто, последствия оставили мировые войны. Исторически значимый материал, например психологическая аппаратура,

после Второй мировой войны опрометчи-во был выставлен в большом количестве на обочинах дороги как крупногабаритный мусор. В последние десятилетия все чаще стал использоваться телефон там, где раньше средством коммуникации служили письма. Так как телефонные разговоры записываются только изредка, можно говорить о «телефонной дыре», в которой исчезают важнейшие источники. Правда, электронные письма являются письменными документами, однако они также часто стираются и исчезают.

Здесь важно указать, что сохранившийся материал хорошо, как ничто другое, представляет неслучайную выборку совокупности, т.е. материал претерпевает селекцию. Это означает, что нужно думать как раз о несохраненном материале. Почему, например, в собрании писем отсутствуют письма определенного временного промежутка, или почему невозможно найти дела правления Немецкого психологического общества периода национал-социализма?

Использование источников для постановки вопросов в гуманитарных науках может быть очень разным. В традиции гуманитарных наук центральным методом стала герменевтика как искусство или учение об интерпретации устного и письменного текста. Нужно опознать и интерпретировать понятия, обороты речи, элементы языка и стиля. При этом важно знать и учитывать, что именно было обычным, принятым в соответствующий период времени. Опасность исходить из общепринятых сегодня социальных норм, а все, что от них отклоняется, оценивать как странное или необычное легко преодолима.

Герменевтическая интерпретация текста может привести к положительному результату только тогда, когда есть надежные предварительные знания о стиле, личности, времени, обычаях и т.д. Однако как же получать эти предварительные

знания, если не из самих этих текстов? Таким образом, нужно что-то уже первоначально знать из того, чем хотел бы только овладеть. Исторические свидетельства освещаются двусторонне. И так как не существует строгих предписаний, с чего нужно начинать, работа напоминает круговое (или по другому мнению, спиралевидное) движение. Поэтому говорят о так называемом герменевтическом круге.

Однако наряду с герменевтической интерпретацией существуют и другие методы использования источников. В последние десятилетия в исторических науках все чаще используются математико-статистические методы (см.: Floud, 1980). Эти методы охватывают диапазон от простой дескриптивной статистики (например, книги регистрации рождений и смертей), через расчеты корреляций, определение регрессии до по-настоящему сложных мультивариантных методов. Принципиально речь идет об арсенале методов эмпирических социальных наук, применимых к проблемам истории науки.

Вместе с тем некоторые методы используются чаще. К ним относится библиометрический анализ, например, количественная оценка цитирования в журналах (см.: Heidbrink, 1991), анализ временных рядов тех или иных дат и так называемый анализ содержания (контент-анализ), который представляет количественную оценку текстов (реже изображений и пр.). Почти все методы могут быть поняты как вклад социальной науки в — традиционно гуманитарные — исторические науки. Поэтому исследования такого рода обозначаются как «историческая социальная наука» или «историческая социология».

Как уже упоминалось, психологи иногда небрежно обходятся с документами своей истории. Это осложняет историческую работу. К счастью, существуют архивы, в которых собран материал по истории психологии. Использование

этих архивов везде и всегда бесплатно, разумеется, не всегда без ограничений по причинам защиты прав личности и авторского права.

Прежде всего нужно назвать Институт истории психологии Университета Пассау, основанный Вернером Тракселем (Werner Traxel, 1924–2009). Этот институт в 2009 г. был переведен в Юрцбургский университет и там стал подразделением «Центра Адольфа Вюрта» по истории психологии. В задачи института входит создание собраний литературы по истории психологии, психологического инструмента и оборудования, аппаратурных и других тестов, а также сбор архивных документов, т.е. литературного наследия, документов, мемуарных записей, писем, фотографий и т.д. К интереснейшим документам этих архивов относятся некоторое научное наследие и большое количество (отчасти реставрированного) психологического оборудования (<http://www.awz.uni-wuerzburg.de/>). С 1998 г. в Заочном университете г. Хаген существует исследовательский архив по истории психологии (PGFA) с большим количеством наследия, пожертвований и дарений университету, тестов, звуковых документов и т.д. (<http://vs.fernuni-hagen.de/PGFA/>).

Крупнейший психологический архив вне ФРГ находится в Университете Акрона, штат Огайо, США. Этот огромный архив по истории американской психологии содержит специальные библиотеки, службу информации, обширный киноматериал и др.

Иногда наследие отдельных психологов остается во владении семьи, но также часто находится в тех университетах, в которых эти исследователи работали. Так, например, наследие Вундта и Фехнера находится в Лейпциге. (Правда, большая часть непосредственного наследия Фехнера была уничтожена во время Второй мировой войны.)

Об архивах, базах данных, полнотекстовых онлайн-документах и пр. можно узнать на сайте ZPID⁵ (<http://www.zpid.de/redact/category.php?cat=24>).

Наконец, нужно упомянуть музеи, важные для истории психологии. Так, Немецкий музей в Мюнхене располагает психологическим оборудованием и литературным архивом. В Доме-музее Зигмунда Фрейда в Вене, по адресу Берггассе, 19, можно увидеть не только квартиру, в которой Фрейд жил в течение почти 50 лет, но также большое собрание психоаналитической литературы. В Лондоне (London-Hampstead, Maresfield Gardens 20) Фрейд провел в изгнании последние месяцы своей жизни. С 1987 г. этот дом также доступен как музей.

Историки сравнивают свою работу с чтением следов охотником или работой детектива. Действительно, сходство очевидно: из оставленного без специального умысла будут сделаны выводы о том, кто здесь был и что делал. Однако охотник таким образом хочет найти дичь и убить ее, детектив — раскрыть криминальный случай, и только историк работает со следами как таковыми. Обнаружив следы, он не может устанавливать капканы или ловить вора при совершении нового деяния. Пожалуй, он может попробовать разработать гипотезу или установить соотношение отдельных вещественных доказательств с гипотезой. Животные оставляют свои следы непреднамеренно, однако люди могут оставлять или стирать следы сознательно. Исчезнувшие документы времен национал-социализма, например, наводят на подозрения о сознательных стертих следах.

Китайская поговорка гласит: бледные чернила лучше ярких воспоминаний.

---

⁵ Leibniz Institute for Psychology Information (Leibniz-Zentrum für Psychologische Information und Dokumentation, ZPID) (примеч. переводчика. — *М.В.*).

В соответствии с этой пословицей ценностью, которая проявится позже, могли бы обладать кажущиеся малоценными (а, может, еще не известные) следы. Любимые психологами и социологами методы исследования — наблюдение, опрос и эксперимент — не очень-то применимы для анализа следов. И все же такие исследования существуют. Для таких действий в психологии и социологии было введено понятие нереактивных способов измерения⁶, так как здесь испытуемые не влияют или только в незначительной степени могли бы влиять на измеряемое положение вещей; процесс измерения не изменяет или только в небольшой степени изменяет измеряемое (например, установку). За исключением скрытого наблюдения и полевого эксперимента, все нереактивные методы обнаруживают прямое отношение к историческим методам исследования. Итак, здесь непосредственно встречаются методы истории науки и социальных наук.

До этого мы говорили исключительно об источниках, которые можно было бы искать, найти и на основе которых можно было бы делать выводы. Однако с некоторого времени историки науки широко используют возможности самим «создавать» источники фактов. Наиболее очевидный метод — это целенаправленный опрос о прошлом, о пережитых событиях. Среди ученых-историков так на-

зываемая устная история стала настоящим массовым движением.

Исторические методы все больше пересекаются с методами социальных наук и, таким образом, исследование по истории психологии может извлечь большую пользу из опыта проведения беседы и интервью в клинической психологии. Исследование рассказов очевидцев в истории психологии оценивается как относительно дорогостоящее. Нужно сделать звукозапись и тщательно ее расшифровать; и только небольшая часть сказанного может иметь значение. Но преимущества метода состоят в его живости, образности и прежде всего в возможности использовать данные целенаправленно.

Например, У. Гойтер эффективно применял метод устных историй в своих многочисленных опросах психологов как свидетелей времен нацизма (Geuter, 1984). Его опыт убедителен (S. 75): «Интервью дали определенный вид информации субъективного характера, который нельзя получить из так называемых объективных источников. Они создали впечатление о том, как интервьюируемые пережили время и осуществляли в нем свою профессиональную деятельность, они рассказали слушателю своего рода эпос о профессии, в том числе некоторые эпизоды старых споров, доселе запертых на ключ. Их ценность состоит в уровне фактов, так как в беседах часто звучала информация, которую совсем нельзя найти в архивах, и знание этих фактов позволяет взглянуть на документы совсем по-другому. Прежде всего они фокусируют внимание... на деталях. У меня создалось впечатление, что тем, кто наблюдает время с большой исторической дистанции, скорее не хватает взгляда на многочисленные мелкие противоречия. А в поле зрения тех, кто был непосредственным участником событий, скорее попадают межпредметные взаимосвязи, и для них история распадается на мелкие случайные жизнен-

⁶ Надо отметить, что данная группа методов является весьма интересной, однако не получила пока распространения в психологических исследованиях в Германии. Фактически речь идет об использовании материальных свидетельств, за которыми стоят определенные психологические и социально-психологические явления. Например, износ определенных участков пола в музее может свидетельствовать об интересах посетителей музея; потертость книг в библиотеке или определенных страниц в книге — об интересах читателей; коллекция пустых пивных банок или пачек сигарет разного времени — об изменении привлекательности товара для потребительского поведения (Х.Л.).

ные шаги. Для каждого факта существует конкретная причина, но она не должна трактоваться как его полное основание».

Данные, с которыми работают ученые-историки, часто организованы хронологически: число самоубийств в день, количество членов научного общества. Данные такого вида могут быть переведены во временной ряд и графически представлены (например, в форме диаграммы). Уже в этом простом графическом представлении обнаруживаются процессы, которые можно описать как тенденции. Однако обычно не ограничиваются только наглядным описанием того, что видно, а проводится численная оценка тенденции. Метод, часто используемый для численной оценки тенденции, — это метод наименьших квадратов. При этом методе через множество точек проводят такую прямую, у которой сумма квадратов расстояний каждой отдельной точки от прямой меньше, чем при любых других прямых. Естественно, другими методами можно определить криволинейные тенденции, максимум, минимум и точку перегиба.

Тщательный анализ таких тенденций позволяет делать некоторый прогноз. В историко-психологическом исследовании часто подсчитывают число публикаций по отдельным психологическим темам или частным областям (агрессия, мотивация достижения и так далее), чтобы обнаружить тенденции для дальнейших исследований. В любом случае данные анализируются и объясняются не сами по себе. Нужно серьезно следовать поставленной проблеме; так, например, исследование ритмических колебаний на графике нужно объяснять не колебаниями настроения, а на основе гипотезы.

Резюме

В психологии довольно часто пренебрегают историей психологии, хотя она

может дать важные указания и ориентации и возможно даже уберечь от старых ошибок. Существуют различные модели написания истории, из которых «контекстуальная» история психологии показала в последние двадцать лет особую надежность. История психологии использует многообразные источники. Занятие историей психологии не только приносит пользу, но и позволяет видеть, как много еще существует неисследованных областей, в которых должны быть сделаны удивительные открытия.

Литература

- Ash M. G. & Geuter U. (Hrsg.) (1985). *Geschichte der Psychologie im 20. Jahrhundert*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Benetka G. und Rudolph C. (2008). *Selbstverständlich ist vieles damals geschehen... // Werkblatt*. № 60. S. 5–45.
- Bonin W. F. von (1983). *Die großen Psychologen*. Hermes Handlexikon. Von der Seelenkunde zur Verhaltenswissenschaft. Forscher, Therapeuten und Ärzte. Düsseldorf: ECON Taschenbuchverlag.
- Boring E. G. (1929). *A History of Experimental Psychology*. New York: Appleton Century Crofts.
- Boring E. G. (1950). *A History of Experimental Psychology*, 2nd Ed. New York: Appleton Century Crofts.
- Danziger K. (1990). *Constructing the subject: Historical origins of psychological research*. New York: Cambridge University Press.
- Eckardt G. (2010). *Kernprobleme in der Geschichte der Psychologie*. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften.
- Floud R. (1980). *Einführung in quantitative Methoden für Historiker*. Stuttgart: Klett-Cotta.
- Geuter U. (1984). *Die Professionalisierung der deutschen Psychologie im Nationalsozialismus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Jansz J. & Druen P. van. (2004). *A social history of psychology*. Oxford: Blackwell.
- Hehlmann W. (1967). *Geschichte der Psychologie*. Stuttgart: Kröner.
- Heidbrink H. (1991). *Personal-Computer in der psychologiegeschichtlichen Forschung — am Beispiel bibliometrischer Analysen // H. E. Lück & R. Miller (Hrsg.) Theorien und Methoden psy-*

chologiegeschichte der Forschung. Göttingen: Hogrefe. S. 110–124.

Hillix W. A. (1980). Do half of Americas psychologists descend from Wundt? // Wilhelm Wundt — progressives Erbe, Wissenschaftsentwicklung und Gegenwart: Protokoll des internationalen Symposiums Leipzig, 1. und 2. November 1979, 1980. Leipzig: Karl-Marx-Universität. S. 191–200.

Lück H. E. (Hrsg.). (2004). Psychologie in Selbstdarstellungen, Band 4. Lengerich: Pabst Science Publishers.

Lück H. E., Grothe S. & Schmidt C. O. (2004). Kalendarium der Psychologiegeschichte 1904–2004. URL: <http://vs.fernuni-hagen.de/dgps/>

Nitzschke B. (1989). Marxismus und Psychoanalyse. Historische und aktuelle Aspekte der Freud-Marx-Debatte // Luzifer-Amor. № 2, Heft 3. S. 108–138.

Pongratz L. J. (1967). Problemgeschichte der Psychologie. Bern und München: Francke.

Pongratz L. J., Traxel W. & Wehner E. G. (Hrsg.) (1972). Psychologie in Selbstdarstellungen. Bern, Stuttgart, Wien: Huber.

Pongratz L. J., Traxel W. & Wehner E. G. (Hrsg.) (1979). Psychologie in Selbstdarstellungen. Band 2. Bern, Stuttgart, Wien: Huber.

Schmidt W. (1924). Psychoanalytische Erziehung in Sowjetrußland. Bericht über das Kinderheim-Laboratorium in Moskau. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag.

Schönplflug W. (2004). Geschichte und Systematik der Psychologie. Ein Lehrbuch für das Grundstudium. 2. Aufl. Weinheim: Beltz.

Tögel C. (1988). Lenin und Freud: Zur Frühgeschichte der Psychoanalyse in der Sowjetunion. // Luzifer-Amor. № 1, Heft 2. S. 34–40.

Traxel W. (1985). Geschichte für die Gegenwart. Vorträge und Aufsätze zur Psychologiegeschichte. Passau: Passavia Universitätsverlag.

Volkman-Raue S., Lück H. E. (2011). Bedeutende Psychologinnen des 20. Jahrhunderts. 2., überarbeitete Auflage. VS Verlag.

Wehner E. G. (Hrsg.) (1992). Psychologie in Selbstdarstellungen. Band 3. Bern: Huber.

Wundt W. (1920). Erlebtes und Erkanntes. Stuttgart: Alfred Kröner.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ К НАУЧНЫМ ТЕОРИЯМ ГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЫ

И. Вильш

*Варшавский университет
им. Марии Склодовской-Кюри,
Институт социальных наук,
Варшава, Польша,
e-mail: jolanta.wilsz@gmail.com*

В статье представлены критические взгляды на существующие в гуманитарных науках теории, которые отражают лишь узкие сегменты реальности и зачастую не соответствуют критериям научной теории, являясь по существу эмпирическими обобщениями либо выражением собственных убеждений их создателей. Автор отстаивает точку зрения, согласно которой условием прогресса психологической науки является ее интеграция, которая может быть осуществлена только путем создания обобщающей психологической теории. Выделяется семнадцать условий, которым такая теория должна соответствовать: терминологическая конвенциональность; неизменность определений; точность; соблюдение законов науки; открытость; обобщенность; интегрированность; доказательность; объективность; стремление к истине; согласованность и логичность; следование принципу причинности; прогностичность; полнота; синтетичность, согласованность и краткость; ясность, прозрачность и недвусмысленность; единство критериев.

Ключевые слова: научная теория, интеграция психологического знания, гуманитарные науки, принципы построения обобщающей теории.

DOI: 10.7868/S1819265318040106

Для цитаты: Вильш И. (2018). Методологические требования к научным теориям гуманитарной сферы // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 101–110.

В различных дисциплинах, относящихся к гуманитарным наукам, существует множество теорий, часть из которых называется концепциями; к ним относятся, например, психологические теории личности, теории профориентации, андрагогические концепции и т.д. Упомянутые теории тесно связаны со своей монодисциплиной и отражают интересующий их сегмент реальности, как правило, небольшой. Такие теории выстроены главным образом на основе эмпирических исследований и собственных убеждений автора относительно исследуемой проблемы.

Даже теории, существующие в рамках одной дисциплины, очень различаются по своему смыслу и направленности, а часть из них даже являются взаимоисключающими. В свое время Людвиг фон Берталанфи (1984) высказал мнение о том, что современная ему психология напоминает «смесь противоречивых теорий». Следует сказать, что после соответствующего анализа аналогичные выводы можно сделать и относительно теорий в других гуманитарных дисциплинах, изучающих человека. В рамках отдельных теорий существует огромное количество диаметрально противоположных взгля-

дов, мнений и убеждений; в разных теориях одни и те же явления описываются и определяются с помощью различных факторов, кроме того, каждая из теорий учитывает лишь ограниченное число факторов из всех возможных.

В то же самое время Л. фон Берталанфи постулирует целостный подход к объектам исследования, он считает, что и «техника, и общество сегодня стали настолько сложными, что традиционных методов и средств уже недостаточно, поэтому необходим холистический (целостный), он же системный, подход, который дает возможность междисциплинарных обобщений» (Bertalanffy, 1984, s. 24).

Тадеуш Левовицкий обращает внимание на недостатки теоретической психологии, поскольку считает, что результаты исследования личности в разных ее ориентациях страдают односторонностью и не дают даже относительно полной картины влияния личностных качеств на деятельность человека. Этот автор считает, что «мы имеем дело с частными законами, а разноречивой в методах и теоретических предположениях затрудняет, либо делает вовсе невозможным определение структуры личностных качеств и значения индивидуальных особенностей в детерминации действий человека» (Lewowicki, 1975, s. 14–15). Т. Левовицкий также считает необходимым осуществление целостного подхода к какой-либо сфере реальности, особенно там, где «в лабиринте деталей и богатстве различных фактов, явлений и процессов человек стремится более глубоко воспринимать и лучше понимать окружающий мир или структурировать различные вопросы в определенном порядке, а также влиять на ход событий, предлагая интерпретацию научных задач в общем виде либо предлагая аргументированные модификации» (Lewowicki, 2006, s. 31), даже если они могут выглядеть упрощенными.

Анализируя структуру различных психологических теорий, Эльжбета Паш-

кевич указывает на их синдромный характер, поскольку они «образуют некие целостности, выстроенные вокруг определенных стержневых измерений, понятий и категорий, которые разнятся в каждой теории» (Paszkievicz, 1983, s. 7).

Специалисты по психологическим теориям личности Келвин С. Холл и Гарднер Линдсей считают, что многие теории «сформулированы настолько неточно, что было бы чрезвычайно трудно напрямую сопоставлять элементы одной теории с элементами другой» (Hall, Lindsey, 2001, s. 642). Они также пишут, что большинству теорий недостает четко сформулированных предположений, играющих роль аксиом, а их выявление обычно оказывается довольно сложным. Теории личности часто представлены в виде многих ярких словесных образов-метафор, весьма убедительных даже для скептически настроенного читателя, но они также маскируют и скрывают конкретные положения, лежащие в основе данных теорий. Иными словами: большинство теорий не сформулированы конкретным и систематическим образом, а многие из них, по-видимому, больше опираются на силу убеждения, нежели на четкое изложение. Это зачастую приводит к путанице между гипотезой и выявленными эмпирически, но теоретически не обоснованными фактами. Неизбежным следствием отсутствия четкого формулирования гипотез, лежащих в основе теории, являются серьезные ошибки и двусмысленности в процессе вывода эмпирических положений из такой теории. «В этом случае из одной и той же теории мы можем получить выводы, противоречащие друг другу. То есть этот процесс является случайным, неясным и ненадежным для большинства теорий личности. Это происходит не только из-за отсутствия четкой формулировки основных положений теории, но и из того факта, что большинство авторов теорий личности чаще склонны использовать

объяснения постфактум, нежели формулировать новые гипотезы, описывающие поведение человека» (Ibid., s. 25–26).

Взгляды К. С. Холла и Г. Линдсея относительно психологических теорий личности подвергают сомнению их научную ценность, демонстрируя характерные особенности современного теоретического состояния психологии. Тем не менее Холл и Линдсей не видят необходимости создавать одну общую психологическую теорию в будущем, так как считают, что «гораздо плодотворнее тщательно развить одну из существующих теорий, детально ее описать с учетом соответствующих эмпирических данных» (Ibid., s. 644), чем пытаться вновь создавать образцовую теорию. Они подчеркивают, что упомянутый ими выше путь дает больше надежды на прогресс, чем существование конгломерата нынешних теорий (Ibid.).

Аналогичного мнения придерживается и Йозеф Козелецкий, который подчеркивает, что ошибаются те, кто считает, что, скажем, «в следующем столетии, по мере созревания психологии, возникнет всеобщая теория личности и поведения, которая будет принята всем научным сообществом» (Kozielecki, 1995, s. 15). Он также пишет, что «в психологии мы обречены на сосуществование множества теоретических систем» (Ibid., s. 286), но я не думаю, что такая ситуация продлится долго.

Томас С. Кун, исследователь истории науки, существующих в ней парадигм и научных теорий, считает, что «мнение о включении старых теорий в новые противоречит реальному развитию науки» (Kuhn, 2001, s. 176), и я также сомневаюсь в правильности этой точки зрения относительно всех видов теорий.

Ранее я уже высказывала свое мнение о том, что прогресс в психологии вряд ли будет осуществлен на основе прежних парадигм и что «дальнейшие, не связанные друг с другом исследования, и новые, нестрого формулируемые взгляды, концеп-

ции, а также психологические теории, друг с другом не связанные, могут способствовать только дальнейшей фрагментации психологии» (Wilsz, 1996, s. 44), и я не изменила своей точки зрения. Похоже, что описанное выше положение вещей связано не с отсутствием новых парадигм, а с чрезмерной привязанностью к парадигмам традиционным, препятствующим научному прогрессу.

Заслуживает внимание мнение Т. С. Куна о научных парадигмах. Рассматривая проблему научных теорий, он пишет, что «существует три типа явлений, на грани которых может быть создана новая теория. Прежде всего, это явления, хорошо объясненные существующими ранее парадигмами; однако они редко являются мотивом или отправной точкой для построения новой теории. Во-вторых, это могут быть явления, природа которых определяется существующей парадигмой, но их детали могут быть поняты только в результате дальнейшего уточнения теории. И только тогда, когда подобного рода объяснения приводят к неудаче, ученые сталкиваются с третьим типом явлений — с известными аномалиями, отличающимися тем, что они никак не укладываются в объяснительный контекст существующих парадигм. Подобные явления сами по себе порождают новые теории» (Kuhn, 2001, s. 175).

«Что касается необходимости и возможности создания единой, последовательной, всеобъемлющей теории»¹, которая бы сочетала все психологические знания сегодняшнего дня и очерчивала бы взаимные связи между элементами современных психологических концепций, подтверждая их, то в 1996 году в моей книге «Человек в психологическом понимании» (Wilsz, 1996, s. 11–113),

¹ О такой теории я писала, что она может играть роль «психологической теории относительности» (см.: Wilsz, 1996, s. 45).

проанализировав репрезентативные психологические концепции и теории, я обнаружила, что, хотя психологи «проводят большое количество различных видов исследований, благодаря которым накапливаются огромные знания об основных поведенческих проявлениях, широкий синтез этих исследований отсутствует, также отсутствует и психологическая система, которая могла быть создана на их основании; мы не видим также общих психологических теорий, основывающихся на таких исследованиях или принимающих во внимание их результаты» (Ibid., s. 44). Поскольку речь идет об эмпирических исследованиях, я хотела бы подчеркнуть, что только на их основе невозможно создать такую систему.

Мечислав Малевский высказывает сомнение в том, что «теория может самопроизвольно возникнуть из собранных эмпирических данных», и утверждает, что «предпочтение эмпирического познания как единственной действительной исследовательской стратегии может превратить исследование в ритуал, лишенный инновационности и критичности и т.д.» (Malewski, 1998).

Джонатан Х. Тернер, исследователь структур научных теорий, утверждает, например, что «теоретическая социология часто является не научной теорией, а скорее системой абстрактных утверждений, которые являются идеологическими заявлениями, не подлежащими проверке и составляющими широкую основу для интерпретации эмпирических фактов» (Turner, 2004, s. 4). По его мнению, «...часть теоретической деятельности не служит для создания научной теории, а проходит под ярлыком “теории”, включающей в себя множество различных видов интеллектуальной деятельности». Он также отмечает, что некоторые теоретики утверждают, что рассмотрение социологии в качестве науки не только претенциозно, но и очень наивно, а дру-

гие полагают, что «теории неизбежно будут поддерживать статус-кво, формализуя обобщения, сделанные на основе тех фактов, которые позволяют себя наблюдать» (Ibid.). Сам он утверждает, что многие из этих теорий характеризуются крайне подозрительным, почти антагонистическим отношением к мнению, согласно которому «социальные отношения нужно исследовать с научной точки зрения» (Ibid.). Он также комментирует тот факт, что сегодня трудно прийти к согласию относительно того, «чем является или чем должна быть социологическая теория» (Ibid., s. 5). Изучив структуру многих теорий, Тернер формулирует вывод о том, что «в конце XX века теоретическая социология представляет из себя дисциплину, лишенную последовательности и какой-либо конкретной ориентации» (Ibid.).

Причиной описанного выше состояния научных теорий — психологических, социологических, андрагогических и т.д., — по-видимому, является отсутствие способности авторов упомянутых теорий к всеобъемлющему «схватыванию» проблем, связанных с человеком, находящимся во взаимобратных отношениях с окружающей средой. Тем не менее некоторые ученые меняют свои взгляды на этот вопрос, например, Й. Козелецкий, чьи взгляды эволюционировали в последние годы. По его словам, в течение многих лет научной работы он занимался «локальными психологическими проблемами, однако в последнее время стал искать единый организующий принцип и обобщающую идею, в свете которой человек осмысливается не как набор свойств и деталей, а как целостная система» (Kozielecki, 2001, s. 8). Свой радикально измененный научный подход он назвал психотрансгрессионизмом. Упомянутый автор избрал путь генерализатора, «который еще никем не был пройден» (Ibid.). Однако многие публикации, вышедшие по всему миру в последние деся-

титетия, показывают, что цитированная статья Й. Козелецкого может относиться лишь только к части научного сообщества психологов, но никак не ко всем исследователям. Например, Казимеж Обуховский, ранее говоря о личности, указал на необходимость общих системных изменений, поскольку «личность — это организация, в которой невозможно изменить какой-либо из ее компонентов по отдельности» (Obuchowski, 1985, s. 216).

Психологи считают, что их наука завтрашнего дня станет психологией «глобального человека» и, следовательно, переход от основанного на информации и глобально взаимосвязанного постиндустриального мира потребует глубокой трансформации психологических теорий, касающихся человека (Sampson, 1990, s. 73).

Я поддерживаю мнение Яна Лео-на Фронцкевича о том, что «само понятие организма как единого целого обуславливает необходимость целостного познавательного подхода, который является противоположностью аналитически-эссенциональному методу изучения жизненных явлений» (Frąckiewicz, 1980, s. 113).

Целостному рассмотрению проблем препятствует разделение науки на отдельные научные дисциплины. Такие дисциплины, решающие проблемы монодисциплинарным путем, не способны эффективно решать задачи, касающиеся человека и его трудовой активности, проявляющиеся в жизненной реальности. «Эти проблемы разнообразны, сложные, комплексные и междисциплинарные. А исследования, осуществляемые в различных областях науки в русле традиционного научного мировоззрения, уже не справляются с возрастающей сложностью и динамикой изменений, происходящих в окружающей действительности» (Wilsz, 1999, s. 205). Хотя отдельные научные дисциплины и взаимодействуют между собой

в решении междисциплинарных проблем, но этого недостаточно, так как реальное решение междисциплинарных проблем требует общей научной терминологии, а также методов исследования реальности, универсальных для различных монодисциплин. Тенденция к росту междисциплинарных исследований побуждает к использованию междисциплинарных методов, позволяющих делать научные обобщения, а стремление к обобщению стоящих перед наукой проблем становится все более заметным. Обобщение комплексных проблем дает на определенном этапе возможность их комплексной трактовки и облегчает анализ изучаемых явлений. «И в сегодняшней реальности, и в современной науке имеется огромное количество информации, позволяющей очертить суть проблемы для ее тщательного рассмотрения, но для осуществления научного синтеза необходимы определенные обобщения. Поэтому важно выбрать метод, который позволит устранить риск получения ошибочных выводов из сделанных ранее обобщений» (Wilsz, 1989, s. 56–57). Следует подчеркнуть, что ценность результатов исследований, носящих чрезмерно детализированный либо весьма обобщенный характер, — невелика. «Оптимальный уровень детализации и обобщений находится где-то посередине, и поскольку его с меньшими усилиями можно достичь через избыточное обобщение, чем путем чрезмерной детализации, то представляется целесообразным избрать именно первый путь» (Ibid., s. 57).

Выше процитировано мое высказанное ранее мнение о научном подходе к решению проблем, которого я придерживаюсь и сейчас, и поэтому считаю целесообразным рассмотрение проблем человеческого труда именно с изложенной выше точки зрения. Результат восхождения от частного уровня познания к общему — теоретическому, указывающему на важные аспекты интересующих нас

явлений или процессов, — должен заключаться в сокращении времени на исследования в конкретных дисциплинах, потому что таким образом можно отказаться от сбора многообразной, детализированной информации ради того, чтобы сформулировать более общие выводы. Разумеется, деталями и спецификой конкретной научной дисциплины должна заниматься она сама, а развитие междисциплинарной науки — это новая тенденция, дополняющая научную традицию, состоящую в углублении специализации ради решения конкретных задач. Фрагментарное отражение реальности в традиционной науке не выдерживает испытания временем, а ориентация науки на социальные потребности приводит к необходимости рассматривать действительность во всей ее полноте. «Ни объективная реальность, ни описывающая ее наука не являются суммой фрагментов, они есть интегральное целое» (Wilsz, 1999, s. 206), поэтому я считаю, что теории, анализирующие процесс труда, а также человека, участвующего в этом процессе, не могут быть связаны с единственной дисциплиной. Напротив, они должны носить междисциплинарный характер и быть пригодными для решения конкретных проблем всеми дисциплинами, касающимися труда. Именно такая теория должна определять аспекты, которые целесообразно исследовать в отдельных дисциплинах, относящихся к трудовой деятельности человека.

Критический анализ научных теорий гуманитарной сферы — психологических, социологических, андрагогических и т.д. — создаст благоприятную почву для построения новой научной теории, которая будет носить более общий характер по сравнению с исходными теориями, иметь более широкий охват и большую внутреннюю последовательность. На наш взгляд, эта теория будет основываться на достижениях науки управления, поскольку «все явления, связанные с трудовыми процес-

сами, являются процессами управления-исполнения (такowymi же являются и процессы мышления, которые суть информационные процессы). На основании доказанных ею общих закономерностей»² она должна позволять правильно объяснить выявленные факты, явления и процессы и на их основе точно предсказывать будущие события, а также интегрировать фрагментарные знания в общую структуру, чтобы сделать их пригодными для практического использования. Вышеупомянутым требованиям может соответствовать междисциплинарная теория, созданная в русле системной парадигмы, ориентированная на анализ механизма формирования мотивации и побуждаемого им воздействия на определенные явления. Допущения для такой теории не могут быть сформулированы на основании данных, полученных из эмпирического знания, состоящего из фрагментарных наблюдений за реальностью. Эти наблюдения могут касаться внешних особенностей объектов, или отражать происходящие процессы и явления, которые не позволяют изучить их внутренние механизмы, внутреннюю трансформацию объекта, в соответствии с которыми преломляются действующие на него факторы. Основой такой теории должны быть только общие положения, которые являются обязательными законами науки.

Мои взгляды относительно будущей теории перекликаются с утверждением Альберта Эйнштейна по поводу эмпирического знания: «Нельзя построить теорию на основании только наблюдаемых величин. Напротив, именно теория решает, что можно и нужно наблюдать» (цит. по: Szaniawski, 1976, s. 378). Эти слова А. Эйнштейна являются девизом моей книги (Wilsz, 2009, s. 9).

² Общие зависимости должны быть доказаны в этой теории с уровнем точности, требуемым в точных науках.

В связи с таким пониманием теоретических процедур следует отметить, что многие теории фактически не являются теориями, поскольку они основаны только на эмпирических исследованиях. Существуют теории, которые считаются эмпирическими, но в свете приведенных аргументов их следует считать скорее эмпирическими обобщениями, чем теориями, в то время как теория должна служить методологическим руководством для проведения эмпирических исследований.

Теория в сфере гуманитарных наук, соответствующая сформулированным выше требованиям к научным теориям и методологическим принципам, приведенным ниже, могла бы позволить структурно и содержательно соотнести многие существующие концепции, и тогда результаты исследований, проведенных в рамках одной концепции, смогут быть использованы в других концепциях благодаря единым установленным этой новой теорией правилам.

Отправной точкой такой теории должны служить методологические принципы, которых следует придерживаться при ее создании и применении.

Целью упомянутой теории является определение объективных законов и правил, регулирующих поведение человека, его действия и лежащие в их основе процессы. Знание правил и закономерностей, лежащих в основе процесса труда, является предпосылкой для повышения эффективности трудовой деятельности, а также прогнозирования эффективности труда. Точные прогнозы дают возможность адекватно влиять на будущее построение трудовой деятельности. Если применение найденных правил будет приводить к намеченным результатам, то это станет подтверждением тезиса, согласно которому «средством понять что-либо в науке является теория» (Turner, 2004, s. 60).

Значение теории состоит в том, чтобы с ее помощью можно было бы опре-

делить наличие и характер взаимосвязей между событиями, а также то, как происходит трансформация одного события в другое. Таким образом, имея информацию об одном событии, на основании теории мы можем получить знания о других событиях. Представляя себе причины события, теоретик может его предсказать. В эмпирических исследованиях наблюдения за определенным событием и вызванным им следующим событием позволяют лишь ассоциировать их, но не дают возможности точного предсказания появления второго события.

При построении обобщающей теории в первую очередь следует искать пути перехода одного события в другое, а не только опираться на ассоциации, отражающие рядоположность данных событий.

Теория должна содержать как утверждения, так и их доказательства. «Теория, в которой хотя бы одно звено взято из эмпирики (например, “поскольку во всех известных случаях подтверждено, что...”), теорией не является» (Mazur, 1976, s. 43).

Кроме того, теория должна основываться на современных научных достижениях, которые, согласно мнению Т. С. Куна, становятся основной методологической единицей, обеспечивающей легитимацию принципов и методов, используемых в процессе исследования. Таким образом, не методология должна нормировать ход процессов познания, а, напротив, на процессы познания должны влиять признанные научные достижения. Он также считает, что «если новые теории должны объяснять аномалии, которые появляются в результате применения существующей теории к объяснению явлений природы, то новая теория должна сделать возможными предсказания, отличные от прогнозов, полученных из предыдущей теории» (Kuhn, 2001, s. 176).

При создании теорий обобщающего характера в гуманитарных науках следует соблюдать следующие принципы:

- *терминологическая конвенциональность*: обоснование терминов терминологическими конвенциями состоит в том, что объект, явление или процесс должны быть сначала распознаны, а затем названы. Это позволит избежать использования взятых из разговорного языка названий, имеющих широкую и часто неоднозначную смысловую отнесенность. Использование терминологических конвенций устранил «голословные» формулировки и будет способствовать пониманию под одним термином одного и того же явления. Тогда дискуссия исследователей будет сводиться к аргументам по существу вопроса, а не к прояснениям того, кто и что понимает под определенным термином, поскольку «если понятие наполнено смыслами и эмоциями, то оно ничего не значит» (Phillips, 1992, p. 95);
- *неизменность определений*: одни и те же определения должны быть обязательными для исследователя в пределах всей теории и на протяжении всего процесса доказательства;
- *точность*: точные процедуры и определения гарантируют правильность полученных результатов, предотвращают последующую, осуществляемую в силу привычки и стереотипов, интерпретацию явлений и процессов произвольным образом, а также спасают от того, что высказываемые мнения могут носить характер субъективных убеждений и взглядов;
- *соблюдение законов науки*: все законы науки, связанные с проблемами, которых касается теория, должны соблюдаться независимо от области науки, в которой они возникли. Например, в гуманитарных теориях следует учитывать законы физики, правила математики, логики и междоуменства и т.д.;
- *открытость*: новым знаниям, новой методологии, общенаучным принципам;
- *обобщенность*: теория должна охватывать как можно более широкий круг проблем, очерченные ею правила должны иметь общий характер, с тем, чтобы они могли использоваться для решения многих конкретных проблем, поскольку «регистрация частных фактов носит менее ценный характер, чем фиксация информации общего характера, поскольку она может применяться к большому количеству деталей» (Mazur, 1976, s. 288);
- *интегрированность*: теория должна интегрировать знания из разных областей науки; в основном это касается науки о человеке, который является ее центральной точкой;
- *доказательность*: правильность теории, т. е. обоснованность ее утверждений, подтверждается правильностью доказательств;
- *объективность*: теория должна абстрагироваться от данных, собранных в результате наблюдения, потому что они всегда субъективны; различные исследователи, наблюдая одно и то же явление, предоставляют разные данные о нем. Теория должна обеспечивать объективное, лучшее и более прогностически ценное знание о реальном мире, его объектах, явлениях и процессах;
- *стремление к истине*: цель теории — стремиться к истине и искать новые способы ее нахождения;
- *согласованность и логичность*: «исходные предположения, принятые для данной теории, составляющие входящие данные, обязательны во всех формальных операциях»³. Тогда ре-

³ Формальные операции, связанные с теоретическими знаниями, имеют совершенно иной характер, чем операции, относящиеся к знаниям

зультаты этих операций, — если, конечно, эти операции выполнены правильно, — будут только следствием входных данных. Если входные данные были правильно приняты, полученные выходные данные будут также верны, даже если у нас есть глубокое (но не оправданные рациональными аргументами) убеждение, что это не так. Остается лишь только принять объективно доказанные факты к сведению. Согласованность и логика проявляются также в том, что при анализе проблемы в контексте разрабатываемой теории нельзя приписывать ей выводы, которые не вытекают непосредственно из этой теории. При построении теории логика требует, чтобы после принятия данного предположения последующие формулировки исходили из него;

- *следование принципу причинности*: теория должна описывать правила причинно-следственных связей, согласно которым конкретная причина вызывает определенный эффект, потому что каждый эффект вызван определенной причиной; знание этих правил позволит, зная эффект, определить причину; поэтому теория должна допускать преобразование предположений в результаты;
- *прогностичность*: знание правил, согласно которым причина трансформируется в результат, позволяет определить его до его появления, т. е. позволяет прогнозировать будущие события;
- *полнота*: явления, процессы и объекты должны рассматриваться как единое целое с учетом всех внутренних и внешних зависимостей. Применение этого принципа дает возможность

уловить важные аспекты исследуемой проблемы;

- *синтетичность, согласованность и краткость*: теория должна содержать синтетическую и внутренне согласованную концепцию всей проблемы, которая станет отправной точкой для анализа отдельных конкретных вопросов. Благодаря синтезу и последовательности знание нескольких общих правил может быть использовано для определения огромного количества фактов;
- *ясность, прозрачность и недвусмысленность*: эти принципы применимы ко всем формулировкам и аспектам теории; все рассуждения и все формулировки должны быть понятны;
- *единство критериев*: они касаются всех операций, выполняемых во время создания теории; принятые критерии должны оставаться неизменными в течение всех процедур доказывания; «использование единых критериев является одним из условий правильности теории» (Wilsz, 2009, s. 79–81).

Развитая теория будет тем объективнее, чем больше будут исходящие из нее выводы соответствовать эмпирике, чем больше проблем она объяснит и чем более детально она позволит их проанализировать.

Последовательная научная теория, т.е. теория, созданная на основе принятых, научно обоснованных теоретических предположений и применяемых методологических правил, должна позволять выявлять и анализировать наиболее важные аспекты рассматриваемых проблем. Теория должна быть «указателем» для эмпирических исследований, который оптимизирует ход этих исследований; должна определять, что наблюдать и изучать.

В связи с таким пониманием теоретических процедур следует указать на то,

---

эмпирическим, которые М. Мазур называл «манипулятивными операциями» (Mazur, 1976, s. 37).

что многие теории на самом деле не являются теориями, поскольку они основаны только на эмпирических исследованиях. Существуют теории, которые носят эмпирический характер, однако в свете приведенных аргументов они являются скорее эмпирическими обобщениями, но не теориями. Теории должны служить методологическим руководством для проведения эмпирических исследований.

Литература

- Bertalanffy L. von* (1984). *Ogólna teoria systemów. Podstawy, rozwój, zastosowania*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Frąckiewicz J. L.* (1980). *Systemy sprawnego działania*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Hall C. S., Lindsey G.* (2001). *Teorie osobowości*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Kozielecki J.* (1995). *Koncepcje psychologiczne człowieka*. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie «Żak».
- Kozielecki J.* (2001). *Psychotransgresjonizm. Nowy kierunek psychologii*. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie «Żak».
- Kuhn Th. S.* (2001). *Struktura rewolucji naukowych*. Warszawa: Fundacja Aletheia.
- Lewowicki T.* (1975). *Psychologiczne różnice indywidualne a osiągnięcia uczniów*. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne.
- Lewowicki T.* (2006). *Pedagogika pracy i andragogika wobec europejskiej integracji i globalizacji — uwagi prowokacyjne // Pedagogika pracy i andragogika w konstelacji europejskiej i globalnej / red. Z. Wiatrowski*. Włocławek: Wyższa Szkoła Humanistyczno-Ekonomiczna; Oficyna Wydawnicza Włocławskiego Towarzystwa Naukowego.
- Malewski M.* (1998). *Teorie andragogiczne. Metodologia teoretyczności dyscypliny naukowej*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Mazur M.* (1976). *Cybernetyka i charakter*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Obuchowski K.* (1985). *Adaptacja twórcza*. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Paszkiewicz E.* (1983). *Struktura teorii psychologicznych. Behawioryzm. Psychoanaliza. Psychologia humanistyczna*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Phillips D. C.* (1992). *The Social Scientist's Bestiary: A Guide to Fabled Threats to, and Defenses of, Naturalistic Social Science*. New York: Pergamon Press.
- Sampson E.* (1990). *Zmiany społeczne jako wyzwanie dla psychologii. Globalizacja a teoria osoby w psychologii // Nowiny Psychologiczne*. N 1–2.
- Szaniawski I.* (1976). *Zawód i praca między diagnozą a prognozą*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Turner J. H.* (2004). *Struktura teorii socjologicznej*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Wilsz J.* (1989). *Interdyscyplinarność naukowców funkcją integracji w nauce // Życie Szkoły Wyższej*. N 3.
- Wilsz J.* (1996). *Znaczenie niekształtów cech osobowości człowieka w procesie kształcenia przedzawodowego*. Częstochowa: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Częstochowie.
- Wilsz J.* (1999). *Integracja w nauce i jej uwarunkowania // Prace naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Częstochowie. Seria: Wychowanie Techniczne / red. K. Tubielewicz, J. Wilsz*. Częstochowa: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Częstochowie. N 3.
- Wilsz J.* (2009). *Teoria pracy. Implikacje dla pedagogiki pracy*. Kraków: Oficyna Wydawnicza «Impuls».

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

ДИАТРИБА О ФИЛОСОФСКОМ СОВЕРШЕНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

Г. Вультей
(1555–1634)

Марбургский университет,
Марбург, Германия

Журнал «Методология и история психологии» продолжает публикацию перевода сборника «Психология» (1590) под редакцией Р. Гоклениуса (начало см.: 2018, вып. 2). Вниманию читателя предлагается перевод «Диатрибы о философском совершенстве человека» Германа Вультея, доктора права, с 1592 г. — ректора Марбургского университета. Перевод с латинского выполнен Л. И. Рагозиным.

«Диатриба» Германа Вультея является первым произведением, включенным Рудольфом Гоклениусом в свою компилятивную «Психологию». Этот опус младшего коллеги Гоклениуса не имеет ничего от инвективы, характер данной речи скорее дидактический. Написанная в высокопарной риторической манере, близкой к стилю «Посвятительного письма» Гоклениуса и равно пестрящая цicerонианизмами, «Диатриба» Вультея выделяется среди всех составных частей этой компиляции подобно акварельной картине среди чертежей. Хотя исследование совершенства человека в его существенных проявлениях кажется основной целью «Диатрибы», однако, равнозначность таких понятий, как «Психология», «совершенство человека», «дух» и «дебат о происхождении его», постулированная изначально Гоклениусом, принуждает Вультея сосредоточиться в основном на контроверзе *Pro et Contra ex traduce* — главным фокусе дебата о происхождении духа (т. е. разумной души) и подлинном и единственном предмете книги. Метафора «биологического» распространения человеческой души, *ex traduce* являлось непосредственным выводом из библейского рассказа о сотворении души первого человека из божественного дыхания (Бытие II:7). Современное возникновению теологии, но обремененное материалистическими и монистическими импликациями, *ex traduce* с трудом терпелось Церковью, чьи Отцы и Учители за редкими исключениями не считали его совместимым с ее официальным учением. Бремя доказательства ложности *ex traduce*, взятое на себя многими учеными и несомое ими в течение столетий, само по себе является проявлением антинормичной природы этого феномена; сам Гоклениус впоследствии осознал, что был предпринят сизифов труд. Автор «Диатрибы», однако, еще не утратил своих иллюзий. После вступления, где набрасываются основы аристотелевой методологии, разрабатывается основная тема. Целые серии доводов, возражений и опровержений образуют почти театральную механику, с помощью которой *ex traduce* терпит поражение как

на богословской, так и на метафизической арене. Но, кроме духа «и, в первую очередь, [дебата] о происхождении его», совершенство человека надобно искать в его теле и общественных институтах, в которых оно задействовано. В соответствие с этим Вультей делает эскиз анатомии и физиологии по основным линиям Везалия и присоединяет к нему беглый очерк государственного устройства поздней Римской Республики и ранней Империи (Принципата) в качестве образца общественного организма. Тем не менее ему не удастся дать отчетливое выражение идеи человеческого совершенства; его произведение являет образ агрегата из трех блоков, едва связанных между собой цементом риторики; ему равно не удастся соотнести предмет «Диатрибы» с «Тимеем», толкование которого послужило Вультею предлогом к ее написанию.

DOI: 10.7868/S1819265318040118

Для цитаты: Вультей Г. (2018). Диатриба о философском совершенстве человека // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 111–140.

**Германа Вультея,
юрисконсульта,
диатриба о философском совершенстве человека,
в Марбургской академии публично предложенная
в качестве пролегомен (προλεγόμενων) к истолкованию «Тимея» Платона
30 января 1581 года**

Во всех вещах сотворенных совершенство и абсолют, коих причина в рождении и сотворении видится, обнаружить весьма трудно, и тем более трудно, что не только Бог, во всех элементах самый совершенный и во всех в совокупности частях и уровнях самый всеобщий, ищет [этого] от людей, но и философия и гражданское общество требуют, сама природа вопиет, и опытом это даже подтверждается. Ведь в делах человеческих все пятном ошибок и пороков осквернено, и хотя ум человеческий и составляет только частицу вечного божественного ума, он, сколь возможно, от этой земной скверны отделяется. Но поскольку [ум человеческий] в нечистую материю полностью погружен, он так от этого страдает и так страстями друг с другом несогласными разрывается, что без власти божественной ни возвыситься, ни достичь справедливости, ни хоть как-нибудь в соответствии с природой действовать [он] не может¹. Отсюда великие всякого рода похоти, с помощью чувств (affectibus) разум вкривь и вкось тянущие, отсюда мятежи, как государственные, так и частные, отсюда убийства, разврат, супружеские измены, кражи, грабежи и подобного рода преступления бесчисленные у всех решительно племен и народов процветали, о чем мы из исторических сочинений (historiis) узнаем. Этим опасным и разрушительным обстоятельствам во все времена добрые государи с помощью законов, а философы — учений и наставлений противостоять пытались, так что если человека они к вершинам совершенства привести и не смогут, то могли бы, по крайней мере, ему некий толчок дать, дабы он получил о нем [совершенстве] общее представление. Что же, как не Священное Писание, сделает человека изящнее, крепче и сильнее? Оно сделает его достойнее в том, что ему необходимо, конечно, не только во внешних проявлениях и в гражданских делах, но гораздо более в сердце (interna). Священное писание путем его воспитания уподобляет человека Богу. Но это, поскольку оно больше-

¹ Cp.: Cic. De Fin. Bon et Mal. IV, 11, 26: honeste vivere (id est enim vel e virtute vel naturae congruenter vivere) summum bonum sit. Честно жить — то есть либо по добродетели, либо в соответствии с природой жить — высшее благо есть (здесь и далее примечания переводчика).

го рассмотрения [заслуживает], мы оставляем, и упомянутого гражданского или философского совершенства человека слегка коснемся.

Итак, человек из двух частей и притом различных состоит — души и тела. Одно духовное, другое материальное, соответственно, одно вечное и бессмертное, другое — тленное. Их обоих мы должны рассмотреть.

Действительно, души сущность (*essentia*), единая и простая, тремя способностями или, как их называют, силами (*potentiis*) на основании разных действий [ими осуществляемых] не разделяется, но отличается. Они суть растительная (*vegetans*), чувствующая (*sentiens*) и мыслящая (*intelligens*). И мыслящую только человек имеет, чувствующую он делит со зверями, растительную же — с растениями, так что лишь мыслящей [способностью] он возвышается, в остальных же — весьма часто его превосходят [другие], и он оказывается ниже.

Растительной души способность есть жизнь, которая тепла и влажности доброй мерой (*bene temperato*)² поддерживается. И если между ними неправильное смешение (*ὑποχρασία*) какое-нибудь появляется, либо тепла излишек влажность уничтожит совершенно, либо влаги изобилие жар исконный³ погасит, то за этим следует смерть с неизбежностью, поскольку тогда теплым холодное или сухим влажное вытесняется, что в обоих случаях жизни враждебно.

Следовательно, горячего и влажного [в человеке] особо сохранять правильное смешение (*temperamentum*) с помощью пищи надлежит, так как на них духи его жизненные и естественные (*spiritus vitales et naturales*), словно на основании своем, поддерживаются⁴. И хотя мы в воздухе живем и дышим, однако все это пропитание часто из земли добывается, которая, когда будет холодной и сухой, надо понимать, плоды человеческой природе противные производить станет. Но предусмотрительная природа так все устроила, что можно достать не только холодное и сухое, то есть относящееся к земле, но и холодное и влажное, то есть водное, горячее и влажное, воздушное, наконец, горячее и сухое, то есть огненное, так чтобы тем лучше о человеке, который из всех этих четырех элементов соединения и соразмерности (*συμμετρία*) состоит, можно было позаботить-

² Или иначе *temperamentum*. Представление о темпераменте как о «доброй мере» или «правильном смешении» элементов (см. примечание 5) восходит еще к древнегреческой медицине и стоической философии (*εὐχρασία* в противоположность неправильному смешению *ὑποχρασία*). О правильном, «соразмерном» смешении в устройстве головного мозга животного говорит и Аристотель: *De Part. Animal.* II, 7, 653a.

³ Исконный жар или *врожденное тепло*: понятие гиппократовской медицины (*Hipp. Aph.* 1, 14), употребившееся в дальнейшем Аристотелем (*De Gener. Animal.* III, 11 762a 18) и стоиками.

⁴ Учение о духах (*spiritus*, πνεῦμα) было первой попыткой объяснения нервно-психических процессов. Его творцом является Гален, который в своих анатомических исследованиях вплотную подошел к вопросу о связи нервов с кровеносными сосудами и о том, что мы сейчас назвали бы нервным импульсом. Он был убежден, что по нервам циркулирует пневма, которую считал неким сочетанием воздуха и огня (см.: *Galien C.* (1854). *Oeuvres Anatomiques, Physiologiques et Médicales*. Vol. I. Paris. P. 63). Заимствовав классическую триаду: печень, сердце и мозг, Гален попытался создать стройную систему превращения жизненной пневмы, связанной с артериальной кровью, в психическую пневму, отвечающую за «высшую нервную деятельность». Взятые на вооружение средневековыми врачами как на христианском Западе, так и на мусульманском Востоке, учение о духах к концу XVI века приобрело следующий вид. В печени, где завершается творение крови из питательных веществ (Авиценна), образуются естественные духи, которые затем переносятся в сердце и превращаются в жизненные духи. Эти последние, в свою очередь, поднимаясь по сонным артериям в виде артериальной крови в мозг и пройдя через тонкие артерии чудного сплетения (*rete mirabile*), находящегося у основания мозга, смешиваются с воздухом и возгоняются в животные духи. Понятие животных духов оказало в дальнейшем влияние на Бэкона, Декарта и Гоббса и по инерции употреблялось в художественной литературе вплоть до Бальзака и Диккенса. В XX веке уже только в качестве метафоры *animal spirits* были введены в экономическую теорию Кейнсом.

ся. Ибо земля, хотя к стихиям, которые называются телами простейшими и от всяких соединений и примесей свободными, она относится, не является чистой, так как имеет в качестве примесей очень много воды, много воздуха и даже немного огня⁵. И все это в порождении вещей содействует. Так и продукты питания, даже из земли происходя, не одной только землей, но четырех стихий соединением порождаются. Подобным образом, все [продукты], что либо просто добыты, либо искусством поваров и врачей смешаны и составлены, приятные и полезные, для человека являются питанием и должны [служить] сохранению и заботе о его жизни и здоровье. Как только это доставить смогут, его к телу применить надлежит.

Итак, растительной души действия, если они не относятся к тела инструментам, а исполняются ртом, пищеводом, желудком, печенью и полую веной, могут играть важнейшую роль: от них остальные члены благодаря руководству сосудов питательные вещества притягивают (*alimentum attrahunt*); то, что полезно, [члены] с помощью боковых сосудов (*villis obliquis*) сохраняют, своей силой и природой преобразуют и себе уподобляют, бесполезное же, благодаря способностям поперечных сосудов (*transversorum villorum*), выталкивают и, словно с отвращением, извергают. И так жизнь человека сохраняется.

А чтобы, когда индивиды ежедневно умирают, сам род вместе с ними не погиб, полагают, что та же самая растительная душа порождать и распространять подобных себе силой обладает, которая и сама совершенствуется в некоторых органах тела посредством семени, ибо выделение (*excrementum*) животного полезно и оно, в матку самки поступив, силе матки подчиняется и в течение определенного времени изменяется и формируется, пока всеми своими частями не отсоединится и на свет не появится.

Чувствующая [душа] животным свойственна, и для них она как бы некоторая форма, которая жизнь приятную и полную удовольствий доставляет. С ней всегда соединена растительная, и хотя последняя может существовать отдельно от первой, ее [чувствительной души] совершенство в остроте чувств состоит, которые, словно какие-то фонари или окна, предметы извне (*extrinsecus objecta*) для человеческого интеллекта открывают. И одни из этих чувств внешние, другие — внутренние. Внешних насчитывается пять, коих острота у многих [животных] большей оказывается, чем у человека, ибо зрением — рысь, слухом — кабан, обонянием — собака и коршун, вкусом — обезьяна, осязанием — паук первенством среди живых существ завладели.

Чувства внутренние получают от внешних образы воспринимаемых предметов, о которых некоторым образом судят и человеку в ум (*intellectus*) передают. Их же насчитывается два, воображение (*phantasia*) и память, которые у зверей также наличествуют⁶. Воображение предметы распознает; память уже распознанное впечатывает в мозг, словно печатью в воск⁷.

⁵ Ср.: Arist. *De Gen. et Corrupt.* II, 1, 329a 5–8: «Будем считать правильным называть первоначальными и элементами те [вещества], от изменения которых либо путем соединения и разъединения, либо иным путем происходит возникновение и уничтожение» (см.: *Аристотель* (1981). Сочинения в четырех томах. Т. 3. М.: Мысль. С. 417). Аристотель уже ставшему традиционным учению о четырех стихиях: огне, воздухе, воде и земле, в формирование которого внесли свой вклад почти все греческие натурфилософы, в особенности Эмпедокл, предпочитает теорию соответствующих этим стихиям противоположных качеств: теплого, холодного, влажного и сухого, способных к смешению и взаимопревращению. Из них состоит весь чувственный «подлунный» мир. Испытавшее влияние гиппократовской школы, это аристотелево учение в свою очередь повлияло на Галена и позднейшее развитие медицины.

⁶ Ср.: Arist. *E. N.* VII, IV, 1147b 4–5.

⁷ Уподобление мозга воску было популярно в XVI–XVIII веках. Ср. напр.: *Ламетри Ж. О.* (1983). Соч. М.: Мысль. С. 136. Оно восходит еще к Аристотелю (Arist. *De Anima* II, 12 424 19–22) и Зенону, ос-

Отсюда влечение к вещам, которые нравятся или не нравятся, стремление, у животных ограниченное только чувством, в людях же — волей, и превосходно, если [оно] управляется разумом, очень плохо, если, смущенное желаниями, без расчета на объект бросается. В этих двух способностях [воображении и памяти] поэтому не столько сущности души совершенство должно рассматривать, сколько действия, от них исходящие. Ибо ведь [воображение и память] без тела органов это обеспечить не смогут, каковым [органам многое] часто по-разному препятствует и иногда даже совсем уничтожает при сохранении сущности и способности души; то потому совершенство ее искать здесь не следует, поскольку по удалении [телесных органов] она тем не менее совершенной и непорочной остается.

Благодаря этим же качествам [нашу душу] многими способами превосходит растительная душа в растениях, чувствующая же — в остальных животных. Но когда человек понимается как совершеннейшее животное, остается, чтобы всего совершенства его не лишить, оное в мыслительной способности поместить.

Итак, мыслительная души способность человеку жизнь человеческую доставляет и отличной ее от растений и животных жизни делает, обе их, однако, в себя включая. Ведь глаза, словно соглядатаи, в теле человека возвышенное место занимают и, благодаря подвижности своей много наблюдающие, свои обязанности исполняют: так ум, самую суть превосходнейших вещей содержа, стремительно небо и землю охватывает, и, действуя, он вызывает у всех нас восхищение. Лучшей его частью является *ὁ λόγος*, т. е. разум, который истинно отличает нас от животных, для него образы принятых, удержанных и собранных вещей сохраняются, сравниваются, разыскиваются и соединяются, что или для одного ума лишь пригодно, или к пользе жизни человеческой обращается. Первые [образы] — теоретические, либо созерцания, и действуют посредством ума без какой-либо помощи тела. Последние есть практические, либо деяния, которые нуждаются в теле. Вот почему в исследованиях о человеке (*studia humana*), каких бы то ни было, дихотомия (*διχотоμία*) эта содержится, без сомнения для познания истины разумом положенная и ради того, чтобы сделать что-либо доброе. Оба [эти процесса] к человеческой природы высшему совершенству должны относиться. Соответственно, есть два [элемента], которые ум или, скорее, самого человека совершенствуют: Истина и Честность или благо человеческое. К Истине принадлежит наука, которая различает истинное от ложного и причины, заключенные в природе, вместе с их развитием, из первоначала (*ultimum principium*) выводит. К Честности принадлежит благоразумие (*prudentia*), которое честное от бесчестного отделяет и поступки, совершенные людьми, в обществе жизнь ведущими, объясняет. Первая, из-за потаенных причин расследования, вещей первооткрывательницей (*inventrix*) именуется, последняя, из-за власти разума и обычая осуществления дел, человеческой жизни руководительницей (*moderatrix*) называется. Из этого соединения то высшее и крайнее человеческое благо, о котором столько было споров среди философов, выводится, — Мудрость, и те, кто ей причастен в этой жизни, блаженными объявляются и высшего совершенства достигшими считаются. Мы об обоих достаточно поговорим.

новоположнику стоической школы (см. Diog. Laert. VII, 46). Восковые таблички были первыми в ряду «метафор», обозначающих «ум», последней в котором является вычисление (*computation*) — «окончательная метафора» (*final metaphor*), см.: Groeger J. A. (1987). *Computation — the final metaphor? An interview with Philip Johnson-Laird* // *New Ideas in Psychology*. 5. P. 295–304.

Истина есть действий или мыслей ума с самой вещью (*re ipsa*) согласие, и о том, кто его обрел, говорится, что он знает⁸. Знать же есть вещь через ее причину постигать, говорит Аристотель⁹.

Причин четыре: действующая [причина], материя, форма и цель. Действующая [причина] и цель находятся вне вещи, и входят в сущность вещи, только если цель к форме присоединена. Одна материя сама по себе — нечто непознаваемое (*ἄγνωστον τι*)¹⁰. Форма из всех превосходнейшая, так как вещь дает существование и имя, то есть, чтобы вещь существовала и чтобы от других ее можно было отличить. По форме поэтому мы вещь постигаем и знаем. Но, когда из-за ума нашего бессилия, первоначальных родителей наших падением вызванного, самих вещей формы сущностные мы воспринять не в состоянии, тогда оказывается, что мы в великом невежестве влачимся и едва ли какую либо вещь по ее форме познаем, а только — из ее акциденций, да и то достаточно смутно.

И это положение, конечно, всех времен философы, насколько могли, исправляли и в своих тончайших сочинениях большей части вещей какие-нибудь формы хотели представить. В каковом деле, чем ум был блистательнее, тем точнее, словно в предложенную мишень, он попадал. Отсюда искусств и наук (*disciplinae*) всех истоки, которые Халдеи и Египтяне породили, Греки обогатили, Латиняне усовершенствовали, наши [соотечественники] украсили и их [искусства и науки] на то место, где их сейчас мы наблюдаем, вывели. В этом прославились Сократ, Платон и Аристотель, Теофраст¹¹ и бесчисленные другие в Греции. В Италии Пифагор и Цицерон, в Галлии Рамус¹² и Перионий¹³, у нас — превосходное украшение Германии Меланхтон¹⁴ и Шеккий¹⁵.

Все эти объединенные дисциплины мы философией именуем, то есть мудрости изучением, поскольку, как мы уже сказали, высшее благо человеческое мудрость рассматривает.

Философии основной частью сначала было мира в целом созерцание, особенно же — чудесного тел небесных движения в их неизменном порядке, затем [основная часть философии] состояла в вещей естественных, которые содержатся под луной и вплоть до глубочайшего центра Земли, рассмотрении¹⁶, отчего математикой и физи-

⁸ Ср.: Arist. Met. 1011b 25; Categ. 12, 14b 14.

⁹ Arist. Met. II (B), 1, 5 993b 23–24: οὐκ ἴσμεν δὲ τὸ ἀληθὲς ἄνευ τῆς αἰτίας.

¹⁰ Arist. Met. VI (Z), 10 1036a 8–9: ἢ δ' ὅλη ἄγνωστος καθ' αὐτήν.

¹¹ Теофраст, или Феофраст (ок. 372 или 370 — 287/286 до н. э.) — ученик Аристотеля, возглавивший Академию после его смерти. Из его многочисленных произведений, в том числе и по ботанике, пионером которой он является, целиком сохранились только «Характеры». К его ученикам принадлежал поэт Менандр, родоначальник «Новой» аттической комедии, основные сюжетные линии которой воспроизводились вплоть до комедий Мольера и «плутовского» романа XVII–XVIII веков.

¹² Петр Рамус, Пьер де ля Раме (Petrus Ramus, Pierre de la Ramée, 1515–1572) — известный французский философ и логик, профессор Коллеж де Франс, прозванный за свое критическое отношение к авторитетам «бичом Аристотеля». Он исповедовал кальвинизм и погиб в Варфоломеевскую ночь.

¹³ Перионий, Иохим Перион (Perionius, Périon) (1499?–1559) — французский гуманист, монах-бенедиктинец, переводчик Аристотеля на латинский язык.

¹⁴ Меланхтон (Schwarzerd, 1497–1560) — немецкий гуманист, протестантский богослов, друг и преемник Лютера во главе немецкой Реформации. Меланхтон преобразовал народное просвещение в лютеранской Германии в гуманистическом духе, ввел массовое обучение греческому языку и др., за что заслужил хвалебный эпитет Вультея и почетное прозвище «Наставник Германии» (Praeceptor Germaniae).

¹⁵ Шеккий, Якоб Шекк (Scheccius, Jacob Schegk, 1511–1587) — немецкий философ-гуманист, профессор тюрингенского университета, один из поздних перипатетиков и самых решительных оппонентов Рамуса.

¹⁶ Речь идет о натурфилософии, развивавшейся в Ионии (Малая Азия) и Великой Греции (Италия и Сицилия) в VII–V веках до н. э.

кой она называется. Математика (*mathesis*), несколько более чистая, от всякой материи физической удаленная, [исследует], каковы есть числа, как в Арифметике, либо объемы, как в Геометрии. Хотя и с материей смешанная, подобно музыке, которая арифметические числа к звукам приспособляет, Астрономия применяет измерение величин к небесным телам и к тому, что ей подвластно. О нравах, меж тем, было возвышенное молчание, поскольку считалось, что люди по доброй воле, ради честных и с добродетелью согласных поступков, побуждались. Но после того, как разные и противоположные мнения об этом людей были им восприняты, Сократ учение (*doctrina*) Этики ввел¹⁷, которое в нравов и жизни исправлении, в воспитании духа, твердости и справедливости состояло; к нему впоследствии присоединились политика и экономика.

Об этом авторе Диоген Лаэртский¹⁸ свидетельствует, что тот более, нежели остальные философы, обсуждал [эту проблему], по каковой причине он [Сократ] так всем пришелся по нраву, что сочли, будто он философию с небес на землю свел и в речь ее перевел¹⁹. И так Сократа сочинения²⁰ две части философии перечисляли: первая была о природе, вторая — о жизни и нравах, которые затем в больших ученых спорах разрослись, пока, наконец, Платон, духом весь размах учения охвативший, благодаря некоей оценке тех, кто ему предшествовал, не понял, что широко распространившаяся у греков философия на три части должна быть распределена²¹. Ибо от Фалеса²² и Пифагора начинается [изучение] природы вещей, от Ликурга²³, Солона²⁴, других мудрецов и Сократа — учение о нравах и о делах управления, от Пифагорейца Зенона²⁵ — искусство красноречия²⁶. Философии многоречивость была Платоном так сжата, что ее обозреть [стало] возможно, затем Аристотелем [философии был придан] мощный язык, чтобы надежнее постичь разграниченное, и, наконец, Теофрастом она, чтобы сладост-

¹⁷ Ср.: Diog. Laert. De Vita pr. I, 14.

¹⁸ Диоген Лаэртский или Лаэртский — греческий писатель (предположительно II—III века н. э.), автор произведения «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов», которое, несмотря на изобилие в нем анекдотов, противоречий и фактических ошибок, является важным, порой уникальным, источником по истории античной философии.

¹⁹ Ср.: Cic. Tusc. Disput. V, 4, 10–11.

²⁰ Хорошо известно, что Сократ не одобрял письменного слова и ничего не написал. О творчестве Сократа мы знаем в первую очередь из дошедших до нас сочинений его учеников: Ксенофонта и особенно Платона, диалоги которого вдохновлены сократовскими беседами.

²¹ Ср.: Diog. Laert. De Vita III.

²² Фалес Милетский (625–547 до н. э.) — первый греческий натурфилософ, глава ионийской школы; полагал, что первоэлементом всего сущего является вода («влажная природа»).

²³ Ликург (VIII в. до н. э.) — полупоуподобный спартанский государственный деятель, который, по преданию, установил государственный строй Спарты и ее знаменитую систему воспитания.

²⁴ Солон Афинский (ок. 640–559 до н. э.) — знаменитый законодатель, политик и поэт, один из «семи мудрецов». В 594 г. до н. э. произвел крупные реформы в умеренном духе, «страхнул» с жителей Аттики бремя долгов и т. п.

²⁵ Зенонов было два: Зенон из Элеи, ученик Парменида, автор знаменитых апорий и скорее противник, нежели сторонник Пифагора, и Зенон из Китиона (Кипр) — основоположник стоической школы. Здесь имеется в виду Зенон Элейский, но поскольку в древности четко различали *риторику* и *диалектику*, то основоположником первой, собственно искусства красноречия, считался Эмпедокл, другой ученик Парменида и гораздо больший «пифагореец», чем Зенон, который, по словам Аристотеля, является «изобретателем» *диалектики*, т. е. учения о доводах. См.: Диоген Лаэртский (1979). О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль. С. 348. Вультей, по-видимому, повторяет ошибку Диогена, причислявшего Зенона к пифагорейцам: Diog. Laert. De Vita pr. I, 15.

²⁶ Ср.: Diog. Laert. De Vita pr. I, 18. *Физику* в оригинале Диогена Вультей называет в духе Лукреция Кара «природой вещей», *этику* — «учением о нравах», под «искусством красноречия» он не совсем точно понимает *диалектику*, учение о доводах, как для *физики*, так и для *этики*. См.: Диоген Лаэртский (1979). О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль. С. 68.

ной речью многих восхитить, была так украшена, что ничего учение и изящнее не имела вся Греция²⁷.

Все это подвергается большим исследованиям, так, чтобы способнейшие могли собрать в едином теле весь философский разум. Философия, таким образом, есть первая ступень совершенства, которая сама более чем несовершенна, поэтому понять можно, что ни одна часть философии пока не разработана так, чтобы ни в чем не нуждаться, и то, что много к сочинениям философов примешано того, что ложь скорее, чем истина, как внимательный читатель обнаружит.

Честное (*Honestum*) есть то, что само по себе (*per se*) добрым и прекрасным является и с чем всех людей действия соотноситься должны. Оно от трех начал происходит — разума, выбора и воли. Разум честное и позорное, полезное и бесполезное различает, за уже различным выбором склонности (*appetitus*) следует, которая волей, с хорошими вещами согласной и дурные отвергающей, движет, чтобы она [воля], духа (*animus*) намерениями подкрепленная, всеми чувствами и движениями тела, ради совершения поступков самым подобающим образом, руководила и направляла. К склонности природа гнев (*ira*) и жадность (*cupiditas*), словно двух спутников, но от разума далеко отстоящих, присоединяет. Одно яростным (*θυμικόν*), другое вожделеющим (*ἐπιθυμητικόν*)²⁸ называют. Гнев в сердце²⁹ помешают, с управляющим (*τῷ ἡγεμονικῷ*)³⁰ в близком соседстве, через посредство которого разум принуждает жадность исполнять свои приказы. Но когда более сильные душевные движения чрезмерно его [управляющее] от предписанного здравым рассудком отклоняют, то воздействие этих аффектов и страстей на истинное или превратное в каком-нибудь деле, на доброе или дурное во чьем-либо мнении, — [воздействие] этих советчиков, словно противных ветров, борющихся друг с другом, сильно дух [человеческий] терзает. Ведь ожидание будущего блага есть надежда, настоящего — радость, либо наслаждение, а будущего зла [ожидание] есть страх, настоящего — Боль и Скорбь.

Жадности вместилищем печень считали³¹, откуда эти влечения к вещам (*rerum appetitus*) рождаются, которые, венами по всему телу распространившись, естественными называются, и ими то к питанию, то к размножению мы все побуждаемся, чтобы ни от жажды, ни от голода, ни от других вещей необходимых недостатка тело не зачало и чтобы рода человеческого божественно предписанное преемство и распространение не прекратилось. Отсюда Честное, как я сказал, рождается. Из этого Честного, словно из обильнейшего и чистейшего источника, благодаря часто повторяющимся похвальным деяниям некие духовные обычаи (*animi habitus*) возникают, правиль-

²⁷ Ср.: Diog. Laert. De Vita V, 2.

²⁸ Ср.: Plato Resp. IV 439b–441c; Arist. De Anima III, 9, 432a 25; Diog. Laert. De Vita III, 67. Характерно, что эти платоновские термины даются в греческом оригинале, а не в латинском варианте Фомы: *irascibile et concupiscibile* (см. Summa Theol. I, 81).

²⁹ Ср.: Plato Tim. 71b–c.

³⁰ Ср.: Arist. De Anima; Cic. De Nat. Deor. II, 29; Tusc. Disput. I, 20; Tert. De Anima XIV–XV; Marc. Aurel. Medit. II, 2. Diog. Laert. De Vita VII, 160: «Ведущая часть души [ἡγεμονικόν] — это главная ее часть, в которой зарождаются представления и побуждения и откуда исходит разум; место ее — в сердце» (См.: Диоген Лаэртский (1979). О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль. С. 317). Но взгляды мыслителей разных школ, философов, равно как и медиков (Diog. Laert. De Vita VII, 133) по поводу того, где пребывает ἡγεμονικόν, весьма разнообразны. Если Платон и его ученик Ксенократ помещали его в голову и темен соответственно (Tert. De Anima XV, 5), а Гиппократ и ряд его последователей — в мозг и/или мозговых оболочках, то многие другие полагали, что «руководитель души» покоится в сердце, в аорте, в толстой вене, в диафрагме и т.п.

³¹ Платон, Аристотель, Гален и др. Ср.: Plato Tim. 71b–c; Arist. De Anima III, 9, 432a.

ному суждению, под предводительством воли, покорные, [которые] Добродетелями называются. При первом появлении своем и еще не совершенные они предпочтениями (*affectiones*) именуются; природой, искусством и упражнением укрепленные, они называются обычаями, которые являются самой природы и того, что в душу вложено, неким совершенством.

Добродетели, если мы в общем виде рассмотрим, не только те [добродетели], что в действии заложены и Моральными называются, охватывают, но и те, что в восприятии, познании и науке об истине заключены и Интеллектуальными именуются, о коих Аристотель [говорит] в 6 книге «Этики к Никомаху». Но когда также искусства и словесность (*litteras*) таким образом охватываются, то, разумеется, особенное добродетели этой в том, что она честному следует и противного бежит, то есть Добродетель есть вечная и постоянная воля правильно и честно жить. От здравого рассудка (*recta ratio*) предписания и суждения выдающаяся воля высшее положение и владычество получает и, гнева и жадности власть отвергая, противопоставляет себя их праву и его превосходит. Из взаимного согласия этих двух добрых наклонностей Справедливость (*Iustitia*), замечательнейшая из всех добродетелей, рождается, среди остальных [добродетелей], словно Закатная Звезда [Венера] среди звезд, как говорит Аристотель, сияющая. Она каждому воздает свое ради защиты общества человеческого³². Она состоит либо в лиц назначении, либо в вещей сообщении, отчего последняя называется распределительной, по-гречески *διανεμητική*, а первая — направительной, по-гречески *διορθωτική*³³. Одна геометрической пропорции подобна, другая — арифметической. Эта добродетель, если Богу свое воздает, Религией называется, если родителям — Благочестием. [Если эта добродетель заключается] в соблюдении договоров, то она верностью [называется], в наказаний соразмерности — мягкостью, во взаимном благожелательстве, которое из нравов сходства возникает, из соучастия в обязанностях и согласия — дружбой. Но обрушиваются страдания, изгнания, тюрьма, траур, страх смерти и прочие неудобства, опасности и несчастья жизни. Всему этому противостоит хорошо образованный, бодрый и великой уверенности исполненный дух, который, [несчастья] ниже доблестей ставя, как возвышенный и непобедимый, презирает их, что величие есть духа (*μεγαλοψυχία*)³⁴.

В тягот же перенесении и опасностей претерпевании Мужество задействовано и Терпение. Бесспорно, безмерных желаний ради подавления, ограничения и умаления человеческого величия недостойных наслаждений, а также для управления теми душевными движениями, коих воздействие сильно волнует и потрясает, трезвость, воздержанность и умеренность подобает применить. Кроме того, в соответствующем и своевременном деньгами пользовании щедрость и благотворительность наблюдаются.

Да едва ли возможно, чтобы к какой-либо из этих добродетелей и другие не присоединились; посему Стоики возможность имели утверждать, что одну добродетель имеющий, иметь будет и все. Но большей частью добродетель сопровождают доброта, чистота нравов, неиспорченность, спокойствие, чистосердечие, любезность и надежда на лучшее.

Стражем всех добродетелей, бесспорно, стыдливость (*verecundia*) является, позора бегущая и похвалы преследующая. Но когда все добродетели как бы находятся по-

³² Ср.: Cic. De Nat. Deor. III, 38; Ulp., Dig., I, 1, 10.

³³ См.: Arist. E. N. V, II, 1130b 30 — 1131a 1.

³⁴ Ср.: Arist. E. N. IV, III, 1123b 1–2.

середине двух крайностей, следующих либо чрезмерного, либо малого, из оных у одной излишек, у другой — недостаток, сама же [добродетель] умеренности себе имя сохраняет. В этих крайностях благодаря сходству некоторые обманчивые есть подражательницы добродетели, которые способность суждения (*judicium*), в основном, обманывают. Ибо кажется, что умеренности лучше всего подражает тупость некая и дикость, суровее излишества и прочие наслаждения жизни отвергающая; ограниченности в пище — скупость, величию духа — роскошь и гордость в возвеличивании своего духа и презрение к отвергаемым почестям; мужеству — смелость и безрассудство; терпению — огромная черствость; щедрости — расточительство, справедливости — суровость; религии — предрассудок; мягкости — расхлябанность духа; дружбе — низкопоклонство, лесть и угодничество. Действительно, когда разум, извращенными желаниями и настроениями, законной власти духа и воли не держащимися, подавлен, в противоположность честности обращается низость (*turpitude*), из которой весь род пороков проистекает, в каковом отдельные пороки отдельным, себе противоположным, добродетелям противостоят.

Конечно, за каким-либо расслаблением разума безумие (*amentia*) следует, за его дряхлостью — глупость, за более тяжким повреждением — бред, но, наподобие разорванных и сломанных цепей того же разума, возникают бешенство и сумасшествие (*insania*). На этих основаниях все учение Этики строится, которое человека, ради доброй и честной жизни и следующего добродетели, образует. В самом деле, две способности души мыслящей в нас заложены, а именно, ум и воля. И обе, поистине, добродетелью совершенствуются: добродетель одна — ума, другая — воли будет, первую — [добродетелью] созерцания, вторую — деяния удобно, пожалуй, назвать. Ведь так их и Перипатетики и Академики различали. Аристотель, как кажется, первую нравственной, *этической*, последнюю мыслительной, *дианоэтической*, называл³⁵.

Дианоэтическая, та, что умом совершенствуется, уму принадлежит, мы сказали, она же в уникальном наименовании каждой науки содержаться может. Наука ведь через причин [познание] существует, но причины созерцаются нами, когда они искусственно для руководства наставникам в искусствах представлены, как это часто бывает, иногда же [они созерцаются] благодаря только сообщению света, без присоединения искусств. Наука одного рода есть искусственная (*artificialis*), другого рода — не искусственная (*inartificialis*). К первой искусства относятся, к последней — мудрость и благоразумие, из которых одна наиболее занята во взвешивании и принятии решений, другая — в дел выполнении. Так это обычно философами повсюду разделяется, а насколько хорошо, я теперь не обсуждаю. Ибо выше было указано, что благоразумие к мудрости, словно часть к целому, относиться должно. Из волевых добродетелей некоторые о человеке, в самом себе рассмотренном, имеют попечение, так как бесспорно в самом человеке, словно в своем подлежащем, коренятся, иные вне человека к другому относятся, одни добродетели абсолютно волевыми называются, другие — относительно чего-либо иного.

К абсолютно волевым относятся Мужество и Умеренность, одна в сердце находится, другая — в печени. К мужеству относятся великодушие, величавость, надежда, уверенность и постоянство. К Умеренности — мера в еде, трезвость, стыдливость, молчаливость, скромность, любезность, целомудрие, непорочность, чистоплотность, изящество, бережливость и хозяйственность.

³⁵ См.: Arist. E. N. I, XIII, 1103a 5.

Добродетель, которая τὸν πρὸς τὴ (относительна), называемая справедливостью, воздает каждому должное, ею обнимаются благочестие, простота, неиспорченность, человечность, милосердие, почтительность, послушание, смиренность и радушие. Кроме того, по души достоинству (dignitas) и ее совершенство рассмотреть можно.

Это достоинство из возникновения и уничтожения души познается. Когда же [душа] самим Богом непосредственно создается, и никогда, следовательно, ни погибает, ни умирает, то кто же сможет отрицать, что душа вещь достойнейшая и совершеннейшая? Но, так как и о том и о другом по-разному, обыкновенно, спорят, то мы и это также разберем.

Прежде всего, спрашивается: душа человеческая существует ли *ex traduce*? У какого вопроса следующий смысл: подобно ли тому, как тело человека образуется из материи семени, которое от порождающего тела отпадает, так и душа возникает и производится, [что происходит] либо из некоего семени, либо каким бы то ни было другим способом, или все же Богом [душа] сотворяется и к телу присоединяется? Пифагорейцы³⁶ и им следовавший Ориген, хотя и полагали, что душа от Бога существует, но — равным образом от века, как и Сам Бог и все даже тела небесные в определенном количестве³⁷. Каковое суждение и нечестиво и нелепо. Кроме единого же Бога ничего нет, что бы от века было. Ибо ведь три существует рода духов (spirituum genera): из коих один, который всегда был и всегда будет, как один Бог, другой, который не всегда был и не всегда будет, как душа зверей. Третий, который хотя всегда будет, но не всегда был, как ангелы и души людей. Другие [мыслители] хотя и признают, что души начало получают, но — все [души] одновременно, что опровергается из мест Писания: Псалмом тридцать третьим и Захарией 12. Стоики³⁸ и Манихеи³⁹ считали, что все происходит из сущности Бога, по 1 главе Бытия: вдохнул [Он] дыхание жизни [Адаму]⁴⁰. Ибо (говорят они) тот, кто в лицо другого дышит, то испускает, что в нем самом есть. Но это понимать должно в духовном смысле (spiritualiter), потому что Бог тела не имел, откуда дыхание выделить бы мог. Имеет значение также, по Бога ли приказанию и слову дыхание сообщена была Богом душа или [Он] ее вдвухнул, то есть заставил раздуваться ноздри Адама и дышать.

У древнейших Отцов есть мысль о том, что Сын Божий со времени создания мира обыкновенно имел образ человеческого тела принимать, отцам являться и с ними разговаривать. И, в то время как Бог создавал Адама, Сын Божий принял тело, из глины руками образовал Адама и дыхание в ноздри тела, [уже] образованного, вдвухнул, душу в Адаме сотворил. Некоторые думают, что первая душа из ничего Богом была со-

³⁶ Пифагорейцы верили в переселение душ (метемпсихоз). Ср. Diog. Laert. De Vita VII, 28: «душа есть отрывок эфира, как теплого [т. е. огня], так и холодного [т. е. воздуха]... она бессмертна, ибо то, от чего она оторвалась, бессмертно». (См.: Диоген Лаэртский (1979). О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль. С. 339).

³⁷ Ориген из Александрии (185–253/254) христианский богослов и философ, исследователь и переводчик Библии. Относительно предсуществования души Ориген следовал Платону, который в свою очередь мог испытать влияние пифагореизма. Учение Оригена было объявлено еретическим.

³⁸ Ср. Diog. Laert. De Vita VII, 156–157: «Душа — это дыхание, врожденное в нас, поэтому она телесна и остается жить после смерти; однако же она подвержена разрушению, и неразрушима только душа целого, частицами которой являются души живых существ» (см.: Диоген Лаэртский (1979). О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль. С. 316).

³⁹ Манихейство — религиозно — философское учение, названное по имени его основателя Мани (III в. н. э.); проповедовало дуализм добра и зла и изначальность последнего. К манихейству был близок до своего обращения в христианство Августин.

⁴⁰ Здесь неточность: это место относится ко второй книге Бытия (Gen. 2: 7).

творена, остальных же [людей] души от первой вместе с телом распространяются, бессмертными, однако, [будучи], и из этих [авторов] одни считают, что душа телесна и телесно порождается, другие согласны с тем, что она духом является и духовным образом (*spiritualiter*) распространяется, подобно тому, как огонь от огня воспламеняется.

Из тех, кто утверждает, что ежедневно новые души сотворяются, одни думают, что они вне тела сотворяются и вливаются, другие — в теле сотворяются, третьи, наконец, — [что души], вливаясь, творятся и, творясь, вливаются (*infundendo creari et creando infundi*). Я так считаю, что в самый момент порождения (*in ipso puncto generationis*), когда материя настолько расположена, что для восприятия формы сущностной, которая человека делает из зародыша, становится пригодной, души новые отдельных людей сотворяются из ничего, что более вероятно, и Священному Писанию, свидетельствам Отцов и философов, а также доводам рассудка (*rationibus*) более соответствует, нежели когда одна душа от другой *per traducem* или через семя родителей распространяется. В Бытии 2 говорится: вот плоть от плоти моей и кость от костей моих, но не говорит [Адам] «душа от души моей». Екклесиаст 12: дух возвращается к Богу, который дал его. Псалом 33, Исайя 59, Захария 12, Исход 21, каковое место также приводит Феодорит⁴¹, который был одним из Отцов восточных, которые [все] без различия так думали. Григорий Нисский⁴² в книге 2 «О душе», главе 6, мнение Аполлинария⁴³ опровергает таким доводом: все, что по взаимному распространению, следуя взаимному наследованию, порождается, — смертно, а если душа будет бессмертной, то она не будет порождаться. Отцы западные, хотя и не все то же самое думали, большей частью, однако, этого мнения придерживались. Августин в томе 3, Иларию⁴⁴ в 10 книге «О Троице». Иероним⁴⁵ же так *traducem* осуждал, что даже анафемой угрожал тем, кто *traducem* полагал. Григорий Первый⁴⁶ в каком-то Письме спрашивает: если душа из одной и той же сущности вместе с плотью рождается, то почему так же с телом не умирает? Из философов все Платоники и Пифагорейцы и всякий, кто думает, что души существуют от века, то же самое утверждают. И Аристотель в книге 2 «О душе» говорит: ψυχή (душа) извне приходит⁴⁷. Цицерон в книге 1 «Тускуланских бесед» говорит: душ нигде на свете происхождение найти не возможно⁴⁸. Впрочем, это доводами философскими подкрепляется.

⁴¹ Феодорит, епископ Киррский (393 — ок. 458/466) — ранневизантийский богослов и историк, причисленный православной церковью к лику блаженных.

⁴² Святой Григорий, епископ Нисский (335–394) — Отец Церкви, один из крупнейших греческих философов и богословов, в творениях которого прослеживается влияние платонизма.

⁴³ Аполлинарий (ок. 315–390) — епископ Лаодикийский, противник ереси арианства, сам впадший в ересь, названную его именем (аполлинаризм). Против него впоследствии решительно выступал Августин.

⁴⁴ Иларию Пиктавийский (Иларию из Пуатье, 315–367) — гало-римский церковный деятель, богослов и писатель, защитник никейского исповедания в борьбе против арианства, Отец Церкви.

⁴⁵ Святой Иероним Стридонский (Иероним Блаженный, 347–420) — Отец Церкви, переводчик Библии на латинский язык и комментатор Священного Писания.

⁴⁶ Григорий I Великий (ок. 540–604) — Отец Церкви, римский папа в 590–604 годах и реформатор Западной Церкви.

⁴⁷ Arist. De Anima II, 2, 413b 25–27. Аристотель здесь рассуждает об уме/интеллекте, νοῦς, и созерцательной способности, θεωρητικὴ δύναμις, которые он считает другим родом души и противопоставляет остальным ее частям. Он, однако, ничего не говорит о происхождении ума. Это место Вультей цитирует более точно ниже (см. примеч. 66).

⁴⁸ Выражение, ставшее крылатым: *animorum nulla in terris origo inveniri potest*. См.: Cic. Tusc. Disput. I, 27, 66.

I. Душа разумная не портится, но и не оставляет испорченного тела. Вследствие этого, через порождение она ни возникает, ни выводится. Ведь когда причина положена, тогда действие полагается, так что, отрицая одно, и другое отвергнуть необходимо.

II. Если душа от души распространяется, то посредством некоего семени это делаться должно: семя же либо телесным будет, либо духовным. Если телесным [семя будет], то душа также будет телесной, что ложно. В случае если семя духовное, то оно либо подвержено порче, либо нет. Если предположить первое, то душа тленна, если второе, то из него следует, что и нетленное когда-нибудь погибнет и извратится. Ведь из семени того или рождается душа или не рождается. Если рождается, то принимает иную форму, в противном же случае либо возвращается туда, откуда [семя] отпало, либо остается, либо гибнет, но не возвращается и не остается — гибнет, стало быть. В случае, если [семя] гибнет, значит, оно не нетленно.

III. Если душа существует *ex traduce*, то она или из плоти, или из души: не из плоти, потому что случиться не может, чтобы из того, что тело есть, возникло бы не-тело. Если из души — то либо из целого, либо из части. Не из части, потому что проста душа и неделима, и не из целого, ибо с этой точки зрения в случае, если бы кто кого-нибудь породил, то давал бы ему душу всю, и так сам погибал.

IV. Ни одна действующая сила не действует вне своего рода. Душа мыслящая превосходит весь род тел, так как действие имеет над всеми возвышенное, каковым является мышление. Ни одна, следовательно, сила телесная (*virtus corporea*) произвести не может душу мыслящую, но всякое действие силы, которая присутствует в семени, совершается через посредство некой силы телесной, как показал Фома Аквинский⁴⁹ во 2 книге [Суммы] «Против язычников», параграф 86.

V. Если через семени перемещение (*per seminis traductione*) душа распространяется, тогда она в этом семени была бы либо силой (*δυνάμις*), либо деятельностью (*ἐνέργεια*). Деятельностью она быть не может, во-первых, потому, что душа мыслящая, из всего совершеннейшая, нуждается в теле, членов и органов разнообразие имеющем, посредством коего действия свои многочисленные осуществлять могла бы.

Во-вторых, так как душа не может быть разделена на основании случайных признаков (*per accidens*), следуя за делением тела, потому что ни в одной его части нет первого действия (энтелехии, *ἐντελέχεια*)⁵⁰. Ни силой [душа не может быть], ибо сила действующая, которая в семени есть, действует для порождения через изменение тела. Действительно, никак иначе сила действующая, которая в материи есть, действовать не может. Всякая же форма, которая посредством изменения материи начинается, имеет все в себе от материи зависящее в силу того, что преобразование материи переводит ее из возможности в действительность (*de potentia in actum*). Душа, с другой стороны, не есть форма, зависящая от материи.

⁴⁹ Фома Аквинский, Аквинат (1225/1226–1274) — знаменитый богослов и философ-схоласт, прозванный католической церковью Князем Философов и Ангельским Доктором. Автор монументальных компендиумов средневекового знания: «Суммы теологии» и «Суммы против язычников», цитируемой Вультеем. Поставив на место безличного перводвигателя Аристотеля христианского Бога, Аквинат смог добиться окончательного синтеза перипатетической онтологии и католической теологии. Перводвигатель ему был необходим также в качестве одного из доказательств бытия Бога. Модернизированное учение Фомы Аквинского, неотомизм, до сих пор остается официальной доктриной римской церкви.

⁵⁰ Другим важным значением концепта *ἐντελέχεια* является «бытие в действительности», «актуально сущее», «наличное бытие».

Но на это выдвигается в качестве возражения: 1. Если бы душа не существовала *ex traduce*, не было бы греха первородного. Однако это очевидно ложно. Следствием посылки [это] доказывается, так как душа грехом первородным заражена была бы или через себя или случайно. Через себя зараженной быть не может, потому что такой она была бы либо Богом грешной творимой, либо сама собой и добровольно [от греха] отгораживалась. Но первое богохульство, а последнее неправда — так как на самом деле младенцы, в утробах материнских существующие, разума употребления не имеют, вследствие этого они ничего для себя желать и говорить не могут. Ни даже случайно [душа] не заражается, потому что это происходило бы или из-за наслаждения, которое родители в соитии ощущают, или от того, что тело в греховном зачатии напрягается. Первый [аргумент] недействителен, во-первых, потому, что наслаждение это в своем роде дурным не является, ибо оно дозволено и Богом разрешено. Во-вторых, так прегрешения частью и не более [душа] пропитывается — ведь наслаждение это не есть весь грех первородный. В-третьих, потому что души нет в семени, чтобы оно было первым действием (энтелехией, *ἐντελέχεια*) тела физического и органического, в возможности (*potentia*) жизнью обладающего⁵¹.

Дальнейшее также непоследовательно. 1. Ибо так Бог, творец греха, устроил, что хотя и знал, что душа от тела не заражается, все же ее с телом соединил. 2. Поскольку нелепо телесно и неблагородно действовать в бестелесном и благородном, так как всякое действующее всегда то, в чем действует, превосходит. Душа, следовательно, *ex traduce* существует.

Ответ. Так некоторые полагают, единственно тем доводом движимые, однако, ради истинности его выяснения, [тот довод] рассмотреть должно. 1. Ничего Бог не творит, что бы навеки не было установлено. 2. Все Бога решения (*decreta*) суть справедливейшие и неизменные. 3. Хотя Бог относительно себя самого все свои решения словно в один и тот же миг исполнил, однако относительно вещей — осуществление их определенному порядку, одно за другим, и определенному времени должно быть препоручено — некоему причин порядку. 4. Адам, когда в творении своем воспринял справедливость, воспринял ее не как частное лицо, но как корень всего рода человеческого. 5. И так как Адам, когда в своем непослушании согрешил, всех этих отличий лишился не как частное [лицо], но как глава рода человеческого. 6. В грехе первородном, следовательно, два [греха]: послушание Адама, бесспорно, словно главы нашей, справедливейшим образом нам вменяемое, и самой природы порча, что истинно явствует из 5 главы Послания к Римлянам⁵², где противоположение (*antithesis*) есть между Христом и Адамом. Ибо в справедливости Христа две части есть, а именно: благодать, то есть заслуга или удовлетворение, и дар через посредство благодати, то есть возрождение (*regeneratio*). Когда, следовательно, мы говорим, что душа от союза с телом грехом заражается, не то мы говорим, что в собственном смысле и физически тело действует на душу, но что как в то мгновение, в которое Бог душу мыслящую, им сотворенную, с телом в греховном зачатии соединяет и из их сочетания возникает человек, так в то же самое мгновение и послушание Адама всему этому человеку вменяется, а также еще сама зараза⁵³ и склонность ко злу. Далее, душа также от союза с телом заражается грехом, так как вследствие пер-

⁵¹ Arist. *De Anima* II, 1, 412a 27: ἡ ψυχὴ ἐστὶν ἐντελέχεια ἡ πρώτη σώματος φυσικοῦ δυνάμει ζῶντος ἔχοντος.

⁵² Автором «Послания к Римлянам» является апостол Павел.

⁵³ От соприкосновения с первородным грехом.

вого того послушания заражение самой души производится по справедливейшему Божьему вменению. И потому Бог творцом греха не может быть определен. Ведь от союза души с телом пагуба эта следует не сама по себе, но случайно, потому что если бы Адам не согрешил, Бог, тем не менее, [душу и тело] соединил. И Бог не постановил, чтобы [Адам] согрешил, но грех предвидевший, воспрепятствовать не пожелал. С другой стороны, Божья воля является справедливейшей и не должно нам проникать в Его тайны, кои Павел глубинами, полными сокровищ, называет⁵⁴.

Возражение второе из главы [книги] Бытия 47: все души, которые вышли из стегна Иакова. Отвечает Августин к Марцеллину, что это синекдоха. Ибо именем души весь человек обозначается по части, без сомнения, благороднейшей. Далее, души называются вышедшими из Иакова, потому что сила семени Иакова действовала для связи души с телом, располагая материю тела к принятию души. Что же касается сущности разумной души, [то] хотя бы [душа разумная] от родителей и меньше всего зависела, но вся была от Бога, однако так как она Богом творится не снаружи от материи тела, но в самом теле и только в материи тела свое бытие (εἶναι) получает, то ввиду этого [душа разумная] некоторым определенным образом родителями порожденной называется, но не потому, что к сущности (οὐσίαν), а потому, что к ее бытию (εἶναι), где она и начинается (ὑπάρχειν), это имеет отношение.

Всякое живое существо порождающее производит себе подобное по образу и в рождении совершенном. Следовательно, либо человек не производит себе подобного по образу и его порождение менее совершенно [порождения животных], либо душа существует *ex traduce*.

Отвечаю. Каждое порождающее производит себе подобное, но расположением материи и силой семени либо к формы совершенству [стремится], либо к ее принятию. В таком случае их форма сущностная выведена из материи, эта последняя порождает форму, которая, однако, не выведена — [материя] лишь способна к обретению формы. Но это человека менее совершенным не делает — совершеннее скорее, потому что в человеческом зародыше, ради его совершенствования, не человек один, но сам Бог постоянно, словно первопричина, требуется.

Душу Бог творит во всех людях. Следовательно, когда кто-либо вследствие прелюбодения рождается, тогда Бог грех прелюбодения одобряет.

Отвечаю. Различать должно между действием прелюбодения и намерением. Действие ведь принадлежит к роду благ самих по себе, намерение же — дурное. Бог, поэтому, само действие одобряет, но не намерение греховное, с действием этим по случайности совпадающее.

Бог, как говорится, отдыхает от всех трудов своих.

Отвечаю. Отдыхает Бог, то есть перестал творить новые виды, но управлять и распространять либо непосредственно, либо опосредованно, — не перестал. Далее, Бог прекратил творить то, что к творению мира относилось. Все ведь было совершенным и весьма хорошим.

⁵⁴ Ср.: Послание к Римлянам, 11, 33: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!».

Бытие, глава 9, и Левит, глава 17. Душа, говорится, содержится в крови, следовательно, как кровь переносится, — так и душа, в особенности, когда семя из крови выпарено.

Отвечаю. Душа, говорилось, содержится в крови не сущностью своей, но действием, то есть жизнью. Есть ведь жизнь в крови, потому что кровь есть перевозчик духа (*spiritus*); при духа недостатке недостает крови, при крови недостатке — не хватает тепла, и так душе недостает орудия, с помощью которого действовать могла бы.

Сыновья большей частью по душевному складу родителям подобными рождаются.

Отвечаю. Это не происходит всегда, а если случается, то по причине не переноса (*traducem*), но того, что то же самый смешение элементов (*temperamentum*) сыновья получают вместе со смешением родителей⁵⁵. Мало того, если бы души переносились (*traduceretur*), то [души сыновей] всегда подобными становились бы душам родителей, однако — не всегда делаются подобными, а потому не переносятся.

Души растительная и чувствующая распространяются вместе с семенем, так как существуют в зародыше до дальнейшего совершенства: питается ведь зародыш, увеличивается и двигается. Что же касается человека, то у него одна и та же и единственная душа есть: растительная, чувствующая и мыслящая, и мыслящая, следовательно, вместе с семенем распространяется.

Отвечаю. Растительная и чувствующая эта способность, в зародыше обнаруживаемая, является не душой, но скорее неким предрасположением (*dispositio*), которое то, что для совершенства зародыша потребно, обеспечить может. И это предрасположение по достижении высшей человеческой сущностной формы прекращается. Конечно, когда говорится, что мыслящая [душа] одно и то же есть вместе с растительной и чувствительной [душой], то мы понимаем, что это истинно о человеке совершенном, а не об эмбрионе.

Если тело начинает возникать во время деления семени (*decisione seminis*), то тогда и душа начинается. Но если есть предшествующее, следовательно, будет и последующее.

Последовательность этого положения доказывается. Если бы, в самом деле, не одновременно [тело и душа] возникали, то из этого бы следовало, что одно и то же и предшествующее, и последующее, ибо из души и тела делается человек и человек один есть. Однако нелепо, чтобы нечто было себя самого предшествующим и последующим, итак, нелепо, — и тело и душа не возникают одновременно.

Отвечаю. Хотя и признается, что тело человека образуется прежде, нежели душа творится, все же отсюда не следует, что тот же самый человек будет раньше себя самого, поскольку как одно лишь тело не есть человек, так и одна лишь душа человеком не является. Следует, напротив, что некоторая часть человека другой [части] предшествует, что не нелепо — ведь и материя предшествует форме.

Все, что живет, живет через посредство души. Что же касается семени, то оно живет посредством души в таком случае.

Мнение доказывается, во-первых, потому, что [семя] от живущего отпадает. Во-вторых, в виду того, что в семени проявляется тепло жизненное и воздействие жизни, что суть вещи живой признаки.

⁵⁵ См. примечание 2.

Отвечаю. Семя живет не действием (*actu*), но возможностью (*potentia*), как учит Аристотель в книге 2 «О душе», главе 1: «семя же, говорит, и плод суть именно такое тело [душою обладающее] в возможности» (*σπέρμα καὶ ὁ καρπὸς τὸ δύναμιτι τοιοῦδ' ὁσάμα*)⁵⁶. Что же о [семени] говорится, будто оно потому живет, что от живущего отпадает, то это истинно только покуда оно есть в теле живущего, в коем также тепло свое имеет, какое [тепло] вне тела, однако, рассеивается и погибает. Впрочем, об этом всем изящно написал Фома из Аквина в книге 2 «Против язычников» в главах 88 и 89. Скажем, итак, что душа не существует *ex traduce*, но в само мгновение рождения, когда сама материя до такой степени расположена, что способной становится к принятию формы сущностной окончательной (*forma substantialis ultima*), которая человека делает из зародыша, [душа] Богом непосредственно в самом теле сотворяется. Другой вопрос — о души уничтожении: бесспорно ли душа бессмертна или же вместе с телом гибнет. О бессмертном чем-либо двумя способами говорится: либо просто и безусловно, через себя и свою природу, каковым образом Бог один бессмертен, либо, хотя на нет его собственная природа свести может, по Божьей, однако, воле оно в высшем состоянии пребывает и не умирает, как обо всех ангелах и душе разумной, бессмертием обладающих, говорить должно. Существовали, с другой стороны, те, кто души смертными считал, из которых одни, что души гибнут вплоть до воскресения, полагают, другие — просто умирают, думают.

Против вышеупомянутых [авторов] явствуют Писания свидетельства: Матфей 10, Лука 23, Деяния Святых Апостолов 10, Лука 16, в истории устроения пиршества и Лазаря, Екклесиаст 12, Матфей 22. Далее, конечно, Бог обещает жизнь вечную верующим. Однако, она ни у кого не могла бы продолжаться, если бы душа вечно не жила: [послание] к Римлянам 8, Апокалипсис 6. Последние [авторы], считавшие, что души полностью гибнут, на две группы разделяются: одни принимают Писание, другие не принимают.

Против первых те же доводы имеют силу, которые уже мы привели и, кроме того, что в первую очередь вся погибнет религия, в случае если души вместе с телами умирают, так что ни одно, ни другое не воскреснет. Первое [послание] к Коринфянам 15⁵⁷. Во-вторых, Христос напрасно умер. В-третьих, тщетными были бы все обещания жизни вечной и угрозы наказания против нечестивцев.

С теми, кто Писания не признает, в бой вступить должно в соответствии со свидетельствами философов, выводами физиков, как, например, у Фокилида⁵⁸ душа является бессмертной.

Также у Трисмегиста⁵⁹: человек двойствен: в соответствии с телом — смертен, сообразно с душой же, которая сущность человека составляет, — бессмертен (*ἀνθρώπος*

⁵⁶ Arist. De Anima II, 1, 412b 29.

⁵⁷ «Послания к коринфянам» являются творением апостола Павла.

⁵⁸ Фокилид из Милета — греческий поэт VI в. до н. э., сохранившийся в отрывках. Вультеем, по-видимому, цитируется т. н. Псевдо-Фокилид, автор позднейшей эпохи, популярный в Германии эпохи Реформации.

⁵⁹ Герметизм представляет собой совокупность нескольких религиозно-философских и мистических традиций, возводивших себя к Гермесу Трисмегисту (Триждывеличайшему), мифическому египетскому мудрецу и чародею, и не является единым учением. Существовали два основных, вполне независимых, течения: неоплатонический герметизм в Италии и алхимический герметизм в Германии. Герметизм оказал значительное влияние на философов (Кампанелла и Бруно) и алхимиков и врачей (Парацельс) эпохи Возрождения и раннего Нового времени. Некоторые ученые считают его одним из предтеч современного естествознания. Вультей ссылается на *Corpus Hermeticum*, сборник из восемнадцати греческих трактатов, написанных в первые века нашей эры, который был переведен в XV веке на латинский язык флорентийским гуманистом Фичино. См. монографию: *Ebeling F.* (2007). *The Secret History of Hermes Trismegistus. Hermeticism from Ancient to Modern Times.* Ithaca and London.

διπλοῦς διὰ τε σῶμα θνητός, ἀθάνατος δὲ διὰ ψυχὴν τῇ οὖσι ὁδε ἄνθρωπον). Также Пифагор [говорит, что] мужеством богов род смертных наделен (θάρασει ἐπεὶ θεῶν γένος οἷσι βροτοῖσιν).

Анаксагора приводит Аристотель: он утверждает, что она [душа] бессмертна, потому что сходна с бессмертными существами (φησὶ γὰρ αὐτὴν ἀθάνατον εἶναι διὰ τὸ εἰκέναι τοῖς ἀθανάτοις)⁶⁰. Платон в Федоне⁶¹ этот довод разбирает пространно и изящно, и Платону следует Цицерон. Сенека в книге 8 «О воспитании Кира», в красивой речи Кира, готовившегося умереть, [этот аргумент] использовал⁶².

У Перипатетиков, хотя бы Аристотель и был хитроумным, а также двусмысленным, есть, однако, места некие, в которых они убеждают в том, что душа бессмертна: в 1 книге «Никомаховой этики», главе 11. Если бы [Аристотель] полагал душу смертной, то он не вывел бы заключения: «оказывается тогда, что на мертвых влияет в какой-то мере хорошее поведение их друзей» (συμβάλλεσθαι μὲν οὖν τι φαίνονται τοῖς κεκηνηκόσιν αἱ εὐπραξίαι τῶν φίλων)⁶³: то ведь, чего нет, ни счастливым, ни несчастным быть не может. 10 книга «Никомаховой этики», главы 7 и 8, ум человеческий называет божественным (θεῖον) и сродственным богам. В 1 книге «О душе», главе 1 [Аристотель говорит]: «если же имеется какая-нибудь деятельность или состояние, свойственное одной лишь душе, то она могла бы существовать отдельно от тела» (εἰ μὲν οὖν ἔστι τι τῶν τῆς ψυχῆς ἔργων ἢ παθημάτων ἰδίον ἐνδέχοιτ' ἂν αὐτὴν χωρίζεσθαι)⁶⁴. Равным образом, в 1 книге «О душе», главе 4: «что касается ума, то он, будучи некоторой сущностью, появляется, по-видимому, внутри [души] и не разрушается» (ὁ δὲ νοῦς ἔοικεν ἐγγίνεσθαι οὐσία τις οὔσα καὶ οὐ φθείρεσθαι)⁶⁵. Во 2 книге «О душе», главе 2: «кажется, что они [ум и способность к умозрению] иной род души и что только эти способности могут существовать отдельно» (ἀλλ' ἔοικε ψυχῆς γένος ἕτερον εἶναι, καὶ τοῦτο μόνον ἐνδέχεσθαι χωρίζεσθαι καθάπερ τὸ αἰδίων τι)⁶⁶. В третьей книге «О душе», главе 5 [Философ утверждает]: «и этот ум существует отдельно и не подвержен ничему, он ни с чем не смешан» (καὶ οὗτος ὁ νοῦς χωριστὸς καὶ ἀπαθὴς καὶ ἀμίγης, τῇ οὐσίᾳ)⁶⁷. Во 2 книге «О частях животных», в главе 3, исследуя, существует ли душа в семени, он отвечает, что душа растительная и чувствующая наличествуют в семени не действием, но возможностью. Затем [Аристотель] исследует, откуда действительно берет начало душа: прежде ли она как-то существовала или же возникает вместе с телом. Первое он отрицает, о растительной, однако, и чувствительной, говорит, что они врожденные, так как их действие телесно, и они без тела быть не в состоянии, а ведь действия ума человеческого телесными не являются. Итак, Аристотель заключает: «остает-

⁶⁰ Arist. De Anima I, 2, 405a 29 — 405b 1. Ошибка Вультея: здесь приводятся высказывания не философа Анаксагора из Клазомен (ок. 500—428 до н. э.), которые в тексте Аристотеля расположены чуть ниже, а Алкмеона из Кротона, греческой колонии в Италии, врача и философа-пифагорейца, жившего VI—V вв. до н. э.

⁶¹ В «Федоне» Платон повествует о последних часах жизни Сократа в тюрьме. В ожидании казни Сократ с верными учениками беседует о существовании души после ее освобождения от тела и о бесстрашии перед смертью.

⁶² По-видимому, Вультей допустил ошибку, так как трактат «О воспитании Кира» («Киропедия») был написан не римским философом-стоиком Луцием Аннеем Сенекой (4 до н. э. — 65 н. э.), а учеником Сократа, выдающимся историком и писателем Ксенофонтом около 370 года до н. э.

⁶³ Arist. E. N. I, XI, 1101b 6—7.

⁶⁴ Arist. De Anima I, 1, 403a 10.

⁶⁵ Arist. De Anima I, 4, 408b 18.

⁶⁶ Arist. De Anima II, 2, 413b 25—27.

⁶⁷ Arist. De Anima III, 5, 430a 17.

ся только разуму входить извне и ему одному быть божественным» (λείπεται δὴ τὸν νοῦν μόνον θύραθεν ἐλπεῖσθαι καὶ θεῖον εἶναι μόνον)⁶⁸.

Положения, которыми это подтвердить можно, следующие.

I. Все, что прекращается, по трем причинам конец свой принимает: потому ли, что на части оно разлагается, тогда как душа неделима, ибо ведь это дух (*spiritus*), или от того, что свою форму покидает, однако душа сама по себе форма есть простая, или потому, что оно не поддерживается своим подлежащим, как случайное или привходящее (*accidentia sive adjuncta*). Однако лучше сказать, что душа сама тело поддерживает.

II. Подобно тому, как любая вещь ведет себя по отношению к действиям (*operationes*), точно так же — по отношению к бытию (*τὸ εἶναι*). Ум же человеческий не только телесные и преходящие вещи постигает, но также и нематериальное, бестелесное, вечное и нетленное. Действительно, познание (*cognitio*) есть не что иное, как вещей познаваемых, в духе (*animus*) воспринимаемых, образ отчетливый. Итак, не может статься, чтобы и сама душа не была бессмертна.

III. Если душа собственным обладает действием, которое без органа телесного осуществлять может, то ее даже возможно отделить от тела. Но первое истинно, истинно тогда и второе.

Мнение доказывается примером тех, кто экстаз испытывает, кои много превосходнейшее и более божественное понимают, нежели умом [пользуясь], чувствами подавленным, и чем больше ум от чувств освобождается (*abstrahitur*), тем совершеннее познает.

То, что является тленным, от сильного предмета (*objectum*) повреждается.

Но от сильного познаваемого [предмета] обостряется, скорее, и совершенствуется ум (*intellectus*), в таком случае, он нетленный. Свойственный разумному влечению предмет есть благо всеобщее и, прежде всего, Бог. Душа, следовательно, бессмертна. Основание для заключения есть, во-первых, потому, что между вещью желающей и вещью желаемой должно быть соотношение, ибо всякий лишь себе подобному радуется. Воля, следовательно, когда к вечному благу стремится, и сама вечной необходимым образом является. Во-вторых, так как ум (*mens*) человеческий по стремлению своему подобен ангелам — коим же подобными являются действия, тем же подобна и природа. С другой стороны, ангелы бессмертны, и душа — вследствие этого. В-третьих, по месту, в котором каждая вещь естественным образом отдыхает, познается то, какой является вещи той природа: стремление разумное (*appetitus rationalis*), притом что всех благ желает, ко всему этому однако стремится из-за Бога, высшего блага, для того чтобы его достигнуть. Поэтому ума человеческого природа божественной и бессмертной является. Ум человеческий, чем больше от тела отвлекается, тем блаженнее работает в своих действиях, как интеллекта, так и воли, действие же каждой вещи природу показывает. Итак, душа, целиком от тела отделенная, совершеннее будет, и потому не погибнет. Всякой формы порча производится либо из-за действия противоположного, либо от порчи подлежащего, либо вследствие недостатка целевой причины (*causa*), от которой зависит. Однако душа противоположности не имеет, и тело не есть подлежащее души, и душа не зависит от тела, а потому не портится. Бог и природа ничего не делают напрасно: действительно, Бог уму человеческому способность сообщил естественную, которая все умопостигаемое способна воспринять, [Бог сообщил] естественную также потребность, которая знать хочет все, в первую очередь, конечно, Бога постичь.

⁶⁸ Arist. De Gener. Animal. II, 3, 736b 27–28.

Это, однако, все совершалось бы впустую, если бы человек Ему не был сопричастным. Но такое не происходит в сей жизни. Добавляют Богословы тоже аргумент от провидения и справедливости Бога, который еще сам Платон не скрывал. Когда же Бог о делах всей вселенной, и, в первую очередь, о людских [делах] печется, и по всей справедливости добрых он подлинно любит и наградами наделяет, дурных — ненавидит и наказывает, душе бессмертной быть надлежит, потому что в сей жизни противоположное обычно случается, как мы видим. Того же рода [аргумент] от религии и мудрости Бога.

Возражение I

Все, что имеет начало, то да и конец приемлет, душа же начало имеет.

Отвечаю на суждение. Все, что имеет начало, разумеется, естественное, то и конец получит. Но душа начало имеет не естественным образом, но по творению новому. Далее, предложение это (что все, что имеет начало, то да и конец приемлет) двумя способами понимать можно: одним, что у того, что не является вечным, но сделано, природа собственная конец принять может, другим, что всему, что начало имеет, на самом деле конец придет. С первым способом мы согласимся — душа такой есть природы, что прекратиться может, последний [способ] ложен, и это явно удостоверяется примером ангелов.

Возражение II

Никакой нет сущности, которая бы не имела никакого действия, однако душа, от тела отделенная, никак не действует: ведь действия души совершаются через посредство органов телесных. Итак, когда душа органов телесных лишается, тогда несколько действовать не может.

Отвечаю. Действия души осуществляются посредством органов, но не все. В самом деле, интеллекта и воли действия не производятся через орган какой-нибудь телесный, ведь в душах наших понятия (ἔννοιαι) некие заложены, коих от чувств нет, для того чтобы интеллект кое-что и без мысленных образов (*phantasmatibus*), от чувства воспринимаемых, познавал. Далее, когда душа с телом соединена, она в большинстве случаев мыслит (*intellegit*), опосредствуясь мысленными образами, отделенная же [от тела] она иным способом действует. Все, конечно, действует, следуя этому, сообразно с тем, что существует. Ибо, пока душа есть в теле, если даже действием ее собственным является мышление и оно не зависит от тела, тем не менее, упомянутое действие [души] едва ли могло бы производиться без мысленных образов, вне же тела [душа] мыслит частью с помощью памяти мысленных образов, частью — через видение сверхъестественное (*intuitum supernaturalem*) идей и форм в Боге. Что как раз Аристотель в книге I «О душе» говорит: человека интеллект повреждается некой внутренней порчей⁶⁹ — это понимать должно и о действии интеллекта, которого без мысленных образов быть не может, но иной, как я сказал, есть способ мышления вне тела. И, безусловно, не идет вразрез [с этим] то, что говорит Аристотель в книге 3 «О душе», в главе 5: нам то, что в сей жизни мы знали, после смерти не припомнится⁷⁰. «Припоминаться» ведь понимается двояко: одним способом это являлось бы тем же самым, что восстановить в памяти, чего не сможет произойти без органа телесного, [о чем и говорит] Аристотель, а другим [способом это понимается]

⁶⁹ См.: Arist. De Anima I, 4, 408b 18–31. Идентичные слова в комментарии Фомы к Arist. De Anima III, 5: «quodam interius corrupto» (Thomas Aquinas, Sentencia libri De anima, Lectio 10, 744).

⁷⁰ См.: Arist. De Anima III, 5, 430a 20–25.

непрямо, как было бы, если то познанное (*cognita*), которое память в душе удерживает, сразу бы удерживалось в интеллекте.

Возражение III

Чем ближе смерть угрожает телу, уже болезнью истощенному, тем больше, как обнаруживается, душа сил утрачивает. Действительно, не внешние лишь чувства гибнут, но и внутренние, и не одни они меркнут, но и интеллект, кажется, совсем немногим острее мыслит, — следовательно, когда тело полностью погибает, полностью также гибнет дух (*animus*).

Отвечаю через отрицание предыдущего, так как души мыслящей силы настолько становятся крепче, насколько больше тело слабеет. Ибо, подобно тому, как жизнь тела во влаги и тепла должной мере состоит, так тогда тело умирает, говорится, когда или жар рассеет влагу, или влага жар погасит. Ибо, подлинно, влага для жара является пищей, с другой стороны, жар есть повозка духа (*spiritus*), дух же — жизненный посредник между душой и телом; ввиду этого, когда влага постепенно иссыкает, душа также постепенно оставляет тело, которое животворила. С отсутствием же влаги прекращается жар, с его ослаблением меркнет дух, но хотя душа животворить и перестает, она, однако, не уничтожается. Мало того, чем больше членов покидает душа, тем сильнее в обиталище ума сосредоточивается, потому что она меньше всего в теле управлением тогда занята, о чем опыт достаточно учит, когда мы видим, что умирающие тайны познают и будущее неким образом предсказывают, чего бы душа, телом скованная, не смогла. Занятая же в этих низших [делах], она меньше собственной обязанности себя посвящать может, так как, за многим следя, чувство [становится] более слабым для каждого отдельного [дела].

Возражение IV

Если бы в погибающем теле душа становилась сильнее и счастливее, то не уходила бы болезненно из тела. Напротив, она, конечно, болезненно исходит из тела.

Отвечаю. Душа из тела болезненно исходит не от того, что себя погибающей считает, но, во-первых, вследствие теснейшей их [тела и души] взаимной связи, с помощью которой человек единый и целый формируется. Во-вторых, так как она знала, что от тела немалые благодеяния получила. В-третьих, пока душа была в теле, она знала, где находится, выйдя [из тела], естественно, не знает ни того, где находится, ни того, куда следует идти.

Возражение V

То, что не подвержено бренности (*mortalitatis*), то и от волнений (*perturbationes*) кажется свободным. Однако, душа во множество потрясений вовлекается.

Итак, отвечаю. Причина волнений души не в том, что она является бренной, но, во-первых, потому, что она наличествует в теле, волнениям и изменениям подверженном. Во-вторых, из-за прегрешения. Душа ведь себя телу отдала из любви к нему, и по благосклонности к нему запутывается в разных желаниях. В наказание, таким образом, за прегрешение, потрясениям душа подвержена, откуда [следует], что сущность ее несколько не исчезает.

Возражение VI

Формы нет без подлежащего (*subjectum*), душа же есть форма тела.

Отвечаю. Некоторые [богословы и философы], различая между формами, из коих одни выведены из возможности природы, другие не выведены, [утверждают], что пер-

вые не существуют без подлежащего, а последние — существуют. Тогда как душа не выведена из возможности материи, то она без подлежащего существовать может. Однако, более истинным будет отрицание этого мнения. Душа на самом деле формой тела не является, но — той скрепой (*vinculum*), которая душу и тело воедино связывает, [и ее] истинной формой человека назвать должно.

Возражение VII

Душа чувствующая тленна. Но душа чувствующая к той же самой сущности принадлежит, что и [душа] мыслящая. Следовательно, и мыслящая — тленна⁷¹.

Отвечаю на мнение: душа чувствующая подвергается порче лишь в той мере, [в какой подвергаются порче] действия ее, при недостаточности, разумеется, органов тела, без коих чувствующая эта способность действия свои осуществлять не может. С другой же стороны, действия отличать надлежит от сущности души.

Возражение VIII

Карою за прегрешение является смерть. И, как о душе, так и о теле говорится: душа, которая согрешила, умирает.

Отвечаю. Как душа, так и тело своим собственным способом в каре за грех погибают. Тело умирает, когда отделяется душа от тела. Душа же, — когда отделяется от благодати и жизни вечной. Но, право слово, о такой смерти здесь мы не будем вести исследование.

Однако, о души успении кое-какие [аргументы] даже обычно представляют.

[I.] Обо всем человеке говорится, когда он умер, что он спит.

Отвечаю. Это об одном лишь трупе, который, наподобие спящих, в могиле лежит, понимать следует. Ибо чаще всего частицы ее [души] для тела связывания добавляются (очевидно, во прахе и в могиле): Иов главы 7 и 21, Псалом 87. Далее, Христос также весь уснул, говорится, в то время как душа его пребывает в раю.

II. Из мест Священного Писания, где день последний предвещается, [значит, что] благочестивые будут приняты на небо, нечестивые же низвергнуты во ад. Это, следовательно, не совершится быстрее, чем день этот наступит.

Отвечаю. Конечно, двойственно во славе вечной участие начатое и завершенное. По поводу полного участия в вечной жизни мы признаем, что оно не произойдет раньше последнего дня, однако о начатом [участии] Писание иначе говорит:

III. «Не надейтесь на князей, на сына человеческого, в котором нет спасения. Выходит дух его, и он возвращается в землю свою, в тот день исчезают все помышления его»⁷². Люди, следовательно, после смерти ничего более не познают и душа всех мыслей лишается.

Отвечаю, Дух (*spiritus*) и душа, как говорится, выходят из тела, и в результате возвращается, о чудо, человек, лишенный духа, туда, где жил и останавливался! В отношении же того, что говорят о том, что все его мысли гибнут, то это так понимать должно, как если бы все его решения, в сей жизни принятые, со смертью делались ничтожными.

⁷¹ См. об этом у Фомы Аквинского: *Summa Theol.* I, 75, 6.

⁷² Псалом 145, 3, 4.

IV. Из отдельных мест Писания можно прочесть, что человек есть дух, который проходит и не приходит назад. Равным же образом человеческий дух уходит и не возвращается, Псалмы 78 и 89 и Книга Мудрости 16.

Отвечаю, смысл псалма 78 [состоит в следующем]: потому не пожелал Бог целиком погубить народ свой, что принял во внимание то, что человек — плоть и дух летучий, то есть вещь жалкая и жизнь весьма хрупкая.

V. Не умершие восхвалят Тебя, Господи, Псалом 30, Исайя 38, Екклесиаст 37.

Отвечаю, хвала состоит из двух частей: одна, которую в сей жизни мы перед другими возносим Божьей милости, чтобы их по нашему примеру к тому же самому восхвалению побудить. Другая [часть хвалы Господа] — та, которая душам праведников в другой жизни предназначена.

[VI.] Иов, глава 3, проклял рождения своего день.

Отвечаю. Сказано, словно человек, страданием подавленный, [говорил], по ощущению и суждению плоти. Обычно ведь такие люди потому смерти желают, что конец она принесет всем теперешним бедствиям, но в дальнейшем не предвидят, что произойдет.

Итак, заключим, что душа человеческая бессмертна и, от тела освобожденная, не засыпает и не погибает, но выживает и мышлением тогда больше всего занятой оказывается. Но напротив, души зверей смертны и со смертью тела сами также погибают. Что от тела неотделимо, то не бессмертно, души зверей — неотделимы от тела, так как собственного действия без тела не имеют. Ведь во звериных душах нет какого-либо действия, превосходящего действия способности чувствительной. Но, конечно, эти действия без тела осуществляться не могут. Впрочем, о душе достаточно. Теперь о теле.

Тело само по себе ствол есть и вещь почти мертвая, если бы душой той, о которой мы сказали, оно не поддерживалось и не управлялось. Оно, как на самом деле и остальное, чуть ли не все [сущее], из четырех стихий надлежащего смешения (*temperatura*), вместе с приводящими первокачествами, — горячим и холодным, влажным и сухим, — сплавленным является⁷³. По изумительной Бога предусмотрительности члены в целесообразный телесный организм между собой связаны. Частей тела три: Голова, Живот и Ноги, и у каждой из них свои есть члены, частью внешние, частью внутренние. Всего [тела] совершенство заключается в красоте и правильности членов любой части, а также в изящном их между собой расположении.

Что же касается головы, то она, напоминая круглую, совершенную самого мира форму, высшее занимает положение, как всех остальных частей повелитель (*princeps*).

Ее верхней части часть передняя лбом называется, задняя — затылком, [сверху] — в волоса для украшения одетое темя, оно также называется главой рассудка и чувств мастерской (*officina*)⁷⁴. В мозге, словно на высшем престоле, разум, как царь, вдоль и поперек управляя, место занимает, как считается. Разуму, кроме чувств внешних, фантазия во лбу, память — в затылке, служат. Нервы чувствительные, естественно, от мозга, по большей части, отводятся.

Голова небольшим промежутком присоединенной шеи в середине туловища с ним соединена и удобно сверху расположена.

⁷³ См. примечания 2 и 5.

⁷⁴ См. след. примечание.

Затем следуют крепкие и сильные плечи, из которых по обеим сторонам руки, сухожилиями, мышцами предплечья и мускулами образованные, благодаря сгибанию и выпрямлению локтей пригодные для разных нужд, выступают. Завершением их являются кисти: у каждой из них четыре пальца разделяются на три сустава и большой только палец — на два. Чудесная природы мастерская (*naturae fabrica*)⁷⁵ достигла того, что пальцы, благодаря гибким сочленениям (*commixturae*), в кулак сжимаясь, и, вместе с вогнутой ладонью как будто способные [превратиться] в прямую линию, для многих дел исполнения чрезвычайно приноровлены. Между ними [руками] грудная клетка находится, в передней своей части, каковая есть грудь, костями, ради сохранения предсердия и жизненных органов, превосходно соединенная. Здесь у женщин молочные железы для питания детей выдаются, на кончиках коих — соски, ради сосания устроенные.

Груды желудок подлежит, вовсе без костей, брюхом покрытый и выступающий, посередине пуп имеющий и кишки содержащий; в глубине расположена брюшная полость — здесь, для пола различения, половые органы, но сзади находится спина, которой частями являются хребет, чресла и крестец. Там — позвонки, для изгиба пригодные, к сидению также определенными местами, благодаря шарообразным массам плоти, приспособленные. Этот груз, словно две колонны, поддерживают большие ноги, у бедер крупные скопления плоти имеющие, [далее] следуют постепенно колени, подобающим образом сгибающиеся для хождения, для сидения, с коими соединены голени, точеными икрами выдающимися превосходно укрепленные. Самыми последними являются две стопы, усиленные лодыжкой, пятой и подошвой, всего тела они суть основание, у них пальцы, весьма короткие, концы занимают, на оные [пальцы] опираясь, тело сие, стоя, сидя, бегая и иным способом двигая, мы носим повсюду.

Таковы внешние эти части тела, которые в глаза бросаются, но внутренние от взора, однако, нашего наружными членами сокрыты.

Среди этих внутренних частей тела суть три, которые главное место занимают: Мозг в голове, Сердце в груди и Печень в животе. Мозгу разум приписывают, от коего нервы начало берут, духов животных (*spiritus animales*) переносчики. Сердцу дается Гнев, откуда [начинаются] артерии, коими дух жизненный (*spiritus vitalis*) переносится по всему телу, и добрая часть вен, которыми кровь все больше и больше, силою сердца очистившись, разгоняется. Печени, наконец, желание [приписывают], оттуда некоторые небольшие вены от полой вены распространяются, и с ними духи естественные (*spiritus naturales*) проистекают, как полагают⁷⁶. Какие-либо остальные части тела этим [органам] служат.

И в голове, к тому же, рот пищу и питье принимает, ради измельчения которых и пережевывания зубы вставлены в десны, из них передние и острые [пищу] кусанием делают, задние — обрабатывают и пережевывают. Переработанное язык принимает и, с влаги прибавлением, также с помощью неба, придавливая, глотка же — к желудку направляет. Туда проникая, [пища] соседних частей общим сочетанием и сжиманием от жара перемешивается, расплавляется, в желудочный сок (*chilus*) превращается. Оттуда чистейший и превосходный сок, коим люди питаются, в печень протекает, искусней-

⁷⁵ Ср.: *De Fabrica Corporis Humani* «О строении человеческого тела» — титул знаменитого анатомического трактата Везалия. В его русском переводе во многом утрачивается «ремесленное» сознание слова *fabrica*. Метафора «человек-мастерская» (*fabrica*), распространившаяся в эпоху Возрождения, предшествует метафоре «человек-машина» (*L'Homme Machine* — название трактата Ж. Ламетри), символизирующей механистическое мировоззрение Галилея, Декарта, Гоббса и Ньютона.

⁷⁶ См. примечание 4.

шую крови мастерскую (officinam), каковой [сок] вместе с духом (spiritus) по всему телу растекается. Однако остатки желчи белой или черной более тонкие — желчный пузырь, черные и грубые [остатки] — селезенка принимает, а из всего тонкое, разбавленное и влажное уносится к почкам, оттуда — ниже кишечника и мочевого пузыря, который влагой этой наполняется, эта последняя, по мере сохранения выделяясь, мочой называется. У женщин там же все это находится, за исключением того, что с мочевым пузырем соединена матка, ради зародыша зачатия. Отделенные, сходным образом бесполезные, пищи остатки более плотные, благодаря многочисленным и долгим кишок изгибам, вокруг себя скрученным, природа своевременно отбрасывает и извергает.

Источником жизни является Сердце, которое получило местопребывание посреди грудной клетки; оно по непрерывным толчкам осязаемо, каковые толчки производятся движением дыхания двойным то через систолу, то через диастолу. Вокруг сердца, мехов наврод, легкие расположены, рыхлостью некой губкам подобные, в гибкости устойчивые. Двигается же и ступает тело частью своей передней, потому что в этой части органы главные и лучшие расположены, для управления более пригодные, но менее удобно назад [двигаться], налево или направо. Возвышается и возносится [тело] кверху, да так, что важное все вниз обращено. Оттуда [сверху] разные действия тела, [осуществляемые] руками, ногами и при помощи всего тела, видны. Но об этом Физики⁷⁷ и Медики более точны.

Итак, дух человека образовался, тело же, которое для него словно местообиталище и жилище украшенное, человека складывает, и если ему и то и другое, столь значительное, как мы сказали, выпадает на долю, то он совершенным и во всех своих членах и частях законченным считаться будет. Однако, поскольку человек не для себя одного рожден, но и для родины, родителей и друзей; мало того, каждый из них какой-нибудь части для себя требует; и, хотя в себе самом рассмотренный, совершенным человек покажется, многого, все-таки, ему будет недоставать, если только он не воздаст им [родине, родителям и друзьям] каждому своего. Когда ведь человек по природе своей является животным общественным (ζῷον πολιτικόν⁷⁸), то есть животным, к связи и обществу с кем-нибудь стремящимся, несчастнейшим он станет, если этого также не достигнет.

Общность эта частная есть либо публичная. Частная — семья, публичная — Государство (Respublica). В обеих [общностях] власть (imperium) некоторая имеется, в первой — умеренная, во второй — всеобщая. [Умеренная власть] мужа над женой, родителей над детьми, господ над рабами, хозяев над слугами или подручными. Эта [власть] либо одного есть, либо многих. Одного — монархия, многих — аристократия, где знать, либо — демократия, где весь народ высшую имеет власть.

Все эти [формы власти] многими способами вырождаются и испорченными делаются. Ксенофонт в книгах своих «О воспитании Кира»⁷⁹ не частного какого-то человека наставлял, но человека, в государственных делах занятого, повелителя во всех ролях самого неограниченного, к кому ничто или, во всяком случае, едва ли что-нибудь вообще, прибавить можно. Хотя он [повелитель] не больше в природе вещей сы-

⁷⁷ «Физикой» называлась в XVI–XVII веках натурфилософия, а физика, в свою очередь, первое время именовалась натурфилософией, напр.: «Математические основы натуральной философии», Philosophiae Naturalis Principia Mathematica Исаака Ньютона, 1687 года. В Англии эта традиция сохраняется вплоть до XIX века: даже У. Томсон (лорд Кельвин) будет некоторое время профессором of Natural Philosophy.

⁷⁸ Ср.: Arist. Pol. I, 1253a 9.

⁷⁹ См. примечание 62.

шется, чем Государство Платона⁸⁰, Оратор Цицерона⁸¹, Улисс Гомера⁸² или Эней Вергилия⁸³, обсуждение, однако, сего [правителя] в высшей степени полезно, поскольку в этом изящнейшем зеркале всякий то, что ему недостает, и то, каким образом пятна устранить он должен, узреть сможет. И, конечно, не изобразит [зеркало] безучастного какого-нибудь философа или Архимеда, который, поглощенный созерцанием или Геометрическими фигурами, того, что город был взят, не понял, и даже солдата, мечом его пронзающего, не заметил⁸⁴, но человека [зеркало изобразит], посреди рода человеческого помещенного, и в деяния, пользы общей касающиеся, вовлеченного, ко-его политиком мы называем. Он, однако, в делах занят не каких угодно (ведь и ума некоторые действия от дел человеческих отделены: одни из них естественными являются всецело, другие же — сверхъестественными), но — человеческих, которые от всего того, о чем выше мы говорили, зависят, как считается. О поступках тогда человеческих сказать следует. Поступки человеческие суть то, что начало берет от людьми сказанного и сделанного под руководством воли. Итак, есть воля, поступков человеческих вожакая, [которая] или к разуму, или к душе силу низшую направит в делах стремления и избегания. Смотря по тому, как воля по-разному поражается, — либо от всякого недуга свободная, как у мудреца, либо страстями (*perturbationes*) терзаемая, как у невоздержных или безумных, либо страхом предстоящего зла, — столь же разнообразно [воля] к деятельности побуждаться имеет обыкновение. Действия ее — либо сказанное, либо сделанное. Отсюда добродетели и красноречия достоинства проистекают. В обоих [достоинствах] заключены планы (*consilia*), из коих добродетель благоразумия распространяется. Осуществляются же [добродетели] публично или частно, во время мира или во время войны. Управляются они науками нравственной, домашней и гражданской, то есть Этикой, экономикой и политикой. Одна собой управлять учит, другая — семьей, третья — Государством. Первая — мужа доброго, вторая — доброго отца, третья — доброго гражданина воспитывает. Этика, конечно, идет сначала, за ней следует экономика, наконец — политика, которая хотя обеим им подчинена, однако их даже превосходит. Сперва ведь у себя самого власть разума установить подобает, в чем справедливости полной и законов всех суть (*summa*) состоит, нежели в семье и, [все же], прежде в семье, чем в Государстве. Эти три науки имеют целью власть и послушание. Этика, понятно, душой — над телом, разумом — над желаниями властвовать учит, тело, напротив, — душе, желание — разуму повиноваться принуждает, впрочем, об Этике уже достаточно.

⁸⁰ «Государство» (*Respublica*) — крупнейший диалог Платона, в котором его участники обсуждают проект оптимального государственного строя, где философам, воплощающим разумную душу, предоставлена верховная власть.

⁸¹ В диалоге «Об ораторе» Цицерона обсуждаются вопросы теории и практики ораторского искусства, его отношения к философии и праву, рассматриваются условия, необходимые для появления идеального оратора. Герой диалога Марк Антоний говорит о редкости совершенных ораторов (*De Orat.* I, 28).

⁸² Улисс (Одиссей) — царь Итаки, участник троянской войны, главное действующее лицо «Одиссеи», эпопеи Гомера. Имя Улисса, отличавшегося чрезвычайной изобретательностью и хитростью, стало нарицательным.

⁸³ Легенда гласит, что Эней, троянский принц, спасшийся из гибнущей Трои, стал впоследствии прародителем римского народа. Это предание легло в основу эпической поэмы «Энеида» великого римского поэта Вергилия (70–19 до н. э.).

⁸⁴ Архимед погиб при взятии Сиракуз римскими войсками в 211 г. до н. э. Вультей делает аллюзию на известный анекдот о гибели Архимеда, которого пронзил мечом римский солдат, в то время как тот делал чертеж на песке.

Экономия существует между мужем и женой, родителями и детьми, господами и рабами, хозяевами и слугами, которые все в понятие фамилии включаются. Фамилии глава именуется отец семейства (*paterfamilias*), коего в доме есть власть и всеобщее распоряжение. Его супруга, если ее он имеет, матерью семейства (*materfamilias*) называется. Жена у римлян рассматривалась двояким образом: либо она была под властью мужа (*in manu*), либо не была (*habebatur in usu*)⁸⁵. *In manu* [жена] могла быть, когда она мужу становилась вместо дочери. Муж, со своей стороны, ей бы был вместо отца. *Usu habebatur* — это когда она, не попадая под власть мужа, но полноправной оставаясь, с мужем сойдется, о чем Геллий⁸⁶, книга 3, глава 2. Ныне под супругой мы такую понимаем [женщину], которая, следуя законам, с мужем неразрывную жизни связь имеет. Сожительство (*concubinatus*) же, как дело недозволенное и дурной пример, по праву осуждается. Невеста (*sponsa*), хотя ей как нельзя больше подходит имя супруги, однако власти жениха еще не подчиняется, до тех пор, пока брак на самом деле (*de facto*) посредством совокупления не свершится. По его свершению жена становится таковой в действительности и затем власти мужней подчиняться начинает, если только он не раб или не во власти отца своего. Владычество мужа над женой из-за разнообразия времен было разным. Ромул⁸⁷, помимо того, что мужу всю власть над женой дал, разрешил ему даже супругу убить, в особенности же — если во время прелюбодеяния она застигнута была, если ребенка подменила (*si partum supposuisset*), если вино пила; но суровость эта по большей части упразднена. Бог (3 глава Бытия) все выразил, кажется, когда сказал Еве: «желание твое будет у мужа твоего, и будет он господствовать над тобою»⁸⁸. Из детей одни законные, другие — незаконные. Законные суть те, кто по одному лишь закону, либо по закону и природе одновременно, детьми нашим называются. Эти последние из брака появляются, первые — из усыновления или признания. Незаконные рождаются в результате сношения недозволенного, как законами, так и природой воспрещенного. Законами, например, [зачатые] в сожительстве дети естественными (*naturales*) именуются, в распутстве либо пороке — [порожденными от неизвестного отца (*spuriis*), считаются]. По природе [незаконные дети] — рождены вследствие прелюбодеяния или кровосмешения. Законные в отцовской находятся власти, незаконные — не находятся. Отцовская власть (*patria potestas*) есть особое право, коим отец пользуется по отношению к детям. Это право состоит в приобретении, во власти над жизнью и смертью и в [возможности] продажи детей.

Последние два пункта отвергнуты, первый в определенных случаях неизменным остается. Дети, в свою очередь, родителям своим обязаны послушанием, то есть — любовью и должное благоговение им выказывать. Рабов или невольников теперь упразднено состояние в большинстве мест. Рабство это по праву войны возникло, тогда как все по природе свободны. Между ними [рабами] никакого не было различия, порядок [среди них], однако, некоторый соблюдался. Ведь [рабы] превосходили друг друга по основанию деяний и обязанностей, которые им для исполнения поручались.

После того, как рабство однажды было введено, одни рабами рождались, другие — становились. Рождались — от матери рабыни или служанки, несколько отца не прини-

⁸⁵ См.: Gai Institut. I, 110.

⁸⁶ Авл Геллий — римский писатель II в. н. э. Герман Вультей ссылается на его компилятивное произведение «Аттические ночи» (*Noctes Atticae*) в XX книгах.

⁸⁷ Ромул — полумифический основатель Рима, первый римский царь и законодатель, правил в 754/753–717/716 гг. до н. э.

⁸⁸ *Desiderium tuum erit ad maritum tuum, ipseque dominabitur tibi.*

мая во внимание, свободный ли он или раб. Становились [рабами] по праву народов (*jure gentium*), либо по праву гражданскому (*jure civili*). По праву народов, например, — пленом на войне, по праву гражданскому — если кто ради получения части цены или для осуществления какой-либо сделки продаже бы подвергся⁸⁹.

Было действительно это владычество тирании подобно, когда господину позволялось по поводу раба что угодно по прихоти и произволу решать, без обоснованной даже причины. Ибо рабы ни во что не ставились и мертвыми [в гражданском плане] были, и потому в голосе раба голос хозяина воспринимался. Рабы, когда на волю откупались, отпущенниками делались, господа, со своей стороны, патронами являлись, коим они [отпущенники] услугами были обязаны и имущества своего изрядную часть уступить были должны. Ибо не было свободнорожденного, который от одной лишь матери свободной рождался. Тем не менее, вольноотпущенники права, которыми были наделены свободнорожденные, обретали, если права ношения золотых колец от государя (*principe*) добавлялись, по соглашению с патроном восстанавливались в правах рождения императором, то есть в прежнее состояние свободы возвращались, так, чтобы решительно никаких они не признавали патронов и не только правом свободнорожденных пользовались, а как если бы свободнорожденными на самом деле были. Вот это — о Рабах.

Слуг или прислужников положение отличается. Они ведь свободны и их употребление у нас частое. Но, однако, с поденщиками они совершенно не схожи. Ибо тот, кто наемников нанимает, над ними решительно никакой не имеет власти и не может, хотя бы и очень этого хотел, их поправлять, а это все хозяину относительно прислужников разрешается. Хозяин же слугу, пока тот слуга, порицать может, умеренно, впрочем. Слуга, в свою очередь, хозяину своему обязан службою, почитанием и покорностью. И по отношению к ним рассматриваются поступки частные и домашние, но несколько не публичные.

Общественные дела и слова — почти народные, отсюда — Государство (*Respublica*) недурно иными называется делом общественным. Таким же образом Государство определяется от того, что одному и тому же владычеству подчиняются множество семейств или товариществ, и тот — гражданин, кто общей свободой пользуется и защитой власти. Некоторым подобием Государства являются Экономия или Товарищество (*Collegium*). Мало того, эти два подобия для всех дел государственных — словно основания. Пусть даже семья без Государства существовать сможет, Государство, однако, без семьи — не сумеет, не более чем город без домов или дом без фундамента. Но все же Государство не состоит из одной только семьи или из пяти товариществ. Ибо пятнадцать, по меньшей мере, лиц Государство образуют, если силой законной власти вместе объединяются, как Апулей⁹⁰ юрисконсультам передает⁹¹. В свой черед, пять лиц семью образуют, три — товарищество. Если бы семьи или коллегии друг от друга отделились и общию властью не сдерживались, то анархия была бы, а не Государство. И неважно, чтобы семейства, которые для образования Государства служат, в едином также ме-

⁸⁹ Ср.: Marc., 1, Institut., Dig. 1, 5, 5, 1.

⁹⁰ Апулей — римский писатель II века н. э., родом из Мадавы в Северной Африке, автор знаменитого плутовского романа «Метаморфозы, или Золотой осел».

⁹¹ Обвиненный в чародействе, Апулей выступил на суде перед римскими магистратами с блестящей защитительной речью (*Apologia*), которая обеспечила ему полное оправдание и легла затем в основу одноименного произведения. Оратор издевается над обвинением, вызвавшим на суд пятнадцать рабов в качестве свидетелей, и далее говорит о том, что столько же свободных людей уже являются народом (*populus*) (*Apol.* 47, 6).

сте обитали, достаточно, если той же самой объемлются властью. Ведь Государства состояние (status) в конце концов определяется точно так же, как гражданская община (civitas) определяется властью и законами одними и теми же, город — и властью, и законами, и стенами одними и теми же, так что городом [охватываются] кварталы и улицы, гражданской общиной — села, а подчас и города, и поселения, общностью права соединенные; владычеством — много общин; Государством, наконец, как бы некий род всего этого обнимается.

От этого положения отличается, по большей части, управление, которое просматривается в декретах и эдиктах и их исполнении; этими тремя [орудиями управления] вся власть, обязанности, должности (magistratus), почести в Государстве охватываются. Власть в Государстве — либо верховного правителя (summi principis), либо должностного лица (magistratus)⁹². Первая [власть] — высшая есть, последняя — от нее зависит. У верховной власти четыре есть части. Первая [состоит] в назначении должностных лиц. Вторая — в законов внесении и отмене. Третья — в войны объявлении и мира заключении. Четвертая — в наград присуждении и кар наложении и, как следствие, — в высшей власти жизни и смерти.

Должностное лицо есть тот, кто власти государственной некоторую часть имеет. Должностные лица одни старшие есть, другие — младшие. Старший есть тот, кто выше себя, кроме государя, никого не признает. Младший — тот, кто и государя, и другого чиновника над собой имеет. У римлян должности одни городские были, другие — провинциальные. Городские старшие [должности] были консул⁹³, претор⁹⁴, диктатор⁹⁵ и интеррекс [междучарь]. Провинциальные старшие: проконсул⁹⁶, пропретор⁹⁷, презид⁹⁸. Младшие были эдилы⁹⁹ и квесторы¹⁰⁰.

Обязанности в государстве существуют либо городские, либо военные. Эти последние о делах и порядке военном пекутся, первые же — о внутренней власти, советах, снабжении города продовольствием, расходах, казне, дорогах, постройках, воспитании юношества и религии. Все повинности или обязанности властью тех, кто в Государстве первое место занимает, определяются.

В дальнейшем к иным повинностям ни достоинство, ни жалованье, ни власть какая-либо [уже] не присоединялась, чему подвергались те, кто военную, охранную, сторожевую службу в городах несли; какое-то жалование они, правда, получали, но малопо-

⁹² Вультей здесь и далее имеет в виду в первую очередь римских магистратов: их отличали выборность, срочность (избирались на срок от шести до восемнадцати месяцев) и коллегиальность (кроме диктатора). Должности магистратов были почетными и не оплачивались.

⁹³ Высшая магистратура, выборная должность республиканского Рима; как правило, ежегодно было два консула, год назывался по их именам (они были эпонимами).

⁹⁴ Преторы в первую очередь обладали судебной властью над гражданами, равно как и над негражданами (перегринами).

⁹⁵ Диктатор избирался на шесть месяцев в условиях крайней опасности, грозящей Республике, и пользовался фактически неограниченной властью.

⁹⁶ Проконсулы, по обыкновению бывшие консулы, управляли завоеванными территориями (провинциями). Их произвол вошел в пословицу.

⁹⁷ Экс-претор, так же, как и экс-консул, мог получить наместничество в провинции (пропреторство).

⁹⁸ Наместник в провинции.

⁹⁹ Эдилы были ответственны за храмы, рынки, водопроводы, зрелища и другие элементы общественной инфраструктуры города Рима.

¹⁰⁰ Квесторы — помощники консулов по судебным и финансовым вопросам (заведовали казной и т.п.)

четное, как ликторы¹⁰¹ и те, кто нечистоты городов убирать имеет обыкновение. Кое-кто имеет жалование хотя и достойное, но без чести, как откупщики (*publicani*), писцы, секретари. Иные и почет имеют, и вознаграждение, но без каких-либо властных полномочий, как понтифики¹⁰² и легаты¹⁰³; некоторые — в великой чести, но без дохода и без власти, как любые лица сенаторского сословия; одни обладают и почетом, и властью, но без жалования, каковы обязанности должностных лиц, как-то: консулов, преторов, цензоров¹⁰⁴, трибунов¹⁰⁵ и прочих в этом роде; другие, наконец, — и жалование, и честь имеющие, как все почти те, кто правосудие отправляет. Тогда как сначала мы сказали, что в практических науках (*practicae disciplinae*) две [вещи нужно] иметь в виду, а именно: власть и повиновение, — в политике, конечно, власть будет [принадлежать] правителю верховному и должностным лицам, повиновение выпадет на долю подданных. Государь¹⁰⁶ управляет, внося законы, которые велят что-нибудь или воспрещают, и если они не соблюдаются, [то за этим] кара следует. Подданные, со своей стороны, законы, государем изданные, соблюдать будут, лишь бы те здравого рассудка суждению соответствовали, закону Бога или природы не противоречили. Государь через чиновников законы свои проводит и все, что ко благу и пользе Государства пригодным представляется, обеспечивает. Должностное лицо всю власть свою от государя имеет, так что по благоусмотрению государя, который один безраздельную и безусловную имеет власть, оно может быть отозвано. Так долго, следовательно, и подчиненные должны им почести оказывать будут, и должное послушание за этим последует. Впрочем, то, каким образом законы должны учреждаться, и то, каким образом поступки в согласии с законом должны воспитываться, к другой принадлежит науке. Достаточно нам будет главное показать и источники, из коих черпать можно, указать.

Итак, совершенство человека состоит в добродетели и действии добродетели, как ума, так и воли, из коих одно — человека в себе самом рассмотренного, другое — человека в Государстве находящегося во всех своих членах и частях до совершенства доводит.

¹⁰¹ В Риме ликторы были телохранителями высших должностных лиц и осуществляли исполнение наказаний. У консулов было по 12 ликторов, у преторов — по 6, диктаторов сопровождало 24 ликтора.

¹⁰² Самая знаменитая коллегия римских жрецов, ведавшая, помимо прочего, составлением календаря. Ее главой, великим понтификом, в позднюю эпоху мог быть только император.

¹⁰³ Послы Римского народа. Легатами также назывались помощники главнокомандующего и провинциальные наместники.

¹⁰⁴ Цензоры осуществляли ценз (перепись граждан) и следили за нравами.

¹⁰⁵ Народные трибуны защищали интересы плебеев, имели право интерцессии (заступничества) и вето в сенате. Личность трибуна обладала сакральным статусом, его убийство каралось как святотатство.

¹⁰⁶ Переводящееся как «государь», латинское *princeps* обозначало правителя, неограниченная власть которого, тем не менее, обладала известными конституционными и даже «демократическими» атрибутами. Так, Август, первый принцепс, повелевавший всеми вооруженными силами Средиземноморья, претендовал скорее на власть своего авторитета, нежели силы; он был народным трибуном, великим понтификом, неоднократно избирался консулом и т.п.

ОДИССЕЯ ПРОФЕССОРА ЧЕТВЕРИКОВА

Н. Ю. Стоюхина

*Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия,
e-mail: natast0@rambler.ru*

В. А. Мазиллов

*Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского,
Ярославль, Россия,
e-mail: v.mazilov@yuspu.org*

Статья посвящена описанию жизненного пути и работ русского ученого И. П. Четверикова. В настоящей статье предпринимается попытка собрать информацию из опубликованных и архивных источников, сопоставляя их. Основное содержание статьи базируется на новых данных и сведениях, полученных авторами статьи в архивах. Обнаруженные авторами статьи тексты рукописей И. П. Четверикова, готовые к публикации, позволяют утверждать, что в двадцатые годы XX в. в стране работал крупный методолог психологии, работы которого до сих пор абсолютно неизвестны психологическому сообществу. Текст рукописи «Эмпиризм в психологии» (1929) свидетельствует, что автор продолжает традиции отечественной методологии (Н. Н. Ланге, В. Н. Ивановский, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, С. Л. Рубинштейн и др.). В статье приводятся выдержки из работы И. П. Четверикова, свидетельствующие о глубине проведенного автором исследования развития мировой психологической науки в конце XIX — начале XX в. Можно полагать, что после публикации рукописей оценка вклада И. П. Четверикова в психологию существенно изменится, а его имя займет достойное место среди методологов психологической науки в нашей стране.

Ключевые слова: психология, история психологии, И. П. Четвериков, репрессии, психологи русского зарубежья, методология, кризис психологии, эмпиризм, психотехника.

DOI: 10.7868/S181926531804012X

Для цитаты: Стоюхина Н. Ю., Мазиллов В.А. (2018). Одиссея профессора Четверикова // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 141–159.

Два мира есть у человека:
Один, который нас творил,
Другой, который мы от века
Творим по мере наших сил.

Н. Заболоцкий

В последние два десятилетия расширилось количество и проблематика историко-психологических исследований, в центре которых находятся люди не первого ряда науки (Дорфман, 2008; Костригин, 2017; Левченко, 2008; Мазилев, 2015; Носкова, 2006; Стояхина, 2010 и др.); для таких исследований «требуется отказ от исходящей из иерархической ценностной логики историко-литературной доксы и выбор такой исследовательской оптики (и связанной с ней этической позиции по отношению к объекту), которая способна ухватить “шум” современности, этос и вкус “обычных” людей» (Маликова, 2014, с. 134).

В 2019 г. исполняется 50 лет со дня смерти большого ученого драматической и загадочной судьбы — Ивана Пименовича Четверикова (1875–1969). Драматизм его судьбы в том, что он забыт потомками, в то время, как всю жизнь был активным преподавателем и ученым, служил во множестве институтов, за свою долгую жизнь сменив несколько мест проживания и оставив материальный след в виде двух десятков публикаций (И. Ч.; 1944а; 1944б; 1944в; Четвериков, 1903; 1905а; 1905б; 1908а; 1908б; 1910; 1916; 1924; 1926; 1931; 1944г; 1947а; 1947б; 1948а; 1948б; 1952; 1955; 1997). Удивляешься тому, что множество людей, чьи пути пересекались с Четвериковым, не упоминают его в своих мемуарах, хотя иногда кажется: ну вот-вот, на следующей странице будет его имя... Это не первая наша статья о И. П. Четверикове (Стояхина, 2015; Стояхина, Мазилев, 2016; Стояхина, Мазилев, 2017) и, учитывая скудость и запутанность информации в официальных источниках, мы понимаем — поиск фактов и попытка выстраивания интеллектуальной биографии ученого труден, и ответы на многие вопросы найдутся не скоро, поэтому каждый раз мы стараемся публиковать ранее неизвестные данные.

Во многом нам помогла изданная в Украине энциклопедия «Киевская духовная академия в именах: 1819–1924», посвященная 400-летию Киево-Могилянской академии (Київська духовна академія в іменах, 2015–2016). 648 имен выпускников, преподавателей, ректоров, инспекторов включили киевские коллеги в двухтомник, и один очерк — выпускнике Киевской духовной академии и преподавателе Иване Пименовиче Четверикове (1875–1969). Статью о нем, написанную М. Л. Ткачук, сегодня можно считать наиболее полной и точной (Ткачук, 2016). Также мы благодарим родственников Четверикова, бережно собирающих материалы о своем предке.

Наверное, первая справка об Иване Пименовиче была у Н. Зернова:

«ЧЕТВЕРИКОВ, Иван Пименович. 1880–1969. Родился 10 января. По окончании Киевской Духовной Академии, получил командировку в Германию для усовершенствования своих знаний. Профессор Киевской Академии. Ссылки и тюрьмы при советской власти. В 1941 г. мобилизован в Красную Армию. По окончании войны остался в Германии. Одно время преподавал в Богословском Институте в Париже. Читал лекции о православии во многих городах Германии. Умер 2 октября в Штутгарте» (Русские писатели эмиграции, 1973, с. 144). Здесь много ошибок (о чем становится известно только сейчас), и их тиражировали ученые, интересовавшиеся Четвериковым (Мазилев, 2015; Нивьер, 2007; Искусство как язык — языки искусства, 2017; Профессора Таврического национального университета, 2007; Профессора ЯГПУ, 2008; Российское научное зарубежье, 2010; Стояхина, 2015; Ульяновкина, 2010), — к сожалению, так бывает; уточнение внесли киевские коллеги, работавшие с документами И. П. Четверикова, хранящимися в Киевском архиве, и П. В. Сизинцев — на основании Форму-

лярного Списка Святейшего Синода (Сизинцев, 2016а). Таким образом был установлен год рождения — 1875, а вот причина, по которой И. П. Четвериков изменил дату рождения, остается непонятной. Конечно, мы продвинулись в своих поисках, но работы предстоит еще много.

Итак, первые документы Ивана Пименовича говорят, что у лихвинского мещанина Пимена Петрова Четверикова и законной жены его Анны Ивановны, православных, 6 января 1875 г. родился сын Иоанн, крещен 9 января того же года. После окончания Венёвского духовного училища он поступил в Тульскую духовную семинарию, а по окончании ее в 1895 г. поехал учиться в Киевскую духовную академию по исторической группе наук. Его выпускная работа «Богословско-философские основания учения о Боге как о личном существе» было оценено Советом КДА высшим баллом (рецензенты доц. П. П. Кудрявцев, проф. М. Ф. Ястребов).

После получения степени кандидата богословия в 1899 г. Четвериков стал преподавателем русского языка с церковно-славянским в Екатеринодарском епархиальном училище. Через три месяца — 9 декабря 1899 г. — приказом обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева Иван Четвериков получил определение в Калужскую духовную семинарию на должность преподавателя сразу нескольких дисциплин: логики, психологии, начальных оснований и краткой истории философии, дидактики Сизинцев, 2016а), из-за недостатков преподавательских кадров преподавал математику в первом классе и немецкий язык (Ткачук, 2016, с. 796). Затем, с 1910 г. добавились Высшие женские курсы А. В. Жекулиной, Фребелевский женский педагогический институт, Музыкально-драматическая школа М. К. Лесневич-Носовой, в 1913–1914 гг. — летние земские учительские курсы в Херсоне, и, конечно, Киевская

духовная академия (КДА), где карьера строилась не так гладко.

По данным М. Л. Ткачук, с 1 июня 1905 г. по 15 августа 1908 г. Иван Пименович стажировался в Лейпцигском, Мюнхенском и Геттингенском университетах, стал членом Института экспериментальной психологии Вундта. Его участие в семинарах в Лейпцигском университете (В. Вундт, Г. О. Клемм, И. Фолькельт и др.), Мюнхенском (Т. Липпс, М. Шеллер, И. Ранке, Г. Шпет) и Геттингском (Г. Мюллер, Э. Гуссерль) университетах пригодились, когда, вернувшись в Киев, он включил полученные знания о тенденциях развития науки в курс лекций для слушателей КДА 1905–1906 уч. г., в т.ч. знания по экспериментальной психологии, на что обратил внимание архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий), познакомившись с программой лекционного курса при проверке работы КДА в марте–апреле 1908 г.

Проверка в Академии была не случайной. Как пишет историк церкви Н. Ю. Сухова, в конце XIX — начале XX в. политическая жизнь Российской империи повлияла и на жизнь Церкви, произошло разделение сотрудников корпораций, в частности, КДА, на «кадетов» и «церковников», как они сами себя называли. «В КДА эта коллизия была наиболее жесткой, так как эта академия более, чем другие, была связана с монастырской жизнью, стабильным ритмом, который взрывался происходившим» (Сухова, 2013, с. 79). «Кадеты» считали, что школа должна изменяться вместе с жизнью, отвечая на ее запросы, а «церковники» ждали от церкви ориентации только на «вечное», а не «мирское». Противостояние этих групп обострилось после 1905 г., к тому же в преддверии нового Устава были введены временные правила, не удовлетворившие всех сотрудников четырех академий. Рассогласование нарастало, и в 1908 г. по указу Синода провели

архиерейскую проверку в этих учреждениях. «Наиболее тяжелой оказалась ревизия для КДА: реальные проблемы и нестроения, существовавшие в академической жизни, были рассмотрены через критическую призму ревизора — архиепископа Антония (Храповицкого), — отношения которого с киевской духовно-академической корпорацией были напряженными еще в 1905 г. Ревизия вылилась в конфликт» (там же, с. 80).

Среди прочего архиепископу Антонию не понравилось распространение в стенах православного учебного заведения «наивного шарлатанства психологов-материалистов»:

По кафедре психологии молодой доцент Четвериков прочитал курс в 1905-6 учебном году, взял заграничный отпуск для усовершенствования познаний на год, а потом еще на другой год, заявив в своем прошении о продлении отпуска о чрезвычайной сложности психо-физических экспериментов в заграничных университетах. Не сомневаемся в том, что эти эксперименты весьма сложны, как и в том, что большинство их представляет собою наивное шарлатанство психологов-материалистов: но мы очень сомневаемся в уместности этого метода науки на кафедре православной духовной академии; сомневаемся и в уместности здесь и представленной лектором в 1905-6 году программы своих чтений, где им предложена известная идея первой теории Вундта о психологии «без души» (т.е. об ограничении науки одними душевными явлениями, не касаясь вопроса о самом существовании души), что, впрочем, не мешало молодому доценту едва ли не четверть курса посвятить «метафизической проблеме» психологии об отношении души и тела. Еще менее законными мы считаем для лекторов двухгодичные отпуска за границу в настоящее время, когда все новые мысли заграничных ученых можно узнать в печати, а слушание лекций нужно только юношам, не способным заниматься без

учителя. Далее, весьма жаль, что г-н Четвериков цитирует хотя очень многих ученых, но почти исключительно отрицателей-материалистов, полу-материалистов и атеистов-позитивистов. Вундт и Фехнер, изменившие свои воззрения в сторону спиритуализма, по-видимому, привлекают внимание лектора только первым периодом своего философствования, то есть наклоном к материализму. Конечно, по краткой программе его чтений невозможно со всею решительностью заявить о том, что подобное преподавание в духовной академии вовсе неуместно; невозможно с уверенностью утверждать, что это сознает и сам преподаватель, заявивший в этом году свою кандидатуру на университетскую кафедру, но во всяком случае необходимо рекомендовать руководителю преподавания, Преосвященному ректору Академии, усердно вникать в содержание его лекций и часто посещать их. Возможно, что несомненная любознательность молодого ученого уже подняла его мысль над первоначальным односторонним увлечением, но необходимо в этом убедиться фактически (Антоний, 1909, с. 59).

Выступление Архимандрита Антония инициировало синодальную экспертизу курса лекций Четверикова осенью 1908 г. Экспертом выступал профессор кафедры психологии Санкт-Петербургской духовной академии (СПбДА) В. С. Серебренников, отметивший лишь несколько «недосмотров молодого ученого», точнее, изложение им основных взглядов «не прямо, а посредством критического разбора чужих учений» и некоторое преувеличение значения работ немецких психологов. А вообще оценка Серебренниковым была высокой для молодого преподавателя: «автор любит свой предмет и с большим усердием изучает его, вследствие чего его лекции отличаются свежестью и богатством содержания» (Ткачук, 2016, с. 797).

Возможно, из-за этой проверки ранее выдвинутый Советом КДА на экс-

траординарного профессора по кафедре психологии (вместе с Николаем Гроссу) Иван Пименович утвержден не был, о чем писал коллега Четверикова и его «противник», человек из другой «партии», Д. И. Богдашевский в письме к А. А. Дмитриевскому: «В последнем заседании Совета пришлось вести с кадетами большую борьбу, и последняя закончилась успешно. Во-первых, не допустили до закрытой баллотировки кандидатов, выставленных на сверхштатную экстраординатуру (Гроссу и Четвериков) <...> На штатную кафедру экстраординарного за выходом А. В. Розова избран революционер Кудрявцев, а в сверхштатные представлены: Н. С. Гроссу и Четвериков. Искренно был бы рад, если бы Четверикова в Синоде провалили. Он решительно не заслуживает экстраординатуры, как единомышленник Кудрявцева и человек, не заявивший себя ничем полезным для Академии. В частной жизни это безобразный “субъект”» (Сухова, 2013, с. 93).

Добавим, что «не заявивший себя ничем полезным для Академии» Иван Пименович вместе с профессором кафедры пастырского богословия и педагогики Н. К. Маккавейским в 1915 г. открыли кабинет экспериментальной психологии в КДА.

Еще одна деталь, характеризующая молодого ученого. С 1906 г. в России стали проводиться психологические съезды, Четвериков участвовал в работе Первого съезда по экспериментальной педагогике (1910), Второго съезда по экспериментальной педагогике (1913), Третьего съезда по экспериментальной педагогике (1916). Один из участников Второго съезда, позже известный психолог М. Я. Басов записал впечатление от услышанного им доклада молодого ученого:

Два доклада — Г. И. Челпанова на тему «Современная психология мышления и ее значение для педагогики» и И. П. Четверикова на тему «Феноменологический метод

в психологии и его отношение к эксперименту» — показали, что и сама психология в настоящее время полна исканий. Возникают новые течения, которые всеми доступными средствами стремятся проникнуть в самую глубину наших душевных переживаний, куда до сих пор не проникало психологическое исследование. Господствующая теперь экспериментальная или каузально-генетическая психология уже не в состоянии дать полное удовлетворение пылливому уму новейших исследователей. Она, выбирая в каждом душевном переживании только общие признаки, сознательно игнорирует все индивидуальное в данном процессе, все интимно-личное; она оперирует только с мертвыми психологическими схемами, с общими понятиями, не исчерпывающими сполна всего многообразия конкретной действительности. Затем, те законы, которые ею устанавливаются, не суть законы в собственном смысле, это лишь выражения эмпирических связей психических процессов, сохраняющие свое значение только при определенных условиях их возникновения. Наконец, каузально-генетическая психология совершенно не рассматривает того, в каком отношении каждое отдельное душевное переживание относится к самой переживающей личности, к ее индивидуальному «я». Вот пробелы, которые теперь уже сознаны. Их нужно заполнить. И, с одной стороны, вюрцбургская школа психологии, с другой стороны, совсем еще молодая феноменологическая психология берут на себя эту задачу. Средство для разрешения своих проблем и то и другое течение видят, главным образом, в самонаблюдении, а эксперимент должен занять лишь второстепенное место, как дополнение к самонаблюдению. Но и самонаблюдение здесь уже не то, что в экспериментальной психологии: там оно принципиально не отличается от обычного внешнего наблюдения, так, как переживающий субъект наблюдает собственный душевный процесс только тогда, когда он уж, в сущности, закончен

и для самой пережившей его личности является уже чем-то внешним, чем-то проецированным, так сказать, на периферию самосознания. Новейшая психология признает лишь такое самонаблюдение, в котором переживающая личность как бы сливается с происходящим в ней самой психическим процессом и, находясь, по выражению Гуссерля, в состоянии имманентного созерцания, воспринимает собственное переживание непосредственно во всей полноте его индивидуальных особенностей.

Вюрибургская школа уже значительно упрочилась на своем самостоятельном пути и достигла таких результатов, которые оказываются ценными практически, именно в педагогическом отношении. Это показал Г. И. Челпанов в своей речи. Может быть, еще рано говорить о педагогическом значении феноменологической психологии, более молодой и не успевшей еще достигнуть вполне осязательных результатов, но следует все же отметить, что сами сторонники этого течения (в данном случае И. П. Четвериков) признают тесную связь феноменологической психологии с педагогикой, ибо первая, наряду с своими главнейшими задачами, попутно касается также вопроса об условиях техники и экономики воздействия на чужую психику (Басов, 1914, с. 39).

В 1915 г. Четвериков уходит из КДА, переехав в Юрьев, где работает на кафедре философии в Юрьевском университете. Об этом периоде нам почти ничего пока не известно. Следующий жизненный этап Ивана Пименовича связан с Крымом. Во время Гражданской войны Крым представляется центром расцветшей умственной жизни (Еремеева, 2017).

О необходимости создания в Крыму университета и о его рождении написано достаточно, мы лишь повторим, что весной 1918 г. несколько профессоров, находившихся в Ялте, открыли Физико-математический факультет в Ливадии, первоначально в виде филиала Ки-

евского университета св. Владимира. На летний семестр поступило много местных и приезжих студентов, лекции шли успешно. Ливадийский дворец, где размещался Университет, был неудобен, к тому же было далеко от Ялты, где большинству приходилось жить. Да и правительство Крыма желало иметь Университет в столице — Симферополе, поэтому к осени Университет переехал туда, где и были открыты первые курсы четырех обычных факультетов и агрономического, признанного крайне важным для Крыма с его разнообразными культурами.

В 1918 г. Четвериков был выбран профессором психологии в новый Таврический университет (Четвериков, 1997). Г. В. Вернадский, приехавший туда из Перми, писал: «Симферополь был симпатичный город и в нем мы нашли много милых и интересных людей» (Вернадский, 1995, с. 103). Среди уважаемых коллег-ученых — Б. Д. Греков, А. И. Кадлубовский, Н. К. Гудзий, А. Н. Деревицкий, И. В. Якушкин и др. — были и ученые из КДА: «сблизились мы также с П. П. Кудрявцевым, философом, читавшим историю церкви. Познакомились и с И. П. Четвериковым (философия и психология). Как Кудрявцев, так и Четвериков тоже были верующие православные» (там же). Сохранилась информация об участии Ивана Пименовича в Обществе философских, исторических и социальных знаний при Таврическом университете, образованном в 1919 г. (Филимонов, 2010). «Благодаря тому, что в Крыму собралось по разным обстоятельствам большое количество ученых из разных городов России, многие кафедры Университета были замещены крупными научными силами и состав профессуры несомненно был не ниже такового в столицах. При соответствующей научно-учебной обстановке большая часть этих ученых осталась бы в Таврическом Университете, но вышеуказанные условия жизни и

работы были слишком тягостны (реквизиции помещений под лазареты, общежития санитаров и сестер милосердия и другие учреждения; уплотнения профессорских квартир и комнат; уничтожение возможности научной работы, например, из-за отсутствия дров зимой, когда температура в аудиториях, лабораториях и кабинетах держалась около точки замерзания; крайне скудная обстановка кабинетов и лабораторий в отношении книг, инструментов, препаратов, таблиц и проч. — прим. авторов), и с января 1921 г. началась убыль профессоров, которую едва ли удастся скоро восполнить» (В. О., 1922, с. 29).

После занятия Крыма Красной Армией в ноябре 1920 г., профессора покидали Крым. В удостоверении за подписью А. В. Луначарского, сказано, что Четверикову вместе с женой Аделаидой Адольфовной, ее матерью и семьей коллеги предоставлено право проехать в Москву в отдельном вагоне (Домашний архив...). О драматизме подобных путешествий писала жительница Симферополя С. Н. Шиль: «Многие большевики по приходе большевиков загорелись желанием во чтобы то ни стало ехать домой в Москву. Они поступали так: ехал сначала муж, потом семья ждала вестей или его самого обратно. Другие сымались с места все сразу гуртом — погибать, так погибать вместе! Брали с каким-то сказочными усилиями, не жалея денег, всякие пропуска и ордера, нанимали целый вагон — товарный, конечно. Тогда обивали его изнутри войлоком и коврами как можно теплее; ставили печку, проводили трубу в оконце. Запасались саженью дров, которую складывали в вагоне же. Потом 2–3 семьи располагались в таком вагоне со всем своим добром, с припасами на неизвестно какой срок, и по ордеру отъезжали из Севастополя — может быть, до ближайшей станции, где стояли неизвестно сколько. Так продвигались

от города к городу на Север, и случалось, бывали месяц в пути; две недели до Москвы — это было уже значительно позднее» (Шиль, 2018, с. 235).

По приезде в Москву начались поиски работы, служба в нескольких местах. Об этом сам Иван Пименович писал:

...Я принимал участие в организации Медико-Педологического Института при Наркомздраве и был первым заведующим учебной частью в нем; был заместителем председателя дошкольной секции ГУСа; организовал на собранные моею энергией средства кабинет экспериментальной психологии при Ярославском Гос. Университете. В Ярославле же мною велась большая общественная работа, что может быть засвидетельствовано имеющимися у меня документами: основал и руководил в Ярославле Педагогическим Обществом; провел обследование свыше 1000 учащихся Ярославских школ 1 и 2-й ступени; принимал участие в организации консультационного Бюро для трудновоспитуемых детей и т.п. Моя работа в советских вузах была настолько напряженной, что в 1930 г. я нервно заболел, и Бюро Врачебной Экспертизы, обследовавшее меня, установило инвалидность 2-й степени. Однако через несколько месяцев отдыха я снова принимаюсь за научно-исследовательскую работу сначала научным сотрудником НИИБа, потом профессором психотехнической секции ЦАНИИ, вступаю во Всесоюзное Общество Психотехники, вступаю с докладом на Всесоюзном Съезде Психотехников в 1931 г., реферирую всю текущую литературу по философии и психотехники для «Книжной Летописи» и веду работу в качестве научного сотрудника в Ком. Академии (Домашний архив...).

В этом перечислении Иван Пименович не упоминает по меньшей мере два места работы, бывшие у него в самом начале жизни в Москве: это литературный и художественный вольный кружок «Камена», где он читал лекции по эстетике, и не-

долго существовавшие занятия Московской Духовной академии, изгнанной из Троице-Сергиевской лавры и нашедшей кратковременный приют в Высоко-Петровском мужском монастыре (Стоюхина, Мазиллов, 2016). Была еще Российская академия художественных наук (позже — Государственная академия художественных наук, ГАХН), куда Четвериков пришел на работу в мае 1921 г. (там же).

Будучи членом физико-психологического отделения и даже заместителем заведующего Президиума физико-психологического отделения (1923—1924 гг.), Иван Пименович докладывал об экспериментальной лаборатории. Результатом его научной деятельности в Комиссии по художественному воспитанию в 1923—24 гг. стал доклад «Воспитательное значение эстетических переживаний», а также проект сборника, посвященного художественному воспитанию в античном мире, куда должны были войти следующие статьи: 1) Введение 2) Эстетика в древней Греции (А. Ф. Лосева) 3) Эстетика и проблема художественного воспитания в философии Платона (И. П. Четвериков) 4) Художественно-педагогические воззрения Плутарха (С. И. Радциг) 5) Элементы художественного воспитания в греческих школах (Н. И. Новосадский) 6) Воспитание оратора в древней Греции (С. И. Радциг) 7) Художественное воспитание у Цицерона (Н. Ф. Дератани) 8) Художественное воспитание у Квинтилиана (Н. Ф. Дератани) 9) Эстетическая культура древнего Рима (А. А. Грушка) 10) Особенности художественного стиля искусства древнего Рима (Ф. А. Петровский) (Физико-психологический отдел, 1927/28, с. 16).

Иван Пименович писал в предисловии к будущему сборнику:

В 1927/28 академическом году Комиссия по художественному воспитанию поставила своей задачей изучение истории художественного воспитания, исходя из того соображения, что решение методиче-

ских проблем должно иметь почву в истории. Комиссия хорошо сознавала всю трудность намеченной ею работе. Она должна была идти по совершенно неразработанной целине. Не только в русской, но и в западной литературе нет подобного труда по истории художественного воспитания, если не считать работ <неразб.>, охватывающих отдельные, главным образом, новейшие эпохи, в разрезе профессионального художественного воспитания. Мало места отводилось этой проблеме и в общих курсах по истории педагогики.

С самого начала своей работы Комиссия должна была прийти к тому выводу, что истории, как законченной картины эволюционного процесса, не только описывающей процесс развития, но и уясняющей факты этого развития, она не может дать с самого начала; что ее работа, как первая в этой части, должна ограничиться первым установлением и описанием фактов; что в данной стадии она должна отказаться от применения категории причинности к уяснению целого процесса.

Оказалось, что и самое понятие художественного воспитания остается неопределенным до настоящего времени. Его понимают то как воспитание художника, то как просто ознакомление учащихся с техникой некоторых видов искусства, особенно рисунка, музыки и танцев; то, наконец, как воспитание через искусство, в духе греков. Неопределенность понятия <неразб.>. И к разнообразию в понимании средств художественного воспитания: то это — психолого-педагогические меры, которые могут быть применимы только к детям школьного возраста, то как воздействие на Человека всей художественной культуры эпохи. Комиссия стала на точку зрения греческого понимания художественного воспитания: это — воспитание личности во всех ее функциях при помощи красоты в природе и искусстве, причем средством этого воспитания должны быть не только мерами психолого-педагогического

характера, но и всей художественной культуры, а объектом его — не только дети, но и все возрасты человека.

Вот почему Комиссия начала свои работы с классического периода. Ее побудила к этому не столько хронологический период, сколько убеждение, что в Греции мы имеем более полное понятие художественного воспитания и более разработанные меры художественного воздействия на личность человека.

Ввиду тесной связи художественного воспитания с эстетикой характеризуемой эпохи, Комиссия ввела в издаваемый сборник отдельные главы, посвященные эстетике эпохи и отдельных мыслителей (РГАЛИ).

К сожалению, сборник не издали, и Государственную академию художественных наук закрыли в 1930 г.

А. Ф. Лосев, один из соавторов сборника, вместе с Четвериковым работавший в ГАХН, позже арестованный, на одном из многочисленных допросов дал такую характеристику своему коллеге: «Четвериков Иван Пименович, человек, с которым я поддерживаю связь и после упразднения секции, т.к. я считаю его весьма знающим и интересным ученым. По специальности он психолог и как таковой — он сторонник структурной психологии. Философские его воззрения не материалистические. Встречаюсь с ним примерно раз в месяц, делимся впечатлениями от новинок по психологии и сужаем друг другу книги» (ЦА ФСБ).

В 1929 г. Четвериков пришел на работу в сектор психотехники автодорожной безопасности НКПС Цудортранса (Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта), разрабатывавший актуальные вопросы безаварийного движения на дорогах и применения психофизиологических методов профилактики катастроф. В домашнем архиве хранится его статья «Характерологический метод в изучении

профессий и профотбора шоферов» (первое название «Типологическое изучение труда авторботников»), которая, как писал Иван Пименович, была отмечена в Институте и рекомендована к напечатанию в Ученых трудах Института. Тезисы по статье были одобрены для доклада на Всесоюзном Психотехническом съезде.

И. Новейшие работы в области психотехники устанавливают недостаточность метода профессиограммы, разработанного В. Штерном и ставшего традиционным в психотехнике по следующим основаниям:

А) Установленный современной психологией и психотехникой «закон многозначности элементов психограммы» с необходимостью приводит к выводу, что результаты традиционных психотехнических исследований говорят только о возможностях проявления исследуемых функций в действительном рабочем процессе.

Б) Метод профессиограммы не может дать качественной характеристики кандидата на ту или другую профессиональную работу, между тем, важна именно качественная, в отличие от количественной характеристики будущего профработника, устанавливающей степень выраженности различных изолированно-взятых функций. Только качественная характеристика может дать 1) правильного распределения испытуемых на работе и 2) индивидуализации методов воздействия на профработника.

В) Поэтому традиционный метод профессиограммы должен быть дополнен характерологическим исследованием профработников, т.к. только такое исследование может превратить «оценку возможностей» в оценку реальных рабочих функций испытуемого.

II. Характерологический метод, выдвигаемый современной психотехникой, складывается из следующих моментов:

А) Установление «чистых» рабочих типов, т.е. классификация и характеристика качественно различающихся между собой и внутренне закономерных типов рабочих процессов.

Б) Вскрытие характерологических элементов методом анализа продукции рабочего процесса испытуемого, причем с характерологической точки зрения особенный интерес представляют характерологический анализ ошибок в этом процессе.

В) Комбинирование характерологических элементов и подведение их под соответствующий «чистый» тип, в результате чего получается целостные характеристики испытуемого с профессиональной точки зрения, дополняющая все то, чего не может дать традиционный метод профессиограммы.

III. *В самое последнее время мы имеем ряд конкретных попыток применения характерологического метода к профессиональному отбору авторботников на Западе и в Москве в исследованиях, проводимых Сектором психотехники автодорожной безопасности (Четвериков, 1931, с. 148).*

Оригинальное исследование Четверикова было направлено на обоснование выделения типов характеров работников-шоферов (хладнокровно-рассудительный, сангвинический, холерический и флегматический, меланхолический) и зависимость аварийных ситуаций от типа характера. По каким-то причинам готовую статью не издали. Там же, в институте, в рамках своего исследования Иван Пименович создал по своему проекту прибор для характерологических исследований шоферов — аналог прибора В. Поппельройтера, о чем писал:

За последние годы мною сконструирован прибор для характерологических исследований шоферов, освободивший Институт (ЦАНИИ) от валютных затрат на выпуск аналогичного прибора из заграницы; совместно с инженером Васильевым конструиру

ую автоматически регистрирующий динамометр; составляю проект прибора для исследования слуховых ощущений шоферов (Домашний архив...).

Выступление Четверикова на I Съезде Всесоюзного Общества психотехники и прикладной психофизиологии (май 1931 г., Ленинград) не было понято (действительно, с такой интегральной характеристикой психики, как характер, работали единицы, например, П. М. Петров «Характер в профессии», 1931), и в Резолюции съезда его обвинили в ошибке, отражающей классово-враждебные влияния, — «гипостазирование неизменных “способностей” и конституционально-определенной одаренности» (Резолюция съезда, 1931, с. 374).

13 февраля 1933 г. И. П. Четвериков был арестован и на время следствия помещен в Бутырский изолятор. «Существо дела» заключалось в следующем: следователи сфабриковали дело о создании контрреволюционной организации, в чьи задачи входило «насаждении тайных монахов в совучреждениях, занимающихся пропагандой к-р¹,² идей и обработкой в а/с³ духе служащих, главным образом, молодежи; создание нелегальных монастырей, являющихся очагами развернутой а/с агитации среди населения; создание специальной нелегальной духовной академии для подготовки кадров к-р активиста; распространение монархической литературы (дореволюционного издания) и создания спец-фонда помощи ссылкой за к-р деятельности церковникам» (Стояхина, Мазиллов, 2017, с. 223). Среди обвиняемых (21 человек) был и Иван Пименович; с 28 марта 1933 г. началась его трехлетняя ссылка в г. Актюбинск (Казахстан), где он заведовал ДЛПА — детской

¹ Тексты И. П. Четверикова даны в авторской редакции.

² к-р — контрреволюционный.

³ а/с — антисоветский.

лечебно-профилактической амбулаторией при Актюбинском Горздравотделес 14 июня 1933 г., там же занимал должность психотехника.

Как многие невинно осужденные, он обращался с заявлениями о пересмотре дела. Ввиду уникальности документа приводим его полностью:

Мне предъявлено обвинение по ст. 58–11 в участии в организации, поставившей своей целью контрреволюционную деятельность среди советской молодежи. Такою организацией является, по словам следователя, нелегальная духовная школа, в которой я будто бы читал какие-то лекции и консультировал выходящие из нее богословские работы. Конкретно мне не было даже указано, по какому предмету я там читал лекции и какие работы консультировал. Обвинение это совершенно не соответствует действительности. Никогда я не состоял ни в какой контрреволюционной организации и никогда не читал никаких лекций ни в каких нелегальных учреждениях. Фактически дело обстояло, как я сообщал и следователю, так: года два тому назад (даты совершенно не помню) ко мне на квартиру явилась дама, предложившая от имени епископа Варфоломея читать лекции для слушателей богословской школы (кажется, она называла ее «академией»). От этого предложения я решительно отказался. Этим исчерпываются все мои сведения об этой «богословской школе», и до сих пор я не имею никакого представления ни о ее организации, ни о составе лекторов и слушателей, ни о ее планах и задачах, ни даже о месте ее нахождения.

1. Мне казалось делом очень простым установить тот факт, что я не принимал никакого участия в этой так называемой «академии». Я предлагал следователю и устно при допросе и в поданном ему письменном заявлении (во-1), опросить у слушателей этой «академии», слышали ли они мои лекции, (во-2), спросить у администрации и прежде всего у главы этой «академии» еп. Варфоломея (считаю его главою, пото-

му что он — епископ и приглашение меня было сделано от его имени), который, как глава, должен был точно знать состав лекторов, был ли я лектором или консультантом в его «академии». В-3), если у следователей, как он утверждает, есть что-то показание о том, что я читал лекции в этой «академии», то я просил его или дать мне очную ставку с этим «свидетелем», или предложить ему указать дни и часы, хотя бы за последние два месяца, в которые мною будто бы читались там лекции; я же с своей стороны обязывался доказать ссылками на официальные документальные данные и на полную невозможность этого. Официальные данные, на которых я хотел базироваться, были следующие: во-1) с 10 ч. утра и до 4 ч. дня я ежедневно и безвыходно находился в институте (ЦАНИИ), что несомненно было бы заверено администрацией института; во-2), с 7 ч. до 10 ч. вечера я работал почти ежедневно в библиотеке Книжной Палаты по реферированию философской и психологической литературы для напечатания этих рефератов в «Книжной Летописи»; в библиотеке же велась точная регистрация всех читателей. В-3), в выходные и свободные от библиотеки дни с ноября 1932 г. и по январь 1933 г. включительно я составил для Коммунистической Академии русскую и иностранную библиографию о французских материалистах XVIII в. и в ту же Ком. Академию сдал за эти месяцы свыше 500 составленных мною статистических таблиц. Все это может быть подтверждено администрацией Ком. Академии. Уже отсюда видно, что я должен был работать ежедневно, даже в выходные дни, целыми днями иногда до 12 ч. ночи, с небольшим перерывом на обед и проход из Института домой и из дома в Книжную Палату, или Ком. Академию. У меня не могло быть свободного времени для чтения лекций в так называемой «Академии». Мои просьбы следователем не были удовлетворены.

2. Но я указал следователю, что мой отказ от чтения лекций в так называемой

«академии» обуславливался вовсе не недостатком времени, но тем, что мои научные интересы с самого начала моей научной работы были далеки от задач богословской школы и даже чужды ее интересам. В 1905 г. мною было подано в Совет Киевской Духовной Академии прошение о командировке в заграничные университеты для ознакомления с экспериментальной психологией. Как видно из протоколов заседания Академии, напечатанных в «Трудах Киевской д. Академии» за 1906 г., мое прошение было отклонено на том основании, что экспериментальная психология, как близкая по своим уклонам к материализму, не нужна для духовной школы. На тот же материалистический характер как экспериментальной психологии вообще, так, в частности, и моих лекций, указывал и архиепископ Антоний в своем «Отчете по ревизии Киевской д. Академии» в 1908 г. Этим моим уклоном к материализму арх. Антоний объяснял в своем «Отчете» отмеченное им мое стремление перейти из духовной школы к преподаванию в Университете. У меня действительно было это стремление, вызванное несоответствием моих научных интересов задачам духовной школы. По возвращении из Германии в 1908 г. я поступаю профессором на Высшие женские курсы в Киеве и в Фребелевский Педагогический Институт, где основываю кабинет экспериментальной психологии. В 1915 г. я совершенно покидаю духовную школу и перехожу на кафедру философии в Юрьевский (Дерптский) университет. С тех пор моя научная работа исключительна в Университетах и сосредоточивалась на разработке проблем экспериментальной психологии при Ярославском Гос. Университете, превращенном в последствии в Пед. Институт (В 1926 г. моей энергией и трудами был основан первый в провинции по богатству оборудования Кабинет экспериментальной психологии). В последние же годы я сосредоточиваюсь на той части экспериментальной психологии, кото-

рая связана с изучением рабочих процессов, т.е. на психотехнике (последние годы я состоял профессором по психотехнике).

Таким образом и по своим научным интересам я с самого начала своей научной работы все больше и больше уходил от интересов духовной школы, порвав с ней окончательно в 1915 г.

Мое образование в духовной школе, как я объяснял следователю, обуславливалось не моими интересами, а бедностью моего отца, который, имея пятерых детей, получал около 30 р. жалования в то время, когда я должен был начать учиться. По окончании средней школы я подал прошение в Варшавский Университет на математический факультет, куда и был зачислен. Но подсчет средств, имевшихся в распоряжении моего отца, показал невозможность для меня учения в Университете, и я вынужден был держать экзамен в Академию, где воспитывался на казенный счет. Сознвая недостаточность полученной мною здесь подготовки по психологии, я в 1905 г. просил о заграничной командировке, получив которую, зачислился студентом Лейпцигского Университета, который и окончил в 1908 г.

3. Следователю я объяснял, что мое социальное происхождение (мой отец — конторщик Тульского Оружейного Завода) и мое дореволюционное прошлое говорят о том, что я не мог быть и не был реакционно настроенным ученым, но наоборот вел несоответствующую тогдашней царской политике и даже нелегальную работу. а) Я был товарищем председателя Киевского Общества Народных Университетов; б) читал лекции в неоднократно закрывавшихся царским правительством Рабочем, в последствии — Народном Университете; в) принимал участие в организации Киевского Университета им. К. Маркса и был первым деканом историко-литературного отделения; г) в течение 10 лет читал публичные лекции, организованные Красным Политическим Крестом, в пользу политических ссыльных. Эта моя работы мо-

жет быть подтверждена членом партии, ответственным работником Наркомпро-са т. Софьей Николаевной Луначарской; д) с 1915 г. был членом нелегального общества «Молодая Академия», поставивше-го своей задачей борьбу с тогдашней правой профессурой. Это может подтвердить член партии, директор большой Энциклопедии т. Отто Юльевич Шмидт, бывший одно-временно со мною членом того же общества.

4. В заключение считаю необходимым отметить, что в текущем году исполня-ется 25 лет моей научной и профессорской деятельности; из них свыше 14 лет я не-прерывно работал в советских учреждени-ях и вузах. Моя работа состояла не толь-ко в преподавательской деятельности, но и носила организационный характер <...> В результате этой моей двадцатипяти-летней научной и общественной работы, в большей своей части протекавших в со-ветских учреждениях и вузах, в юбилейный год двадцатипятилетия я подвергаюсь ка-ре — принудительной высылке в Алма-Ату.

В виду вышеизложенного прошу пере-смотреть мое дело (Домашний архив...).

Пробыв в Казахстане весь срок — три года, с 13 февраля 1933 г. до 13 февраля 1936 г., Иван Пименович обратился с за-явлением в Президиум Актюбинского Го-родского Совета о восстановлении в пра-вах граждан СССР и выключении его из списков лишенных, что и было сделано 16 марта 1936 г.

Потом была трудная жизнь в Мало-ярославце — «духовной столице 101 ки-лометра», где жили священники, мона-хи, монахини и глубоко верующие миря-не, кому нельзя было жить в Москве. Не было постоянной работы, приходилось тайком ездить в Москву к семье и за ра-ботой — иногда его просили переводить.

Во время оккупации Малоярослав-ца (18 октября 1941 г. — 2 января 1942 г.) Иван Пименович работал в учрежден-ной немецкими властями газете «Неде-ля»; и когда немецкие войска отступали,

он ушел вместе с ними, оказавшись потом в Риге. Сразу после войны его имя обна-руживается в списках членов Вендлин-генской общины православных бежен-цев в Германии, руководимой о. Адриа-ном (Рымаренко) (1893—1973), будущим архиепископом Роклендским Андреем, и в числе лекторов выступал с доклада-ми на различные темы из области право-славной культуры — «О молитве», «Про-исхождение атеизма и пути его преодоле-ния», «О Церкви» (Русская гимназия...) в русской гимназии «Милосердный сама-рянин» (Мюнхен).

Он умер в 1969 г. и похоронен на кладбище в г. Корнталь-Мюнхинген (Германия).

В заключении скажем немного о на-учном творчестве ученого.

Современными учеными предпри-нимаются попытки прочтения работ И. П. Четверикова (А. Бойко писала о его публицистике (Бойко, 2012), В. П. Коз-ловский — об увлечении его Кантом (Коз-ловский, 2017), П. В. Сизинцев — о фи-лософских и богословских аспектах работ (Сизинцев, 2016б, 2017а, 2017б)), однако целостного анализа работ не было, в том числе и по психологии, в то время как хранившаяся в домашнем архиве и ранее не опубликованная работа «Эмпиризм в психологии» заслуживает, безусловно, пристального изучения.

Обнаруженный документ представ-ляет собой завершенную работу высоко-го качества, свидетельствующую об ав-торе как сформировавшемся методологе психологической науки, поскольку жанр этого произведения определяется так однозначно.

Четвериков анализирует происхо-дящий кризис в психологии. В распоря-жение историков психологии, пишущих об открытом кризисе психологии, по-ступает еще один вариант диагноза — от И. П. Четверикова, и уровень этого ана-лиза ставит автора в один ряд с такими

мыслителями как Н. Н. Ланге, С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский. Мы видим глубокий анализ, и пока рукопись ждет публикации, обратим внимание на некоторые моменты, снабдив текст большими цитатами.

Современная психология как на Западе, так и у нас, переживает глубокий кризис, который можно рассматривать как кризис эмпиризма. Но кризис не есть разрыв со старым. Новое не возникает из ничего; оно плодотворно только тогда, когда вырастает из прошлого, стоит на плечах истории. И новая, сейчас нарождающаяся, психология связана с эмпирической не только благодаря тем отступлениям от эмпиризма, которые, мы как мы видели, всегда имели в ней место, но и благодаря попытке вобрать в себя эмпиризм, переработав его принципиально и в методическом отношении. Вот почему, начиная с Г. Риккерта («Границы естественнонаучного образования понятий») и кончая К. Бюлером (*Die Krise der Psychologie*, 1927) целый ряд современных философов и психологов приходят к выводу о необходимости двух психологий: психологии ощущений и психологии мышления (Кассирер), по Дильтею — естественнонаучной и «структурной», по Риккерту — номотетической и культурной, по В. Штерну — нормативной и идиографической, или психографии и т.д., т.е. они, не отрицая эмпирической психологии, ограничивают ее область так нар. конкретных переживаний (ощущений и представлений) и считают необходимым дополнить ее иной неэмпирической психологией, которая должна иметь дело с неконкретными переживаниями («мышление» Höhnigswald), при помощи не Бэконовского индуктивного метода, а метода «усмотрения» («Einsichtige Methode») или «понимания» («Verstehende Methode» Theodor Erismann). Зародыши кризиса современной психологии нужно искать, с одной стороны, в старой, еще в конце 19 века, осознанной неудовлетворенности эмпирической психологии и, с другой, в та-

ких же старых попытках пополнить эмпирическую психологию такими положениями, которые неизбежно вели к резкому разграничению психологического и физического мира. Таковы уже выше перечисленные положения о творческом синтезе у Вундта, «психологическом потоке» у Джемса, «вчувствовании» у Т. Липпса и т.д.

Обратим внимание — это специальное психологическое исследование:

Эмпиризм — это линия направления в развитии психологии, которая определяла психологическую работу на протяжении целого полустолетия. Понять природу эмпиризма, как направления, выявить его основные предпосылки и вытекающие отсюда характерные черты эмпирической психологии особенно важно в настоящее время, когда психология у нас и на Западе ставит свою задачу преодолеть эмпиризм и построить совершенно новые исходные предпосылки.

Четвериков предпринимает именно методологическое исследование:

Наша задача заключается в опыте имманентной критики психологического эмпиризма, т.е. в указании 1. его внутренних противоречий, 2. невыявленных и часто бессознательно принятых метафизических предпосылок, 3. методологической предвзятости и односторонности. Только такая имманентная критика может наметить те пути, по которым должна идти разработка новой психологии, не просто идущей на смену старой, но органически вырастающей из нее, путем преодоления ее недостатков и усвоения всех ее ценных достижений.

Обратим внимание, что проведенный автором анализ — не самоцель.

Новая психология должна знать недостатки эмпирической, чтобы избежать их в своих новых исканиях. Она с самого начала должна переработать свою методологию, связать психические явления с бытием, и не страшась философии и метафизики, с критически продуманным мирозерцанием подойти к построению своей науки. Она должна вскрыть все богатство и разноо-

бразие психических соединений; вернуться из туманной сферы абстракции и последних обобщений конкретной жизни, изучив человека как органическую часть социального целого и физической среды, как психофизическое единство, как, наконец, живой растущий организм, растущий не только сам в себе, но и в культурной, социальной структуре. Но в решении всех этих вопросов современная нарождающаяся психология должна и положительно опираться на плечи эмпирической психологии, используя ее вековую опытность в наблюдениях и экспериментированиях и используя громадный материал, ею собранный. Новая психология должна идти дальше и по-новому, но стоя на плечах старой эмпирической психологии, а не порывая с нею.

И. П. Четвериков предпринимает глубокий анализ эмпирической психологии:

Характерные особенности эмпирической психологии. Бэконовское понимание индукции, признание доступности наблюдению только содержаний и переживаний, но не их связи; отрыв вслед за Кантом явлений от бытия, а вслед за этим стремление освободить психологию от явных философских и метафизических предпосылок, неизбежно оставляя некритические и потому особенно опасные скрытые предпосылки, непрозрачность и, так называемая плоскостность сознания и переживаний; это все то, что можно назвать махизмом, прочно утвердившимся в эмпирической психологии. Определение своего содержания как исследования переживаний, в силу неустойчивости самого понятия переживания, повлекло за собой целый ряд неизбежных противоречий в эмпирической психологии, особенно в учении о сознании и бессознательном, и оказалась новой опорой махизма, или субъективного идеализма в психологии. Сведение всех видов психических соединений к ассоциациям и попытка построить на этой почве такой же основной закон в психологии, как закон тяготения в физике, повел к целому ряду неизбеж-

ных под давлением фактов отступлений от принципа ассоциаций. Сделав абстракцию и обобщение, как необходимые предпосылки Бэконовской индукции, основными приемами обработки фактического материала, эмпирическая психология провела эту абстракцию до последних пределов, оторвав человека от социальной, национальной и физической среды, оторвав сознание от физиологических процессов, переживания от Я и, наконец, элементы от переживаний; так же до последних пределов доведено и обобщение. В результате эмпирическая психология превратила объект своего исследования в неопределенное и неуловимое общее понятие человека или человеческого сознания, а исходные элементы, — ощущения, представления — в логические абстракции, в фикции. Наконец, всё то же стремление уподобиться физическим наукам, тоже Бэконовская индукция помешала эмпирической психологии усмотреть роль индивидуальности и времени, как детерминанты, в жизни психофизического организма; и вследствие этого привели к подмене динамики статикой.

Нельзя не отметить тонкое понимание И. П. Четвериковым процесса научного исследования:

Действительный ученый не начинает с эксперимента; самая постановка эксперимента обуславливается новой мыслью, своего рода гипотезой, возникшей на почве то наблюдения отдельных актов, то тех или других философских построений. То же имеет место и в истории психологии. Не эксперименты, а философские работы привели Кюльпе к новому пониманию мышления, как существенно отличного от ощущений. Это новое понятие, первоначально гипотетическое, привело его к новой постановке метода и в конце концов положило начало новому течению в психологии (Вюрцбургская школа). Что гипотеза несовместима с чисто индуктивным методом, это хорошо сознавали его принципиальные защитники, которые, как Мах, хотели

совершенно устранить гипотезы из естествознания, или, как Кирхгоф, стремились выключить из естествознания всякое объяснение, как недоступное чистой индукции, и превратить его в «описание природы». Без гипотез, первоначальных научных установок, без той «острой наблюдательности», которая дает возможность в восприятиях же улавливать, усматривать первоначально неясно и неотчетливо, науки превратились бы в «магазины знаний», индуктивный метод — в слепое экспериментирование случайными и с точки зрения причинности безразличными фактами, законы явлений — в простое констатирование по теории вероятности «так оно есть».

Согласимся, что рассуждения методолога не утратили актуальности и сегодня.

Наконец, нельзя не отметить взвешенность оценок и объективность автора:

Но все эти характерные черты эмпирической психологии не говорят о полной ее бесплодности в истории культуры. Мы видели уже, что она есть дитя импрессионистической эпохи конца XVIII и всего XIX столетия. А так как культурная эпоха не может быть только «ошибкой», «минусом» в истории человечества, то и эмпирическая психология несомненно имеет и свои положительные стороны. Не говоря уже о том, что она была решительным протестом против «умозрительного», или чисто рационалистического учения о душе, не говоря о ее героических усилиях превратить психологию из главы метафизики в питательную науку; Она несомненно дала много ценного и в самом своем содержании. Зарождение, развитие и уточнение психологического эксперимента обязано эмпирической психологии. Накопление грандиозного фактического материала, особенно в возрастной психологии, имеющее большую ценность для дальнейшего развития психологии, сделано несомненно психологами-эмпириками. Наконец анатомо-морфологическое описание, часто, может быть, спорное, сложных переживаний в значительной

мере предварило феноменологические анализы Гуссерлианской школы, а объяснение психических процессов из физиологических, не смотря на разрыв между ними в параллелистическом течении, подготовило почву для монистического понимания человека.

Приведем еще одну цитату из рукописи:

...Можно сказать, что эмпирическая психология была господствующим направлением в 19 и начале 20 столетия. Причина этого лежит в самом характере пережитой нами эпохи и культуры. Неокантианство в философии и науке, импрессионизм в искусстве и жизни, все это — характерные явления тогдашней эпохи. Бытие рождалось в явлениях, предметы исчезали в игре красок, теней (Монэ, Ренуар и др.); явления распадалась на элементарные и мимолетные впечатления (пуантизм); наука стремилась освободиться не только от бытия, которое еще до неокантианцев оказалось по ту сторону знания, но и от всякого конкретного содержания, приближаясь к чистой математике...

Сын Ивана Пименовича Николай Иванович после безуспешных поисков отца писал своей матери в 1942 г.: «...У него было и есть громадное чутье, художественное, в философии, политике. Он, несомненно, крупный человек, да и мне, как и тебе, жалко, что он не создал ни своей школы, ни крупного труда. Последняя вещь, которую он писал, по моему, должна иметь большое значение. Его ясный, трезвый ум, в то же время идеалистический, не может не создать великого...» (Домашний архив...).

Как видно из приведенных цитат, мы имеем дело с работой неординарного методолога психологической науки, вне всякого сомнения достойной публикации. Текст работы выдает прекрасное знакомство автора с философскими учениями эпохи, что делает анализ удивительно глубоким. Не имея возможности в рамках настоящего текста анализиро-

вать работу в целом, отметим лишь чувствительность автора и к веяниям, духу и стилю эпохи, а как считает автор, это была эпоха импрессионизма.

Отметим, что за прошедшие с момента написания без малого 90 лет глубокое методологическое сочинение не утратило своего значения и интереса для психологического сообщества. Не подлежит сомнению, что мы на пороге очередного возвращения: ясно, что публикация и анализ неизвестных произведений ученого и мыслителя и введение научный оборот новых найденных документов о его жизни не только обогатят жизнеописание И. П. Четверикова как психолога и педагога, религиозного мыслителя и философа, заставив дополнительно задуматься о тяжелом и противоречивом периоде в истории нашего отечества, но и добавят новые штрихи в панораму интеллектуальной и духовной жизни общества, для понимания которой важна каждая мыслящая и чувствующая индивидуальность.

Литература

- Антоний, арх. (1909). Отчет по Высочайше назначенной ревизии Киевской Духовной Академии в марте и апреле 1908 года. Почаев.
- Басов М. Я. (1914). Второй всероссийский съезд по экспериментальной педагогике // Русская мысль. № 2. С. 37–40.
- Бойко А. (2012). «Лекція — то ненадрукована книга» (публіцистика І. П. Четверикова) // Образ. Київ. Вып. 13. С. 11–19.
- В. О. (1922). Университет-здравница // Наука и ее работники. № 1. С. 28–29.
- Вернадский Г. В. (1995). Из воспоминаний // Вопросы истории. № 3. С. 103–121.
- Дорфман Л. Я. (2008). Методологический анализ теории интегральной индивидуальности В. С. Мерлина // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 106–121.
- Еремеева А. Н. (2017). «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Платонов И.
- И. Ч. (1944а). Из книги В. Никифорова-Волгина «Земля именинница». Предисловие // Православный христианин. № 5 (22).
- И. Ч. (проф.) (1944б). О смысле Поста // Православный христианин. № 3/4 (20/21).
- И. Ч. (1944в). Преподобный Серафим Саровский // Православный христианин. № 1/2 (18/19).
- Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов (2017). Т. 2. Публикации / под ред. Н. С. Плотникова и Н. П. Подземской при участии Ю. Н. Якименко. М.: Новое литературное обозрение.
- Київська духовна академія в іменах: 1918–1924: енциклопедія: в 2 т. (2015–2016). / упоряд. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 1: А–К; Т. 2: Л–Я. К.: Вид. дім. «Києво-Могилянська академія».
- Козловський В. П. (2017) Декілька спостережень щодо кантознавчих студій Івана Четверикова: європейський контекст // Наукові записки. Т. 192, Філософія та релігієзнавство. С. 39–43.
- Костригин А. А., Стоюхина Н. Ю. (2017). Жизнь и психологическое наследие В. А. Снегирева // Труды Нижегородской Духовной семинарии. № 15 (15). С. 191–216.
- Левченко Е. В. (2008). Михаил Яковлевич Басов: жизненный путь и психологическая концепция // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 21–45.
- Мазілов В. А. (2015). Профессор В. С. Филатов как основатель ярославской психологической школы // Ярославский педагогический вестник. № 5. С. 159–171.
- Маликова М. Э. (2014). «Время»: история ленинградского кооперативного издательства (1922–1934) // Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. По архивным материалам / сост. М. Э. Маликова. М.: Новое литературное обозрение. С. 129–331.
- Нивьер А. (2007). Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в западной и центральной Европе. 1920–1995. Биографический справочник. М.; Париж: Издательство Русский Путь; ИМКА-Пресс.
- Носкова О. Г. (2006). Московская школа индустриальной психотехники (К 115-летию И. Н. Шпильрейна и 110-летию С. Г. Геллер-

штейна) // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 31–46.

Профессора Таврического национально-го университета им. В. И. Вернадского (2007). / сост. В. Г. Ена, В. В. Бобков, В. Г. Федоров. Київ: Либідь.

Профессора ЯГПУ. 1918–2008: биографические очерки (2008). / сост. А. В. Еремин. Ярославль: Изд-во ЯГПУ.

Резолюция съезда по психотехнике в Ленинграде, принятая 26 мая 1931 г. (1931). // Психотехника и психофизиология труда. № 4–6. С. 374.

Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря (2010). Вып. 2. [Пилотный]: Психологические науки: XIX — первая половина XX в. / под ред. Н. Ю. Масоликовой, М. Ю. Сорокиной. М.: Дом Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына. С. 104–105.

Русская гимназия в Мюнхене в 1940-х гг. Дорога домой. Вып. ДД-65.2. URL: <http://ricolor.org/europe/germania/je/rus/4/>

Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921–1972 (1973). / сост. Н. М. Зернов. Boston: G. K. Hall&Co.

Сизинцев П. В. (2016а). Критический обзор биографии профессора И. П. Четверикова // Общество: философия, история, культура. № 12. С. 20–22.

Сизинцев П. В. (2016б). Критический обзор магистерского труда профессора И. П. Четверикова // Успехи современной науки. Т. II. № 12. С. 119–122.

Сизинцев П. В. (2017а). Анализ переживания как свойства человеческой личности в статьях И. П. Четверикова // Фундаментальные аспекты психического здоровья. № 2. С. 19–22.

Сизинцев П. В. (2017б). Четвериков Иван Пименович: данные биографии #2 // История российской психологии в лицах: Дайджест. № 1. С. 28–47.

Стоюхина Н. Ю. (2010). Судьба и научное творчество Серафима Михайловича Василейского // Методология и история психологии. Вып. 2. С. 115–131.

Стоюхина Н. Ю. (2015). Изучение истории психологии как компонента развития гражданской идентичности студента // До-

полнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы седьмой Всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием) / под науч. ред. М. В. Новикова. Ярославль: РИО ЯГПУ. С. 227–239.

Стоюхина Н. Ю., Мазиллов В. А. (2016). Четвериков Иван Пименович: данные биографии # 1 // История российской психологии в лицах: Дайджест. № 4. С. 34–50.

Стоюхина Н. Ю., Мазиллов В. А. (2017). Иван Пименович Четвериков: судьба со множеством загадок // Труды Київської Духовної Академії. № 27. Киев. С. 208–227.

Сухова Н. Ю. (2013). «Люблю Академию и всегда буду действовать во имя любви к ней...» (Письма профессора Киевской духовной академии Д. И. Богдашевского к А. А. Дмитриевскому) // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 5 (54). С. 75–107.

Ткачук М. Л. (2016). Четвериков Иван Пименович // Київська духовна академія в іменах: 1918–1924: енциклопедія: в 2 т. / упоряд. і наук. ред. М. Л. Ткачук; відп. ред. В. С. Брюховецький. Т. 2: Л-Я. К.: Вид. дім. «Києво-Могилянська академія». С. 796–802.

Ульянкина Т. И. (2010). «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950) / науч. ред. И. Н. Толстой. М.: РОССПЭН.

Физико-психологический отдел (1927/28). // Бюллетень Г.А.Х.Н. Под ред. ученого секретаря А. А. Сидорова. № 8–9. С. 7–16.

Филимонов С. Б. (2010). Из прошлого русской культуры в Крыму. Поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь: Нижняя Орианда.

Четвериков И. (проф.) (1944). Вечная память // Православный Христианин. № 5 (22).

Четвериков И. (1910). Д-р Александр Пфендер. «Введение в психологию». Перевод с немецкого И. А. Давыдова. СПб. 1909. Стр. VII+368. Ц. 2 рубля // Вопросы философии и психологии. Кн. I (101). С. 85–93.

Четвериков И. (1997). Из лекций по общей психологии // Русская религиозная антропология. Т. II: Антология / сост., общ. ред., предисл. и прим. Н. К. Гаврюшин. М.: Московский философский фонд; Московская духовная академия. С. 335–343.

Четвериков И. П. (1903). О Боге как личном существе (Богословско-философское исследование). Киев.

Четвериков И. П. (1905а). Критический индивидуализм в русской философии (Историко-критический очерк) // Труды Киевской духовной академии. № 9. С. 120–132.

Четвериков И. П. (1905б). Учение о личном Боге с точки зрения этической ценности // Труды Киевской духовной академии. № 5. С. 147–158.

Четвериков И. П. (1908а). Метод философии Фриза и его новой школы // Труды Киевской духовной академии. № 2. С. 224–236; № 3. С. 422–462; № 4. С. 553–565.

Четвериков И. П. (1908б). Религиозный модернизм на Западе и борьба с ним Римской курии (По поводу энциклики Пия X «*Rasendidomincigregis*» 8 сент. 1907 г.) // Труды Киевской духовной академии. № 6. С. 320–354.

Четвериков И. П. (1916). Психология любви // Христианская мысль. № 4. С. 48–53.

Четвериков И. П. (1924). К организации центральной психологической лаборатории в Ярославле // Наш труд. № 7. С. 44–45.

Четвериков И. П. (1926). Педологический практикум Тверского педагогического института // Известия Тверского педагогического института. Вып. 1. С. 82–86.

Четвериков И. П. (1931). Характерологический метод изучения профессий и профессионального отбора // На психотехническом фронте. Материалы к I Съезду Всесоюзного О-ва психотехники и прикладной психофизиологии. Май 1931 г., Ленинград. Тезисы докладов на заседаниях 22, 23, 24, 25 мая. М.; Л.: Изд. Оргбюро съезда. С. 148–149.

Четвериков И. П. (1947а). Почитание Божьей Матери в России. Герсбрук.

Четвериков И. П. (1947б). Преподобный Серий Радонежский. Герсбрук.

Четвериков И. П. (1948а). Святитель Николай Чудотворец. Герсбрук.

Четвериков И. П. (1948б). Церковь // Вестник РСХД. № 1. С. 5–15; № 2. С. 8–16.

Четвериков И. П. (1952). Двадцать первая глава Евангелия Иоанна Богослова // Вестник РСХД. № 4. С. 9–14.

Четвериков И. П. (1955). Юродство как подвиг и общий путь в христианстве. Berkely, CA.

Шиль С. Н. (2018). Крымские записки: 1916–1921. М.: Новый хронограф.

Домашний архив семьи Четвериковых.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 941. Оп. 12. Д. 29.

Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ). Р-49509. Т. 2.

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА В ПСИХОЛОГИИ: Л. С. ВЫГОТСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ (часть 2)¹

И. А. Сусоколова

*независимый исследователь,
Бремен, Германия,
e-mail: irinasousokolova@yahoo.com*

Преобразования психологической науки, начало которым положил Л. С. Выготский, рассмотрены в историческом аспекте. Прослежены особенности продвижения эмпирической и теоретической психологии к высшей форме психики (творчество, гениальность, креативность) путями, указанными Выготским. Продвигаясь от простого к сложному, объективно-эмпирическая психология (психометрия) описывает креативность в терминах предшествующих форм психики (интеллекта, памяти), упорядочивая лишь ее отдельные гипотетические признаки, которые измеряются с помощью универсального метода — теста, построенного по стимульно-реактивному принципу. Разложение сложного единства на разобщенные элементы не позволяет собрать из них целостного феномена. Предложенные на основе психометрической трактовки креативности практические рекомендации по отбору детей с высокими показателями тестов и стимуляции их продуктивности не дают ожидаемого увеличения количества гениев. С позиций теоретической психологии предлагается определение творчества, посредством выявления единицы его анализа, обнаруживающей существо и раскрывающей механизм этого феномена. В соответствии с этим определением разработан специфический психологический метод диагностики, по результатам которой предложены эффективные педагогические рекомендации по формированию и воспитанию творческих личностей. Этот подход реализует предвиденную Выготским перестройку методологии науки, соответствующую требованиям высокоорганизованной практики (термин Выготского).

Ключевые слова: теория кризиса в психологии, эмпирическая психология, теоретическая психология, психометрия, творчество, креативность, высокоорганизованная практика.

DOI: 10.7868/S1819265318040131

Для цитаты: Сусоколова И. А. (2018). Проблема кризиса в психологии: Л. С. Выготский и современность // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 160–174.

Часть 2

VI. Психометрики путают метод как технический прием, методику исследования, и метод как способ познания, определяющий цель исследования, ме-

сто науки и ее природу (Выготский, 1982, т. 1, с. 431). Они называют методологией совокупность примененных тестов и наблюдений.

VI.1. Можно проследить эмпирические методы в психологии до обозна-

¹ Начало статьи в выпуске 2 за 2018 г., с. 47–72.

ченной Р. Декартом дихотомии: рефлекс — рефлексия. Метод, основанный на рефлексии (самоотчет, интроспекция), традиционная психология использует для исследований общего, трактуемого как «психологические явления, непространственные и доступные только восприятию самого переживающего субъекта» (Выготский, 1982, т. 1, с. 298). Своеобразный вариант рефлексии — самонаблюдения в реальной жизни (сновидения) и наблюдения над бессознательными явлениями в лабораторных условиях (гипноз) — использует психоанализ для исследований общего, трактуемого как «бессознательное, лежащее в... основе» психической жизни (там же, с. 299). Стимульно-реактивный метод, построенный по принципу рефлекса (тест), используется для исследований общего, трактуемого как результаты, «факты поведения, соотносительной деятельности, рефлекс, ответные действия организма» (там же, с. 298).

Сторонники психометрического подхода извлекают все лучшее из рефлекса и рефлексии. Они «совсем не избегают использовать умозрительный подход... в двух случаях: при подготовке новых наблюдений и при интерпретации полученных результатов» (Guilford, 1952, p. 30). С одной стороны, для выдвижения гипотез о том, что измеряет данный тест, необходимо сделать догадки о том, какие элементы или акты могут быть задействованы. А это дают самонаблюдения и интроспекция. С другой стороны, для разумной трактовки полученных корреляций психометрики апеллируют к наблюдениям и здравому смыслу.

VI.2. В погоне за объективностью психометрики сделали ставку на формализуемые показатели: поддающиеся количественной оценке параметры результатов и метрологическое время, измеряемое в конвенциональных единицах.

Психофизики показали решающую роль временного фактора для количе-

ственной оценки психических проявлений (подробнее см.: Сусоколова, 2009). Постепенность появления и исчезновения ощущения указала на «естественный» лимит времени опыта. Для элементарных психических проявлений это легко достигалось очевидным образом: от испытуемых требовалось сообщить об ощущении ровно в тот момент после воздействия стимула, когда оно возникало. Тем самым количественная оценка психических проявлений выражалась в физических единицах интенсивности стимула, по модулю ограниченного, выраженного в конвенциональных единицах интервала времени.

Динамический аспект психики изучался путем измерения скоростного показателя — времени реакции. Ф. Дондерс разработал схему вычисления длительности психических процессов как проявлений мозговой деятельности. Он отнес на счет психических процессов тот отрезок времени, который затрачен на ответ, сверх времени, израсходованного на проведение нервного импульса со скоростью, вычисленной по формуле Г. Гельмгольца (подробнее см.: Сусоколова, 2009). Опираясь на чисто формальный показатель времени — измеряемый отрезок, эта схема привела к объединению в одну «систему отсчета» параметров функционирования нервной системы и показателей динамики психических процессов. В дальнейшем при измерениях любых психических проявлений принимался в расчет универсальный для всего сущего показатель — временной интервал. Для получения «информации об общей ментальной способности» тестируемых индивидов и «отношения процессов друг к другу в комплексной способности» единым измеряемым показателем выступило только время операций (восприятие, память, ассоциации, моторика): абсолютная длительность выполнения тестов и ее отклонения от среднего (Sharp, 1899, p. 336).

Проведенное Ф. Гальтоном усовершенствование ассоциативного эксперимента требовало ограничения времени, даваемого на ответ. Добиваясь сопоставимости результатов, он сократил до минимума время, отведенное на свободную ассоциацию, чтобы избежать образования их цепочек, где следующая ассоциация будет ответом на предыдущую, а не на исходный стимул (Galton, 1911). Используя свой метод, — закрыв листом бумаги предварительно составленный список слов и последовательно открывая каждое «лишь на мгновение», — Гальтон предъявил самому себе 75 слов по 4 раза каждое с интервалом около 1 месяца, оставляя всего 4 секунды на каждый ответ. Он получил 505 идей и 13 случаев, в которых за время предъявления стимула не возникло ничего достаточно определенного. Из 505 идей только 289 были различны. Из этого он сделал очень важный для развития парадигмы вывод о принципиальной обзорности содержания проявлений ума. «Это показывает намного меньшую вариативность ментального фонда идей, чем я ожидал, и заставляет нас полагать, что дороги нашего разума пробиты очень глубокими колеями» (Ibid., p. 138).

В целях сопоставимости полученных ответов (под давлением требований статистики: события должны быть однородны) в психометрических тестах требуется ограничение времени выполнения заданий. При оценке умственных способностей одним из основных показателей успешного решения (наряду с правильностью) является скорость. По мере распространения тестирования ограничение времени, даваемого на ответ, стало принципиальным. Исходно задаваемый лимит времени выполнения теста «обязан обеспечить адекватный потолок» (Anastasi, 1982, p. 120). Потолок предотвращает получение идеальных баллов, ибо невозможно знать, насколько более высоким

мог бы быть индивидуальный балл, если бы больше заданий или более трудные задания были бы включены (Ibid.). Считается, что короткий интервал выступает возможным способом контроля над используемыми испытуемыми стратегиями выполнения заданий, что необходимо для статистического упорядочивания результатов. Предполагается, что жесткие временные ограничения не позволяют испытуемым отклоняться от стратегии, предусмотренной экспериментатором, и искать свои (Guilford, 1967, p. 443).

Строгий лимит метрологического времени выполнения заданий сводит возможности тестов к измерению скоростного показателя психических актов — производительности: регистрируемый объем продукции, выданной за ограниченное время. Инструмент, фиксирующий только ответ и апеллирующий только к метрологическому времени, в принципе не позволяет выявить существенный признак творчества — того, что человек способен познать и сделать по собственной инициативе.

VI.3. Проблема первостепенной важности — валидность тестов дивергентности. Еще в самом начале использования ментальных тестов Гальтон подчеркивал особую значимость сопоставления результатов серий измерений с независимыми оценками степени проявления признака, полученными из наблюдений или мнения компетентных лиц (Cattell, 1890, p. 380). Их совпадение он считал принципиальным доказательством того, что тест измеряет искомую реальность, т. е. валиден. Гилфорд уделял особое внимание обсуждению проблемы валидности тестов (Guilford, 1967).

Однако именно валидность тестов креативности (и, прежде всего, тестов ДП) подверглась жесткой критике, отменившей их «предсказательную слабость» (подробнее см.: Богоявленская, Суколова, 2011, с. 185–204). Тщательный ана-

лиз результатов измерения креативности показал явную недостаточность «свидетельств связи между тестами креативного мышления Торранса и ежедневными критериями креативных достижений» (Anastasi, 1982). Обозреватели в XXI в. отмечают неоднозначность подтверждения предсказательной и дискриминантной валидности тестов ДП (Plucker, Makel, 2010, p. 54). Осознание «нехватки предсказательной валидности тестов ДП привело ряд исследователей и работников образования к отказу от использования этих тестов» (Ibid.). Возможными причинами отсутствия предсказательной валидности тестов ДП считаются «недостаток методической строгости исследований», «оспариваемая честность психометрических измерений», в частности, «распределение баллов часто не нормальное, грубо нарушаются допущения многих статистических процедур» (Ibid.).

Пытаясь обойти эти недостатки, психометрики обратились к «реалистическим тестам», считая, что «исследование креативного перформанса в *искусственной обстановке* и с применением *незнакомых заданий* может только исказить наше представление о том, как креативность реально проявляется вне лаборатории» (Glăveanu, 2014, p. 25). Предполагалось, что тестовые задания, напоминающие поведение в реальных условиях, скорее всего, увеличат валидность тестов (Runco, 2010). Такой путь обхода недостатков приводит к отказу от собственно научного эксперимента, когда специфически психологическим методом диагностируется существо исследуемого феномена. Указывая «методологический путь всякого объяснительного принципа», Выготский считал необходимым максимально абстрагировать «изучаемое явление от специфических условий единичного явления», видеть «в единичном общность» (Выготский, 1982, т. 1, с. 404). При принципиальной невозможности выя-

вить сущность искомого феномена «может показаться, что... эксперимент, имитирует действительность — создает искусственные условия для наблюдения. Отсюда требования жизненности и естественности эксперимента. Если эта идея идет дальше технического требования — не вспугнуть то, что мы ищем, — она приходит к абсурду. Сила... эксперимента — в искусственности» (там же, с. 406–407).

Обращение к реальным условиям выпускает на волю необозримое количество неконтролируемых параметров, что исключает собственно научный эксперимент. Научный эксперимент должен проводиться в обстановке, «искусственность» которой определяется необходимостью контроля над существенными параметрами изучаемого феномена, изоляции их от несущественных, преходящих показателей, и повторяемости результатов (Г. Галилей). Однако психометрия не только не может выделить существенные признаки искомого явления, но и не может обеспечить контроль над измеряемыми параметрами и, следовательно, не может добиться повторяемости результатов. «Необходимость принципиально выйти за пределы непосредственного опыта есть вопрос жизни и смерти для психологии. Разграничить, разделить научное понятие от специфического восприятия можно только на почве косвенного метода. Возражение, будто косвенный метод уступает непосредственному, глубоко неверно в научном смысле. Именно потому, что он освещает не всю полноту переживания, а лишь одну сторону, он совершает научную работу: изолирует, анализирует, выделяет, абстрагирует одну черту» (Выготский, 1982, т. 1, с. 347). Более того, предъявление незнакомых заданий позволяет изучать такой значимый для творческого познания этап, как овладение новым материалом, и исключить простое воспоминание. В силу «глобальной универсальности» теста он применяется для измерения

различных гипотетических признаков явлений любой сложности. Установление адекватности метода пониманию изучаемого явления, требуемое методологией научного познания, — неразрешимая задача в рамках эмпирического подхода.

VII. Рассматривая научный язык как орудие мысли, инструмент анализа, Выготский считал, что «о размерах кризиса» в психологии можно судить, изучив «психологический язык, номенклатуру и терминологию, словарь и синтаксис психолога» (Выготский, 1982, т. 1, с. 356). Свойственное эмпирической психологии некритическое перенесение понятий из других наук наполнило ее язык слепыми терминами. Выготский отметил, прежде всего, его недостаточную терминологичность: «это значит, что психология не имеет еще *своего* языка. В ее словаре вы найдете конгломерат трех сортов слов: 1) слова обиходного языка, смутного, многосмысленного, приуроченного к практической жизни... метафоричность и неточность практического житейского языка; 2) слова философского языка, утратившие связь с прежним смыслом, многосмысленные вследствие борьбы разных философских школ, абстрактные в максимальной степени. Тропы этого языка благоприятствуют неопределенности мысли; 3) слова и формы речи, заимствованные из естественных наук и употребляемые в переносном смысле, служат прямо для обмана. Когда психолог рассуждает об энергии, силе, даже об интенсивности, или когда говорит о возбуждении и т. п., он всегда прикрывает научным словом ненаучное понятие, или вводя в обман, или еще раз подчеркивая всю неопределенность понятия, обозначающего чужим точным термином» (там же, с. 357). Это может быть и самообман исследователя «с большими пробелами в области методологии» (там же). «Смутное состояние языка в психологии отражает смутное состояние науки» (там же).

Современная эмпирическая психология сохранила все особенности своего языка, четко выделенные Выготским. Психометрикам «необходим смутный, неопределенный, уравнилительный житейский язык» (Выготский, 1982, т. 1, с. 358). Многосмысленность трактовок интеллекта и креативности прослеживается на всем протяжении распространения психометрии.

VII.1. По мере накопления эмпирических признаков интеллекта возникла необходимость обсуждения принципиальных для развития науки вопросов: *что* исследовать и *как* исследовать. Перед участниками (14 ведущих исследователей) симпозиума по проблеме интеллекта, развернутого на страницах «Журнала психологии образования», были поставлены вопросы: «Что такое интеллект?», «Как он может быть измерен тестами?» и «Какие самые важные «следующие шаги» в его изучении?» (Intelligence and its measurement, 1921). В основанной на прагматизме психометрии способ измерения (*как* измерено) играет ведущую роль в исследовательском сюжете и нередко определяет трактовку того, *что* измерено. Ответы участников симпозиума представляют широкий разброс мнений.

Трое участников выразили общепринятое в психометрии представление о возможности измерения признаков интеллекта без того, чтобы сначала дать хотя какую-то дефиницию этого феномена. Экстремальную позицию занял С. Пресси, заявив, что он «вообще не интересуется» тем, что такое интеллект, но хочет знать, «как тесты могут служить для решения той или иной /практической/ проблемы» (Ibid., p. 144). С ним согласен Б. Бакингам: «для практических целей мы можем вполне обойтись без дефиниции центрального качества, определяющего эффективность поведения» (Ibid., p. 271). А Б. Румл выразил убеждение, что «природа интеллекта едва ли может об-

суждаться в настоящее время из-за... отсутствия точности в терминах... и фактического материала по многим существенным пунктам» (Ibid., p. 143).

Некоторые участники дали описание интеллекта в сравнении с какими-то другими психическими явлениями. В. Хенмон и Р. Пинтнер обратили внимание на важность различения интеллекта и знания и на необходимость исключения знания при измерении интеллекта. Но в этом случае остается неясным, по каким же признакам измерять интеллект. Л. Терстоун соотнес интеллект с более «низкой» психической функцией — инстинктом. Интеллект «замедляет инстинктивное поведение на незаконченной стадии формирования и модифицирует его на этой стадии посредством воображаемых стимулов, относительно отдаленных от непосредственно данного и воспринимаемого» (Ibid., p. 204).

Ряд участников положили в основу описания интеллекта способности. Г. Вудроу «определил» интеллект как «способность приобретать способности» (Ibid., p. 207). Но коль скоро «приобретенная способность» оказывается «успехом в любой ситуации», то это — слишком размытое «определение», близкое к трактовке общего фактора. В. Диаборн воспроизвел распространенное определение интеллекта: «способность учиться или получать преимущества из опыта» (Ibid., p. 210).

Л. Термен ограничил значение термина «интеллект» отдельным признаком этого «высшего ментального проявления» — абстрактным мышлением (Ibid., p. 128).

Тактика разбиения целостного феномена на компоненты легла в основу четырех описаний. Ф. Фриман описал интеллект «с точки зрения его конструкции (сенсорные способности; перцептивное опознание; быстрота, разброс или гибкость ассоциаций; воображение; устойчивость внимания; быстрота и бойкость

ответа)» и дополнил описание «моральными характеристиками и чертами темперамента» (Ibid., p. 133–134). Стремление охватить «определением» интеллекта как можно больше признаков неотделимо от способа их «измерения» универсальными тестами. Как «фактор или способность», состоящую из компонентов, интеллект рассматривали Й. Петерсон: «композиция многих различных способностей» (Ibid., p. 199) и С. Колвин: «общее среднее многих различных факторов, положительно, но не абсолютно точно, коррелирующих» (Ibid., p. 137). Как составную функцию его представил М. Хатгерти: «практическое понятие, подразумевающее группу комплексных процессов» (Ibid., p. 212).

Э. Торндайк описал интеллект как «силу хороших ответов с точки зрения истины или факта», что позволяет отделять его «по ситуации, как взятой в целом и абстрактно, так и переживаемой непосредственно или в мыслях» (Ibid., p. 124).

Хотя ведущие специалисты не смогли прийти к консенсусу при описании интеллекта, но они единодушно видели «следующие шаги» в расширении списка гипотетических признаков и продолжении их измерения и упорядочивания.

Широкое обсуждение смысла термина «интеллект» не ограничилось рамками этого симпозиума. Ч. Спирмена особенно интересовала «сверхспособность» — подобный хамелеону интеллект, который «не имел никакого определенного смысла» (Spearman, 1923, p. 349). И для того, чтобы найти этот смысл, Спирмен переформулировал задачу в характерной для психометрической парадигмы конвенциональной манере: «Больше не важен вопрос о том, что он означает, но, скорее, что считать, что он означает» (Ibid., p. 350). И, понимая ведущую роль универсального измерительного аппарата, он склонился «к альтернативе, состоящей в расширении значения слова для покрытия всех

ноэгенетических² принципов в каждом их проявлении. Особенно настоятельно этого требует проблема... природы такого вида интеллекта, который был измерен буквально у миллионов людей с помощью ментальных тестов» (Ibid.). Тем самым на передний план выступает чисто формальное «описание» интеллекта как того, что измерено тестами, впервые сформулированное аспирантом Дж. Кеттела К. Висслером (Wissler, 1901) и повторенное Э. Борингом в лаконичной формулировке: «измеряемый интеллект — это то, что измеряется тестами интеллекта» (Boring, 1923, p. 35). В XXI в. к психометрической трактовке интеллекта, который «часто операционально определяется как когнитивные способности, которые измеряются тестами IQ» (Kim et al., 2010, p. 395), было добавлено «разъяснение»: «хотя IQ не является эквивалентом интеллекта, но считается его мерой и приемлемым полномочным представителем. Одно из отличий интеллекта от IQ — это то, что последний ограничен только тем, что измеряемо, тогда как в чистой форме интеллект комплексный и многомерный» (Ibid.).

Детализованному критическому анализу наличного статуса измерений признаков интеллекта посвящены объемная статья Э. Торндайка «Измерение интеллекта» (Thorndike, 1924) и его с соавторами обстоятельный труд с тем же названием (Thorndike et al., 1927). Торндайк отметил неясность содержания термина «интеллект», произвольность выбранных «единиц измерения», неопределенность признаков («баллы тестов измеряют прямо только впечатление обмерщика о перформансе испытуемого») (Ibid., p. 7). Уделяя

особое внимание тому, «как» измеряется, он перечислил необозримое разнообразие форм тестов (ответить на вопросы, заполнить пропуски в предложении, завершить картинку, найти ошибку, дать определение, упорядочить объекты, собрать разрозненные части и т.д.) и, соответственно, огромную вариативность возможных операций, используемых испытуемыми для их выполнения (направить внимание на определенные вещи, запомнить данное, вспомнить нужное, отобрать информацию по определенным требованиям, установить отношения, выявить общий элемент и т.д.). При этом, «измерения интеллекта есть измерения интеллектуальных продуктов» (ответов на задания) (Thorndike, 1924, p. 228); операции лишь предполагаются. Но сами по себе видимые результаты, отчужденные от деятельности по их получению, не принадлежат области собственно психических явлений, и оценка только продуктов вне связи с соответствующей деятельностью не обогащает психологическую науку.

При господстве биологизаторского подхода (Г. Спенсер, Ч. Дарвин) интеллект трактовался как адаптационная способность «хорошо отвечать на новые ситуации, создавать что-то оригинальное» (Thorndike, 1924, p. 220). Однако, отмечал Торндайк, в принципе, невозможно решить, какие ситуации новые для данного испытуемого; нет объективных критериев для выделения хорошего ответа; невозможно ранжировать новые ситуации по степени их трудности. Большинство наличных тестов апеллируют как к знакомой, так и к новой информации. Поэтому, пришел к выводу Торндайк, лучше не ограничивать оценку интеллекта показателем новизны. Но, отражая незыблемость основ психометрии, исследователи XXI в. по-прежнему принимают биологизаторские идеи в трактовке интеллекта как «способности понимать комплексные идеи, адаптироваться к окружающей

² «Ноэгенетический» (noegenetic) — термин, предложенный Ч. Спирменом для комбинации ноэтической («noetic»: воспринимаемый только умом, относящийся к понятиям, понятийный) и генеративной (продуктивной) характеристик познания.

среде, ... сосредоточиться на рассуждении для преодоления препятствий» (Kim et al., 2010, p. 395).

Торндайк рассмотрел часто выдвигаемую гипотезу, приравнивающую интеллект к способности учиться, которая оценивается по тому, насколько трудный материал испытуемый может выучить, или насколько быстрее он может выучить материал одинаковой трудности, или насколько больше материала одинаковой трудности он может выучить за определенное время (Thorndike, 1924, p. 234). Но более трудные задания, используемые в тестах, отличаются от менее трудных только тем, что их успешно решают «более интеллектуальные» (по оценкам наблюдателей) испытуемые. В целом Торндайк очень низко оценивал возможности наличных инструментов для измерения индивидуальной способности выучить больше материала за отведенное время или выучить данный материал быстрее; т. е. формальная оценка уровня интеллекта, понимаемого как способность учиться, также «туманна и неопределенна» (Ibid.). Несмотря на это, представление об интеллекте как способности «учиться из опыта» (Kim et al., 2010, p. 395) перекочевало и в XXI в.

По тем же трем показателям, по Торндайку, выставляются баллы за выполнение тестов. Интеллект у испытуемого А оценивается выше, чем у Б, если: 1) он выполняет более трудные задания; 2) он выполняет больше заданий одинаковой трудности за определенное время; и 3) он выполняет задания быстрее (Thorndike, 1924, p. 220). Он рассмотрел эти показатели.

1. Уровнем трудности задач, которые испытуемый решает, оценивается «высота» интеллекта. Торндайк отмечал неясность самого понятия «трудности» задания. Уровень трудности в психометрии определяется чисто статистически: задачи считаются тем более трудными, чем

меньшее число детей данного возраста и данного уровня образования из достаточно большой выборки может их решить.

2. Числом задач одинаковой трудности, которые испытуемый решает, оценивается «широта» интеллекта. Но, указывал Торндайк, «знать больше других и быть в состоянии делать больше, чем кто-то другой», не означает также «иметь больший интеллект» (Thorndike, 1924, p. 240). Эти показатели, по Торндайку, взаимосвязаны: если испытуемый решает более трудные задачи, то он, в среднем, усваивает материал быстрее и может решить больше задач одинаковой трудности.

3. К показателю скорости решения задач, измеряемой метрологическим временем, Торндайк отнесся неоднозначно. Он утверждал, что основанный на здравом смысле принцип: «чем быстрее испытуемый дает правильные ответы, тем больше его интеллект, ... не может быть принят аксиоматически» (Ibid., p. 241). Но по требованиям статистического аппарата в инструкции тестов испытуемым сообщается об ограничении времени выполнения заданий. Их вынуждают работать на скорость. Пришлось принять, что «определенный средний вес, приданный скорости, не уменьшит сильно значение теста» (Ibid.). Однако не было установлено значимых корреляций между быстрой выполнением заданий и уровнем интеллекта (Bernstein, 1924).

При описании креативности по измеряемым признакам также возникли значительные трудности их согласования. Не умея выявить психологическую сущность креативности, эмпирики уверены, что «есть много различных подходов, которые можно использовать для понимания креативности» (Sternberg, 2006, p. 87). Целые главы весьма объемных сборников представляют различные «эмпирически ухватываемые частные ингредиенты креативной смеси, совместная работа» которых, предположительно, «детерминиру-

ет вероятность /получения/ и значимость креативного результата» (Ward, Kolomyts, 2010, р. 93). Считается, что многообразие признаков креативности столь велико, что не может быть объединено и «требует множества подходов для его понимания» (Ibid.). Об отсутствии единого понимания высшей формы психики в современных психометрических работах свидетельствует «обилие определений креативности» и «родственных, схожих, перекрывающихся и синонимичных» признаков, служащих для житейского описания этого неуловимого феномена: «воображение, изобретательность, инновация, воодушевление, искусность, вдохновение, новаторство, оригинальность, талант, уникальность» (Plucker, Makel, 2010, р. 48). При этом широко используются лишь те термины, которые обозначают проявления, поддающиеся количественной оценке.

Несогласованность списка признаков, относимых к креативности, нередко приводит к получению «весьма противоречивых результатов» (Ibid.). «При отсутствии стандартов для определения, что креативно (а что нет), сравнение результатов исследований, использующих “креативных” и “некреативных” участников, процессы и продукты, становится проблематичным и неточным» (Kaufman et al., 2010). Закономерно, что «многие исследователи просто совсем избегают определения релевантных терминов... кажется, что уже никто в этой области не может дать определение креативности» (Plucker, Makel, 2010, р. 48). В современном обзоре отмечено, что покомпонентный анализ дает «сепаратные, статичные, разьединенные элементы и игнорирует их взаимодействие» (Glăveanu, 2014, р. 17). Тем самым психометрия в XXI в. дала опытное подтверждение указанного Выготским принципиального ограничения тактики разложения единого целого на отдельные элементы: попытки установления механической связи между ними делают не-

возможным изучение их внутренних отношений в целостном феномене (Выготский, 1982, т. 2, с. 14).

VII.2. Выготский отметил характерную для языка эмпирической психологии особенность: «нахождение термина есть конечный, а не начальный пункт исследования: как только тот или иной комплекс реакций обозначается каким-либо психологическим термином, так всякие дальнейшие попытки анализа заканчиваются» (Выготский, 1982, т. 1, с. 361).

По мере продвижения исследований от простого к сложному дихотомически представленные в эмпирической психологии термины «конвергентный» и «дивергентный» поступательно применялись к явлениям различного уровня сложности. Как мы видели, Гальтон заимствовал термин «дивергенция» из дарвинизма, где она понималась как механизм появления новых адаптивных признаков, связал ее с формальным показателем ассоциативных ментальных образов (множественностью их появления в ответ на стимул) и указал на ее основные измеряемые признаки: беглость и гибкость. Г. Мюллер изучал вопрос о возникновении неясных образов в зависимости от внешних воздействий при восприятии и запоминании. Он вывел принцип конвергенции для сенсорной области психики: ясные образы со временем сливаются в неясный образ, который обладает функциональной неопределенностью. Она возникает, когда нельзя достичь определенности в процессе восприятия или обращения к памяти, и на выходе образуется несколько вариантов выбора, что является несомненным адаптационным преимуществом неопределенных ассоциативных образов (Müller, 1913). (Описанное Мюллером явление похоже на дивергентность, хотя этого термина он не употреблял.) В 1918 г. Р. Вудвортс привлек внимание к различию между тем, что он называл «конвергентной» и «ди-

вергентной» формами решения проблем (Woodworth, 1921).

Далее термины «конвергентный» и «дивергентный» были перенесены в сферу интеллекта. В основу интеллекта Спирмен положил когнитивную функцию, обеспечивающую восприятие и осознание явлений действительности. Он описал дивергентно-конвергентное взаимодействие ментальных образов, сохраняемых в памяти (Spearman, 1923, p. 67). Конвергентное направление со временем приводит к слиянию ясных образов в неопределенный образ. Через посредство неопределенных образов достигается вариативность ассоциаций, необходимая для получения их отдаленных видов. Дивергентность связана с не полностью определенным образом, считавшимся ресурсом вариативности, залогом успешной адаптации (Spearman, 1923). Возникновение неопределенных образов, обеспечивающих вариативность, обусловлено рядом непредсказуемых факторов: ограниченное время, перцептивные помехи, когнитивные трудности. Поэтому дивергентность (расхождение образов) лишь возможна. Но из предложенных вариантов выбор должен быть сделан (для того они и предоставлены). Какой из вариантов будет выбран, не определяется однозначно. В эволюционной концепции в качестве основания для выбора выступает целесообразность адаптации. Взаимодействие противоположно направленных ассоциативных процессов обеспечивает достижение самого нетипичного выбора, который и называется креативным.

Спирмен утверждал, что неполнота определенности образа лежит в основе кардинального факта, подчеркиваемого во всех эволюционных теориях: «по мере развития когнитивность может становиться все более и более дифференцированной» (Spearman, 1923, p. 163), усиливается ее качественная характеристика, — способность к обособлению

различающихся свойств объектов. В свете ассоциативного объяснительного принципа это означало ослабление связи между свойствами объектов.

Спирмен указал способ определения числового значения ослабления этой связи: «любая степень неопределенности оставляет пространство для строго соответствующего количества дивергентности; если не определено, является ли $A \times X$ или Y , то при добавлении определенности оно может становиться *либо* X , *либо* Y » (Spearman 1923, p. 163). Тем самым величина степени неопределенности, т. е. возможное количество выдвигаемых предположений, происходящее из взаимодействия прошлого опыта и природы стимульного объекта, однозначно определяет, по Спирмену, количество расходящихся когнитивных направлений (подробнее см.: Богоявленская, Сусоколова, 2011, с. 31–37).

Для разведения конвергентного и дивергентного типов умственных действий он заложил в тест «закончить предложения» (Ebbinghaus, 1897) различные степени определенности ответов. Тесты, подразумевающие множество ответов, использовались его аспирантом Г. Харгривсом для выявления фактора «беглости» (Hargreaves, 1927). Эмпирически была установлена взаимосвязь беглости и гибкости. По мере появления множества ответов, обеспеченных беглостью, исчерпываются ответы данного класса, что стимулирует к его смене. Когда случается «блок», гибкость дает новую точку отправления, из которой могут происходить другие цепочки ассоциаций (Hargreaves, 1927, p. 60). Смена классов ответов, открывая новое направление ассоциирования, приводит к возрастанию общего количества ответов (беглость). При повышенной беглости чаще происходит смена различных классов (гибкость).

Отмеченное Спирменом взаимодействие конвергентных и дивергентных

тенденций ассоциативного процесса было показано экспериментально. Было установлено направление течения ассоциативного процесса, противоположное конвергентному образованию кумулятивного абстрактного образа: дивергентно расходящийся поиск нужного элемента со слабой ассоциативной доминантностью (очень отдаленной ассоциации). Было показано, что при усвоении понятий наряду с «ассоциативной силой» развивается «диссоциативная сила» (Ausubel, 1964). Под диссоциацией понимается освобождение искомого понятия от включенности в какой-то класс, потеря его тождества с элементами этого класса.

Гилфорд обособил «комплекс реакций» определенного вида — группу факторов дивергентного мышления, выявленных в тестах, где требуется дать много разнообразных ответов. В соответствии с заимствованной Гальтоном из дарвинизма трактовкой дивергентности (механизм появления нового вида), дивергентное мышление связали с креативностью по этому формальному признаку. Оценка креативности только по производству статистически редкого продукта (результата, идеи) в ответ на данный стимул определила смысловую канву ее психометрического исследования.

Имея в своем распоряжении метод, позволяющий измерять лишь отдельные признаки искомого явления, психометрики апеллируют только к тому, *какие* эти явления, а не *что* они есть. Креативность представлена лишь как атрибут. В психометрии измеряются признаки креативного результата, креативного мышления, креативной профессии, креативных черт личности, креативного таланта, креативного перформанса и т.д. Конкретный творческий акт выступает как изолированный, не зависящий от социокультурного развития. «Большинство теорий креативности концентрируются на атрибутах индивида» (Sternberg, 2006,

р. 95). Наряду с этим надо как-то учитывать влияния среды: «мы также должны концентрироваться... на атрибутах индивидуальной работы относительно контекста окружающей среды» (Ibid.). Для эмпириков «необходим язык житейский, неопределенный, путанный, многосмысленный, смутный, такой, чтобы сказанное на нем можно было согласовать с чем угодно, ... им нужно слово, которое не даст ни ясной философской квалификации природы явления, ни просто ясного его описания» (Выготский, 1982, т. 1, с. 361). Анализ атрибута, не имеющего своей сущности, неосуществим. Термины «конвергентный» и «дивергентный» не анализировались, а приставлялись к различным явлениям. Так, Гилфорд в течение ряда лет использовал эти атрибуты то с мышлением (Guilford, 1955; 1956; 1959a; 1959b; 1963), то, более корректно, с продуктивностью (Guilford, 1958; 1959b; 1961; 1967; 1977; 1979; 1986). Использование «мышления» наряду с «продуктивностью» он объяснял тем, что в изложении «для аудитории, менее склонной к техническим подробностям, более знакомый термин “мышление” был бы лучше понят, несмотря на его меньшую точность» (Guilford, Hoepfner, 1971, р. 27). Не анализируя сам термин, современные авторы (Kaufman, Sternberg, 2010) увеличивают число измеряемых «дивергентных» признаков (зачастую внедряясь на «смежные территории»: интеллект, память). Предпочтение отдается термину «дивергентное мышление» (ДМ), которому приписывается не только «генерация идей», но также и «решения, суждения и оценки, свойственные идеаторности³», указывающей на креативный потенциал (Runco, 2010, р. 413).

Эксплуатируя слово «объективный», психометрики пытаются соотнести содержание с формальными показателями.

³ Способность формирования и восприятия идей.

Характеризуя главное значение статистического метода, Гальтон писал: «Предмет статистической науки — открытие методов конденсации информации, касающейся больших групп родственных фактов, в краткие и сжатые выражения» (Galton, 1911, р. 33). При интерпретации этих выражений необходимо опираться на наблюдения и мнение экспертов. Гилфорд считал нужным «сказать что-то о психологическом значении факторов, из которых система отсчета (модель СИ) сконструирована» (Guilford, 1967, р. 37). По его мнению, «термин *фактор* используется, по крайней мере, в двух смыслах. Есть математический фактор, который извлекается из интеркорреляций и который помогает репрезентировать эти интеркорреляции более коротким способом. После анализа мы имеем связи n тестов с k факторами, где k меньше n ... Из опознания свойств тестов, которые сильно связаны с математическим фактором, у исследователя интуитивно (подчеркнуто мной. — И. С.) зарождается идея о том, какая психологическая переменная может быть репрезентирована этим математическим фактором. Эта психологическая переменная является психологическим фактором. Это генотип, в то время как математический фактор — это фенотип. Идея об этой промежуточной переменной зарождается у исследователя из наблюдаемых данных. Исследователь может ошибаться. Но, в принципе, это также верно для того, кто занимается факторным анализом, как для любого другого исследователя» (Ibid., р. 37–38).

Хотя за более чем 60 лет интенсивного тестирования креативности проявились непреодолимые недостатки такой поверхностной ее трактовки (главным образом неэффективность педагогических рекомендаций по выявлению и «выращиванию» гениев), другого показателя для креативности, кроме ДП (ДМ), психометрия не дала. С последних декад XX в. по насто-

ящее время наблюдается некоторая «переоценка ценностей» и отток исследователей из этой области. И ученые, и практические работники в Америке «теперь отказываются от дивергентного мышления и не видят никакой ценности в исследованиях идеаторной креативности» (Runco, 1991, р. 202). В Западной Европе темой креативности «пренебрегают в психологических и педагогических исследованиях и теориях... Нет научных школ или исследовательских центров креативности; прогресс зависит, более или менее, от персонального интереса исследователей креативности. Это приводит к тому, что скудное количество исследований и статей разбросано по национальным (иногда интернациональным) журналам» (Urban, 1991, р. 99). Однако, несмотря на это, американские психометрики упорно считают, что «может быть, стоит продолжать исследования дивергентного мышления» (Runco, 1991, р. 202).

VIII. При незнании «конца пути» в психометрии невозможно проследить развитие выделенного признака.

В соответствии с принятой трактовкой развития как прижизненного накопления и «увеличения объема» различных свойств его пытались исследовать путем сопоставления количественных показателей измеряемых психических проявлений в различных возрастных группах. Однако такое «срезовое» тестирование создает существенные трудности, связанные с разработкой тестов, измеряющих сопоставимые функциональные и результативные аспекты для различных возрастных уровней. Так, Г. Гарретт и его сотрудники (Garrett, 1930; 1938; 1946; Garrett et al., 1935; Anastasi, 1930; 1932; Schneck, 1929; Schiller, 1934) занимались установлением для каждого возраста характерных количественных оценок различных способностей, предположительно составляющих интеллект. Проведенное ими тестирование в различных возрастных группах по-

казало, что по мере взросления интеркорреляции между тестами уменьшаются, но неравномерно, т. е. возрастают степень независимости факторов и их количество.

Критически рассмотрев метод, использованный этими авторами, Гилфорд пришел к выводу, что «самая большая трудность при этих измерениях состояла в обеспечении сопоставимости тестов того же вида для взрослых и маленьких детей, а также для подростков. Множество форм тестов, которые могут быть даны взрослым, полностью исключены как тесты для маленьких детей. Другая слабость метода — зависимость размера корреляций от надежности тестов: чем ниже их надежность, тем ниже интеркорреляции. Сопоставление должно учитывать надежность, что означает корректирование интеркорреляций на аттенюацию, а это, в свою очередь, означает необходимость хороших оценок надежности» (Guilford, 1967, p. 413).

Надежды на сопоставимость результатов тестирования интеллекта в различных возрастных группах возлагались на IQ. Однако, детально рассмотрев и обобщив результаты множества эмпирических исследований, Торндайк выявил «фундаментальные недостатки» IQ (Thorndike, 1924). Во-первых, сомнительна его измерительная сила в отношении возможных возрастных количественных различий признаков интеллекта: применение шкалы для детей старшего возраста «не удобно, потому что подсчет IQ становится очень хлопотным» (Ibid., p. 223). Во-вторых, IQ не чувствителен к развитой форме этого явления — сформированному интеллекту взрослых людей. Торндайк указал, что для детей старше 14 лет шкалу IQ «не легко понимать, так как ментальные возрасты 14, 15, 16 лет и т.д. не соответствуют “средним” для 14-летних, 15-летних и т.д. Например, при измерении самыми лучшими инструментами средний ментальный возраст для 25-летнего примерно равен ментальному возрасту 14-летнего» (Ibid.).

В-третьих, шкала «не реалистична, потому что у нас нет ясного и четкого понимания того, что интеллектуально представляет собой человек в 15 лет, 16 лет и т.д., и мы не знаем, улучшится ли его интеллект в последующие 2–3 года. Ментальный возраст 15, 16, 17 фактически произвольная величина» (Ibid., p. 224).

Непреодолимым препятствием психометрического исследования развития креативности является отсутствие внешних критериев для определения валидности тестов. Приемлемый для взрослых «проверенный и подтвержденный временем» критерий степени креативности результата не применим для детей. Оценки учителей — субъективны. Лонгитюдные исследования по сопоставлению величины тестовых баллов в детском возрасте с реальными достижениями во взрослом возрасте не дали четких результатов, на основе которых можно было бы валидизировать тесты. В частности, отбор детей в отдельные группы на основе высокого IQ, стимуляция их продуктивности и тренировка некоторых релевантных навыков не привели к ожидаемому увеличению количества гениев в этих группах (Terman, Oden, 1940; White, 1990), хотя было много детей с высокой успеваемостью.

Специфическая трудность психометрического изучения развития креативности, трактуемой только как получение редкого продукта, вне связи с соответствующей деятельностью, была обозначена в одной из работ. Автор, которому явно «недостает критического вкуса» (Выготский, 1982, т. 1, с. 388), пишет: «креативность часто очевидна у маленьких детей, но может быть труднее найти ее у старших детей и у взрослых, потому что их креативный потенциал был подавлен обществом, которое поощряет интеллектуальный конформизм» (Sternberg, 2006, p. 93).

На протяжении полутора столетий (подробнее см.: Сусоколова, 2016) психометрический аппарат позволяет измерять

только признаки взрослого нормального человека.

(Окончание следует)

Литература

- Богоявленская Д. Б., Сусоколова И. А. (2011). Психометрическая интерпретация творчества. Научный вклад Дж. Гилфорда. М.: МГППУ.
- Выготский Л. С. (1982–1984). Собрание сочинений в 6 т. М.: Педагогика.
- Сусоколова И. А. (2009). Математические модели в психологии // Психология и психотехника. Сентябрь, № 9 (12). С. 39–47.
- Сусоколова И. А. (2016). Объективно-эмпирические исследования высшей формы психики. К 150-летию основания психометрии // Одаренный ребенок. № 2. С. 6–33. № 3. С. 13–38. (См. также в библиотеке журнала «Методология и история психологии»).
- Anastasi A. A. (1930). A group factor in immediate memory // Archives of Psychology. N 120. P. 5–61.
- Anastasi A. A. (1932). Further studies of the memory factor // Archives of Psychology. N 142.
- Anastasi A. A. (1982). Psychological Testing. 5ed. New York: Macmillan Publishing Co., Inc.; London: Collier Macmillan Publishers.
- Ausubel D. P. (1964). Creativity, general creative abilities, and the creative individual // Psychology in the Schools. Vol. 1. N 4. P. 344–347.
- Bernstein E. (1924). Quickness and Intelligence: An Inquiry Concerning the Existence of a General Speed Factor. London: Cambridge University Press.
- Boring E. G. (1923). Intelligence as the tests test it // New Republic. 34. P. 35–37.
- Cattell J. M. (1890). Mental tests and measurements // Mind. Vol. 15. Iss. 59. P. 373–381.
- Ebbinghaus H. (1897). Uebere eine neue Methode zur Prüfung geistiger Fähigkeiten und ihre Anwendung bei Schulkindern // Zeitschrift für Psychologie. Bd. 13. S. 401–459.
- Galton F. (1911). Inquiries into Human Faculty and Its Development. London: J. M. Dent & Sons.
- Garrett H. E. (1930). A study of the CAVD intelligence examination // Journal of educational research. Vol. 21. P. 103–108.
- Garrett H. E. (1938). Differentiable mental traits // The Psychological Record. Vol. 7. N 10. P. 259–298.
- Garrett H. E. (1946). A developmental theory of intelligence // American Psychologist. Vol. 1. N 9. P. 372–378.
- Garrett H. E., Bryan A. I., Perl R. (1935). The age factor in mental organization // Archive of Psychology. 176. #31.
- Glăveanu V. P. (2014). The psychology of creativity: A critical reading // Creativity. Theories — Research — Applications. Vol. 1. Issue 1. P. 10–32.
- Guilford J. P. (1952). General Psychology. Princeton, NJ: D. Van Nostrand Company, Inc.
- Guilford J. P. (1955). Les dimensions de l'intellect // L'analyse factorielle et ses applications. Ed. by H. Laugier. Paris: CNRS. P. 55–77, 92, 206.
- Guilford J. P. (1956). The structure of intellect // Psychological Bulletin. Vol. 53 (4). P. 267–293.
- Guilford J. P. (1958). New frontiers of testing in the discovery and development of human talent // Seventh Annual Western Regional Conference on Testing Problems. Princeton, NJ; Los Angeles, CA: Educational Testing Service. P. 20–32.
- Guilford J. P. (1959a). Three faces of intellect // American Psychologist. Vol. 14. N 8. P. 469–479.
- Guilford J. P. (1959b). Traits of creativity // Creativity and Its Cultivation. Ed. by H. H. Anderson. New York: Harper and Row. P. 142–161.
- Guilford J. P. (1961). Factorial angles to psychology // Psychological Review. 68. P. 1–20.
- Guilford J. P. (1963). Intellectual resources and their values as seen by scientists // Scientific Creativity: Its Recognition and Development. Ed. by C. W. Taylor, F. Barron. New York: John Wiley & Sons. P. 101–118.
- Guilford J. P. (1967). The Nature of Human Intelligence. New York: McGraw-Hill Inc.
- Guilford J. P. (1977). Way Beyond the IQ: Guide to Improving Intelligence and Creativity. Buffalo, NY: The Creative Education Foundation, Inc.
- Guilford J. P. (1979). Cognitive Psychology with a Frame of Reference. San Diego, CA: EdITS publishers.
- Guilford J. P. (1986). Creative Talents. Buffalo, NY: Bearly Limited.
- Guilford J. P., Hoepfner R. (1971). The Analysis of Intelligence. New York: McGraw-Hill Company.

Hargreaves H. (1927). The "faculty" of imagination // The British Journal of Psychology Monograph Supplements. Vol. X.

Intelligence and its measurement: a symposium (1921). // The journal of educational psychology. Vol. XII. N 3. P. 123–147; N 4. P. 195–216; N 5. P. 271–275.

Kaufman A. B., Kornilov S. A., Bristol A. S., Tan M., Grigorenko E. L. (2010). The neurobiological foundation of creative cognition // The Cambridge Handbook of Creativity. Ed. by J. C. Kaufman, R. J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press. P. 216–232.

Kaufman J. C., Sternberg R. J. (Eds.). (2010). The Cambridge Handbook of Creativity. Cambridge: Cambridge University Press.

Kim K. H., Cramond B., Van Tassel-Baska J. (2010). The relationship between creativity and intelligence // The Cambridge Handbook of Creativity. Ed. by J. C. Kaufman, R. J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press. P. 395–412.

Müller G. E. (1913). Gedächtnistätigkeit des Vorstellungsverlaufes // Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1 Abteilung. 111 Teil.

Plucker J. A., Makel M. C. (2010). Assessment of creativity // The Cambridge Handbook of Creativity. Ed. by J. C. Kaufman, R. J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press. P. 48–73.

Runco M. A. (1991). On investment and creativity: A response to Sternberg and Lubart // Creativity Research Journal. Vol. 4 (2). P. 202–205.

Runco M. A. (2010). Divergent thinking, creativity, and ideation // The Cambridge Handbook of Creativity. Ed. by J. C. Kaufman, R. J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press. P. 413–446.

Sharp S. E. (1899). Individual psychology: A study in psychological method // American Journal of Psychology. Vol. 10. N 3. P. 329–391.

Schiller B. (1934). Verbal, numerical and spatial abilities of young children // Archives of Psychology. N 161.

Schneck M. R. (1929). The measurement of verbal and numerical abilities // Archives of Psychology. N 107.

Spearman C. E. (1923). The Nature of "Intelligence" and the Principles of Cognition. London: Macmillan and Co., Limited, St. Martin's Street.

Sternberg R. J. (2006). The nature of creativity // Creativity Research Journal. Vol. 18 (1). P. 87–98.

Terman L. M., Oden M. H. (1940). Status of the California gifted group at the end of sixteen years // Yearbook of National Society of Study of Education. Vol. 39. Part 1. P. 67–89.

Thorndike E. L. (1924). Measurement of intelligence // The Psychological Review. Vol. 31 (3). P. 219–252.

Thorndike E. L., Bregman E., Cobb M., Woodyard E. (1927). The Measurement of Intelligence. New York: ARNO PRESS, A New York Times Company.

Urban K. K. (1991). Recent trends in creativity research and theory in Western Europe // European Journal of High Ability. Vol. 1. Issue 1. P. 99–113.

Ward Th. B., Kolomyts Yu. (2010). Cognition and creativity // The Cambridge Handbook of Creativity. Ed. by J. C. Kaufman, R. J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press. P. 93–112.

White W. F. (1990). Divergent thinking vs. convergent thinking — a GT anomaly // Education. Vol. 111 (2). P. 208–213.

Wissler C. (1901). The correlation of mental and physical traits // Psychological Monographs. Vol. 3 (6).

Woodworth R. S. (1921). Psychology: A Study of Mental Life. New York: Henry Holt and Company.

СОБЫТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

ПАМЯТИ ВЕРЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ КОЛЬЦОВОЙ

К нашей общей печали 8 ноября 2018 г. на 72 году жизни скончалась известный ученый и организатор науки, лауреат Премии РАН им. С. Л. Рубинштейна, профессор, доктор психологических наук, заместитель главного редактора и член редакционной коллегии «Психологического журнала», член экспертного совета ВАК при Министерстве образования РФ по педагогике и психологии, заведующая лабораторией истории психологии и исторической психологии Института психологии РАН, профессор кафедры общей психологии и истории психологии Московского гуманитарного университета Кольцова Вера Александровна.

В. А. Кольцова — известнейший отечественный специалист в области общей психологии, социальной психологии, методологии психологии, истории психологии, исторической психологии, автор свыше 150 научных работ, получивших признание как в России, так и за рубежом.

Вера Александровна родилась 27 июня 1947 г. в дер. Дядьково Дмитровского района Московской области в семье военнослужащего. Ее отец — военный летчик, прошедший всю войну, после войны занимался организацией обучения молодых летчиков, возглавлял военное авиационное училище в Челябинске. Возможно, именно от него Вера Александровна пе-

рения твердую жизненную позицию, патристическое мировоззрение и цельность характера. В 1970 г. она с отличием оканчивает факультет истории и обществознания Челябинского государственного педагогического института и несколько лет работает учителем в школе.

Свою научно-исследовательскую деятельность В. А. Кольцова начала в 1973 г., поступив в числе первых абитуриентов в аспирантуру недавно созданного Института психологии Академии наук СССР. Вся ее дальнейшая научная деятельность была связана с этим институтом — 45 лет Вера Александровна работала и жила интересами института, пройдя творческий путь от аспиранта до заместителя директора. 4 ноября 1976 г. после окончания аспирантуры она была зачислена в штат Института психологии АН СССР на должность младшего научного сотрудника; в 1981 г. переведена на должность старшего научного сотрудника в сектор методологии, теории и истории психологии; в 1991 г. возглавила лабораторию истории психологии (которой руководила до последних дней жизни); с 1 сентября 2005 г. являлась первым заместителем директора ИП РАН.

В 1977 г. В. А. Кольцова успешно защищает кандидатскую диссертацию «Общение и формирование понятий» под руководством доктора психологических наук, профессора Е. В. Шороховой, а в 2004 г. — докторскую диссертацию на тему «Теоретико-методологические основы историко-психологического исследования». В диссертации был обоснован целостный подход к изучению истории психологии с позиций системности и комплексности: рассмотрены объект и предмет истории психологии, проблемы историографии и источниковедения истории психологии, источниковедение истории психологии и его задачи, методы историко-психологического исследования. Материалы диссертации состави-

ли основу двух монографий В. А. Кольцовой, которые являются настольными книгами не только начинающих, но и авторитетных историков психологии.

Значение В. А. Кольцовой для развития психологии трудно переоценить. Она внесла вклад в исследование проблем социальной психологии (впервые изучена система социально-психологических взглядов Г. В. Плеханова), общей психологии (новаторская разработка проблем общения под руководством Б. Ф. Ломова), исторической психологии (под ее руководством было проведено одно из первых в отечественной психологии конкретно-эмпирическое исследование менталитета). Однако научной страстью Веры Александровны была история отечественной психологии. Являясь ученицей Е. А. Будиловой и М. Г. Ярошевского, она сумела заложить теоретико-методологические основы и обосновать конкретно-эмпирические подходы исследований в этой области психологии. Как талантливый ученый и организатор Вера Александровна не ограничивалась только разработкой научных проблем. Она один из инициаторов издания, ответственный координатор и заместитель председателя редакционной коллегии серии «Памятники психологической мысли» издательства «Наука». Под ее руководством создан и функционирует на базе Института психологии Научный психологический архив, создана система профессионального общения историков в формате широко известных Московских встреч по истории психологии, она стояла у истоков создания факультета психологии Московского гуманитарного университета.

Плодотворная научная и организационная деятельность Веры Александровны в области истории психологии и исторической психологии позволила укрепить авторитет истории психологии в научном сообществе и превратить Институт психологии РАН и лабораторию

истории психологии и исторической психологии во флагман данного направления в России, объединившим историков психологии из разных городов нашей страны.

Вера Александровна много лет вела преподавательскую деятельность, она прекрасный лектор, пробудивший во многих студентах, аспирантах интерес к истории психологии. Под ее руководством были защищены более 30 докторских и кандидатских диссертаций.

Ее работы хорошо известны и за рубежом, под ее руководством подготовлены и изданы в США труд, освещающий тенденции развития психологии в нашей стране в постсоветский период, а также монография, посвященная сравнительному анализу развития американской и советской психологии в годы Второй мировой войны.

Забота о сохранении отечественных научных традиций в психологии, памяти тех, кто их создавал, была в центре внимания Веры Александровны все последние годы. Ее доброжелательность, теплота, принципиальность в поступках, отзывчивость принесли ей заслуженное уважение всех, кто знал Веру Александровну.

Светлый образ Веры Александровны Кольцовой, талантливого ученого, прекрасного душевного человека навсегда сохранится в наших сердцах.

Похоронена В. А. Кольцова на Хованском (центральный) кладбище г. Москвы, участок № 7.

Е. В. Харитоновна,

Б. Н. Тугайбаева,

Москва, Институт психологии РАН

DOI: 10.7868/S1819265318040143

Для цитаты: Харитоновна Е. В., Тугайбаева Б. Н. (2018). Памяти Веры Александровны Кольцовой // Методология и история психологии. Вып. 4. С. 175–177.

ABSTRACTS & REFERENCES

Section THE SCIENTIFIC HERITAGE OF L. M. VEKKER

L. M. VEKKER'S SCIENTIFIC HERITAGE IN THE FIELD OF PSYCHOLOGICAL SCIENCE

N. A. Loginova

*St. Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: n_a_loginova@mail.ru*

L. M. Vekker is an outstanding psychologist, the author of the original theory, a teacher of higher education. He is a representative of the Saint-Petersburg scientific-psychological school. The author traces the conceptual connections between L. M. Vekker's ideas and V. M. Bekhterev's and B. G. Ananiev's scientific theories. In his work, Vekker sets ambitious goals to create the general psychology of mental processes and came close to building a unified theory of psychology — from processes to personality. It was based on the natural science concept of signal having information essence. The explanatory possibilities of Vekker's theory stem from the proposition that mental phenomena are subject to the general laws of the physical world and they are extremely specific. Vekker explains mental processes as the correlation of their characteristics with the laws and concepts of space, time, information, energy, matter. Mental time, space, etc. are homological with physical, but have very specific fundamental differences. L. M. Vekker's theory is not popular among modern psychologists, because it does not correspond to ordinary ideas about the subject-matter of psychology and because it is difficult to understand for those who is too much keen on pragmatism. The article argues that Vekker's theory is relevant to modern psychology; it has a great potential for the further development. It is strictly consistent, logical, historical-scientific, theoretically and empirically justified, and therefore convincing. Vekker is an example of a real scientist and university teacher, a connoisseur of history and theory of psychology, as well as philosophy, physics, biology, cybernetics, capable of interacting with related sciences in order to develop psychology itself. Vekker's commitment to the truth reinforced his principled position in civic behavior. The theory deserves to be studied in the universities nowadays. It should be actively included in the modern scientific discourse. L. M. Vekker's works, his life path deserve to become an independent subject-matter of in-depth study, primarily by historians and methodologists of science. We should republish the works of this scientist with scientific comments, including in English, and spread them to the modern scientific environment. The article presents the facts from the biography of the scientist and his inner circle.

Keywords: L. M. Vekker, L. M. Vekker's biography, L. M. Vekker's creativity heritage, Saint-Petersburg (Leningrad) psychological school, mental processes, signal, information, psyche, image, modern situation of psychology development.

DOI: 10.7868/S1819265318040015

Citation: Loginova N. A. (2018). Naučnoe nasledie L. M. Vekkera v prostranstve psihologičeskoj nauki [L. M. Vekker's scientific heritage in the field of psychological science] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 4. P. 5–16.

References

- Anan'ev B. G. (red.). (1959). Osâzanie v processah poznaniâ i truda. M.: APN RSFSR.
- Holodnaâ M. A. (1997). Psihologija intellekta: paradoksy issledovaniâ. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta; M.: Izd-vo "Bars".
- Holodnaâ M. A., Gel'fman È. G. (2016). Razvivaûšie učebnye teksty kak sredstvo intelektual'nogo vospitaniâ uçašihšâ. M.: IP RAN.
- Holodnaâ M. A., Osorina M. V. (red.). (2008). Teoretičeskoe nasledie L. M. Vekkera: na puti k edinoj teorii psihičeskikh processov. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Krylov A. A. (red.). (1998). Psihologija. M.: PROSPEKT.
- Lev Markovič Vekker. Nekrolog (2001). // Voprosy psihologii. N 3. S. 253–256.
- Loginova N. A. (2019). Teoretik psihologii Lev Markovič Vekker // Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Filosofija. Psihologija. Sociologija. N 1 (v pečati).
- Loginova N. A., Osorina M. V., Holodnaâ M. A., Čerednikova T. V. (2018). Edinaâ teoriâ psihičeskikh processov L. M. Vekkera v sovremennoj psihologii (k stoletiju so dnâ roždeniâ) // Psihologičeskij žurnal. N 6 (v pečati).
- Men'sikova L. V. (2008). Rol' obraznykh komponentov intelektual'noj deâtel'nosti v kontekste teorii L. M. Vekkera // Sibirskij psihologičeskij žurnal. N 30. S. 117–122.
- Osorina M. V. (2008). Naučnoe tvorčestvo i sud'ba L'va Markoviča Vekkera (k 90-letiju so dnâ roždeniâ) // Metodologija i istorija psihologii. Vyp. 4. S. 85–100.
- Protokol zasedaniâ kafedry obšej psihologii LGU, 05.01.1967 // CGA SPb. F. 7240. Opis' 22. Delo 82.
- Vasserman L. I., Čerednikova T. V., Logvinova I. V. (2014). Informacionnâ teoriâ psihiki L. M. Vekkera v rešenii konceptual'nyh i praktičeskikh problem detskoj nejropsihologii vnimaniâ i korrekcii kognitivnogo deficita u detej // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 16. Psihologija. Sociologija. Pedagogika. Vyp. 2. S. 20–33.
- Vekker L. M. (1964). Vospriâtie i osnovy ego modelirovaniâ. L.: LGU.
- Vekker L. M. (1974). Psihičeskije processy. T. 1. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta.
- Vekker L. M. (1976). Psihičeskije processy. T. 2: Myšlenie i intellekt. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta.
- Vekker L. M. (1981). Psihičeskije processy. T. 3: Sub'jekt. Pereživanie. Dejstvie. Soznanie. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta.
- Vekker L. M. (1998). Psihika i real'nost'. M.: Smysl.
- Ždan A. N. (2012). Istoriâ psihologii: ot Antičnosti do naših dnei. M.: Akademičeskij proekt; Triksa.
- Ždan A. N. (2016). Istoriâ psihologii. M.: Izdatel'skij centr "Akademija".

L. M. VEKKER AND THE SAINT-PETERSBURG PSYCHOLOGICAL SCHOOL

V. D. Balin

*St. Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: viktorbalin@yandex.ru*

Yu. V. Stepanova

*St. Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: stepanova7.93@mail.ru*

The article is devoted to the role and place of L. M. Vekker in the activities of the Saint-Petersburg scientific-psychological school. The features of such school are described: evolutionism, psychologism, methodological load, complexity-systematicity, empirical orientation, the tendency to the natural-scientific paradigm. The problems solved by the school are listed, in particular: the problem of psychogenesis, the study of bilateral asymmetry, the study of energy-information relationships, the study of the relationship between different forms of activation, typological studies and neurodynamics, the study of sensory systems, the search for psychological invariants, mathematical psychology, etc. It shows which problems L. M. Vekker developed in his work at the Faculty of Psychology of Saint-Petersburg State University. He built a general theory of mental processes, based his concept and model of psychic perception. When creating the general psychological construction of the psyche, he suggested taking physics as the starting point, because it is the most developed natural-scientific discipline. This work must begin with the creation of measurement units, which are well represented in physics. When developing the general psychology concept of the psyche, he drew attention to the fact that it is necessary to build this construction on the basis of the norm, it is necessary to develop the concept of a normal psyche, but not to prolong the data received on the sick psyche to the norm one, as it's often done. The name of L. M. Vekker is associated by lots of psychologists with the idea of the existence of a geometric invariants hierarchy, borrowed from topology and applied to describe the stages of the formation of mental images. Lev Markovich made the great contribution to the development of the natural-scientific paradigm developed by Leningrad psychologists in the 1950–70s of the 20th century and considered as the basis of the general psychological constructions of other psychologists of this school.

Keywords: natural-scientific paradigm, Leningrad (Saint-Petersburg) psychological school, unified theory of mental processes, geometric invariants, energy-information relationships.

DOI: 10.7868/S1819265318040027

Citation: Balin V. D., Stepanova Yu. V. (2018). L. M. Vekker i Sankt-Peterburgskaâ psihologiĭeskaâ škola [L. M. Vekker and the Saint-Petersburg psychological school] // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Iss. 4. P. 17–33.

References

- Adrianov O. S.* (1976). O principah organizacii integrativnoj deâtel'nosti mozga. M.: Medicina.
- Akinšikova G. I.* (1969). Telosloženie i reaktivnost' organizma čeloveka. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta.
- Akinšikova G. I.* (1977). Somatičeskaâ i psihoфизиологическаâ organizaciâ čeloveka. L.: Izd-vo LGU.
- Anan'ev B. G.* (2001). O problemah sovremennogo čelovekoznaniiâ. SPb.: Piter.
- Arbib M.* (1976). Metaforičeskij mozg. M.: Mir.
- Balin V. D.* (2001). Psihičeskoe otryaženie. SPb.: Izd-vo SPbGU.
- Balin V. D.* (2017). Teoretičeskaâ psihologiâ. M.: Ūrajt.
- Bëkon F.* (1971). Sočineniâ v 2 t. T. 1. O dostoinstve i priumnoženii nauk. M.: Mysl'.
- Dejč S.* (1970). Modeli nervnoj sistemy. M.: Mir.
- Ganzen V. A.* (1984). Sistemnye opisaniâ v psihologii. L.: Izd-vo LGU.
- Grodinz F.* (1966). Teoriâ regulirovaniâ i biologičeskie sistemy. M.: Mir.
- Gurevič G. B.* (1948). Osnovy teorii algebrâičeskikh invariantov. M.; L.: Gos. izd-vo tehniko-teoretičeskij literatury.
- Hol'st È., Oppel't V., Henzel G.* (1960). Processy regulirovaniâ v biologii. M.: IIL.
- Ignatov V. A.* (1979). Teoriâ informacii i peredači signalov. M.: Sovetskoe radio.
- Kulešova L. N.* (1975). Vkusovy pokazateli pri različnyh funkcional'nyh sostoâniâh organizma // Vestnik LGU. N 3. S. 150–153.
- Kulešova L. N.* (1983). K issledovaniû obraznoj pamâti vkusovoj modal'nosti // Kategorii, principy i metody psihologii. Psihičeskie processy. Tezisy naučnyh soobšenij sovetskikh psihologov k VI Vsesoûznomu s'ezdu Obšestva psihologov SSSR. M. S. 454–455.
- Kulešova L. N.* (1985). Zavisimost' nadežnosti prognoza degustacionnogo analiza ot tipa urovnevnyh i strukturnykh harakteristik vkusovoj čuvstvitel'nosti // Učenyje zapiski Tartuskogo universiteta. Vyp. 722. Problemy psihologii vospriâtiâ i myšleniâ. Tartu. S. 97–105.
- Kulešova L. N.* (1997). Sensorno-perceptivnaâ organizaciâ v strukture psihologičeskikh harakteristik čeloveka // Izvestiâ Akademii pedagogičeskikh i social'nyh nauk. Vyp. 2. S. 50–56.
- Larsen R. J., Buss D. M.* (2008). Personality Psychology. 3 ed. McGraw Hill.
- Levčenko E. V.* (2003). Istoriâ i teoriâ psihologii otnošenij. SPb.: Aletejâ.
- Libin A. V., Libina A. V.* (2008). Logika izučeniâ prirodnyh osnov psihičeskij real'nosti: teoriâ mental'noj ierarhii L. M. Vekkera // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 4. S. 101–108.
- Loginova N. A.* (2005). Opyt čelovekoznaniiâ: istoriâ kompleksnogo podhoda v psihologičeskikh školah V. M. Behtereva i B. G. Anan'eva. SPb.: Izd-vo SPbGU.
- Loginova N. A.* (2016). Antropologičeskaâ psihologiâ Borisa Anan'eva. M.: Institut psihologii RAN.
- Luk A. N.* (1966). Pamât' i kibernetika. M.: Nauka.
- Marcinkovskaâ T. D., Ūrevič A. V.* (2007). Estestvenno-naučnaâ i humanitarnaâ paradigmy v psihologii: Konfrontaciâ ili...? // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 2. S. 161–169.
- Mâsišev V. N.* (2004). Psihologiâ otnošenij. Voronež: MODËK; M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut.
- Osorina M. V.* (2008). Naučnoe tvorčestvo i sud'ba L'va Markoviča Vekkera (K 90-letiiu so dnâ roždeniâ) // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 4. S. 85–100.

- Pirs Dž.* (1967). Simvoly, signaly, šumy. Zakonomernosti i processy peredači informacii. M.: Mir.
- Pribram K.* (1975). Âzyki mozga. M.: Progress.
- Psihodiagnostičeskie metody (v kompleksnom longitûdnom issledovanii studentov) (1976) / pod red. A. A. Bodaleva, M. D. Dvorâšinoj, I. M. Paleâ. L.: LGU.
- Rozenblatt F.* (1965). Principy nejrodinamiki. Perceptrony i teoriâ mehanizmov mozga. M.: Mir.
- Suhodol'skij G. V.* (1997). Matematičeskaâ psihologîâ. SPb.: Izd-vo SPbGU.
- Suhodol'skij G. V.* (1998). Vvedenie v matematiko-psihologičeskuû teoriû deâtel'nosti. SPb.: Izd-vo SPbGU.
- Tejâr de Šarden P.* (1987). Fenomen čeloveka. M.: Nauka.
- Tihonova È. V.* (2010). U istokov sozdaniâ školy filosofskoj psihologii v Sankt-Peterburgskom universitete: Mihail Ivanovič Vladislavlev // Metodologîâ i istoriâ psihologii. Vyp. 2. S. 100–114.
- Umrihin V. V.* (2007). Istoriko-metodologičeskie problemy analiza naučnyh škol v psihologii // Metodologîâ i istoriâ psihologii. Vyp. 4. S. 5–14.
- Vejl' G.* (1947). Klassičeskie gruppy, ih invarianty i predstavlenie. M.: Gos. IIL.
- Vekker L. M.* (1964). Vospriâtie i osnova ego modelirovaniâ. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta
- Vekker L. M.* (1998). Psihika i real'nost': edinaâ teoriâ psihičeskih processov. M.: Smysl.
- Vekker L. M.* (2000). Mir psihičeskoj real'nosti: struktura, processy i mehanizmy. M.: Russkij mir.
- Viner N.* (1968). Kibernetika, ili upravlennie i svâz' v životnom i mašine. 2 izd. M.: Sovetskoe radio.

MEMORIES ON LEV MARKOVICH VEKKER

L. V. Menshikova

*Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia,
e-mail: melavl@mail.ru*

The author recalls his communication with L. M. Vekker during her student days and in subsequent years, the content and style of Vekker's lectures, the researchers conducted under his leadership, the defense of her PhD thesis, contacts in an ordinary environment. The author also speaks about L. M. Vekker's unobtrusive and wise guidance in determining the direction of research. The author provides data on the development of applied psychological-pedagogical studies at a university, which are based on L. M. Vekker's theoretical ideas.

Keywords: L. M. Vekker, mental image, theory of mental processes.

DOI: 10.7868/S1819265318040039

Citation: Menshikova L. V. (2018). Vospominaniâ o L'Ve Markoviče Vekkere [Memories on Lev Markovich Vekker] // Metodologîâ i istoriâ psihologii. Iss. 4. P. 34–39.

References

- Kabrin V. I.* (2008). Živoj Lev Markovič // Sibirskij psihologičeskij žurnal. N 30. S. 116.
- Men'shikova L. V.* (1974). Obraznye komponenty v myšlenii. Dis... kandidata psihologičeskikh nauk. L.: Leningr. gos. un-t.
- Vekker L. M.* (1964). Vospriâtie i osnovy ego modelirovaniâ. L.: LGU.
- Vekker L. M.* (1974). Psihičeskije processy. T. 1. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta.
- Vekker L. M.* (1976). Psihičeskije processy. T. 2: Myšlenie i intellekt. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta.
- Vekker L. M.* (1981). Psihičeskije processy. T. 3: Sub'ekt. Pereživanie. Dejstvie. Soznanie. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta.
- Vekker L. M.* (1998). Psihika i real'nost'. M.: Smysl.

CURRENT PROBLEMS OF MODERN NEUROPSYCHOLOGY IN THE LIGHT OF L. M. VEKKER GENERAL THEORY OF PSYCHE

L. I. Wasserman
*St. Petersburg State University,
V. M. Bechterev Research
Neuropsychiatric Institute,
Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: psy_lab@inbox.ru*

T. V. Cherednikova
*The Psycho-neurological
Dispensary of Frunze district,
Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: tvchered01@inbox.ru*

The article briefly discusses the current problems of neuropsychological theories and research of attention, its development and disorders in ontogenesis. The authors estimate the value of L.M. Vekker's information theory of psyche for the solving these problems. It is substantiated the efficiency of the child neuropsychology appeal to the fundamental laws of the information organization of psyche, to the concepts of main and across mental processes, their hierarchy and relationships with multi-level brain carrier. These provisions are demonstrated by the explaining the specific experimental facts in neuropsychology of attention, by the examples of eliminating the contradictions between its competing hypotheses.

Keywords: neuropsychology of attention, patterns of information mental processes, neuroplasticity, attention deficit disorder, impairment of mathematical abilities, Williams syndrome.

DOI: 10.7868/S1819265318040040

Citation: Wasserman L. I., Cherednikova T. V. (2018). Aktual'nye problemy sovremennoj nejropsihologii v svete obšej teorii psihiki L. M. Vekkera [Current problems of modern neuropsychology in the light of L. M. Vekker general theory of psyche] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 4. P. 40–54.

References

- Aktual'nye problemy nejropsihologii detskogo vozrasta (2001). / pod red. L. S. Cvetkovoj. M.: Moskovskij psihologo-social'nyj institut; Voronež: Izdatel'stvo NPO «MODEK».
- Andersen R. A. (1995). Encoding of attention and spatial location in the posterior parietal cortex // *Cerebral Cortex*. Vol. 5. P. 457–469.
- Ansari D., Donlan C., Karmiloff-Smith A. (2007). Typical and atypical development of visual estimation abilities // *Cortex*. Vol. 43. N 6. P. 758–768.
- Atkinson J., Hood B. (1994). Deficits of selective visual attention in children with focal lesions // *Infant Behavior and Development*. Vol. 17. P. 423.

- Atkinson J., Nardini M.* (2008). Visuospatial and visuomotor development. In J. Reed, J. W. Rogers (Eds.), *Child Neuropsychology*. Oxford: Blackwell. P. 2–42.
- Balonov L. Â., Deglin V. L.* (1976). Sluh i reč' dominantnogo i nedominantnogo polušariâ. L.: Nauka.
- Baron I. S.* (2003). *Neuropsychological Evaluation of the Child*. Springer, USA.
- Bragina N. N., Dobrohotova T. A.* (1988). Funkcional'nye asimmetrii čeloveka. M.: Medicina.
- Castellanos F. X., Kelly C., Milham M. P.* (2009). The restless brain: attention-deficit hyperactivity disorder, resting-state functional connectivity, and intrasubject variability // *The Canadian Journal of Psychiatry*. Vol. 54. N 10. P. 665–672.
- Clarkson M. G., Berg W. K.* (1983). Cardiac orienting and vowel discrimination in newborns: Crucial stimulus parameters of acoustic stimuli // *Child Development*. Vol. 54 (1). P. 162–171.
- Colombo J.* (2001). The development of visual attention in infancy // *Annual Review of Psychology*. Vol. 52. P. 337–367.
- Csibra G. A., Tucker L. A., Johnson M. N.* (2001). Differential frontal cortex activation before anticipatory and reactive saccades in infant // *Infancy*. N 2. P. 159–174.
- Cvetkova L. S.* (1997). Nejropsihologijâ pis'ma, čtenijâ i ščeta. M.: Ūrist'.
- Cvetkova L. S.* (2001). Aktual'nye problemy nejropsihologii detskogo vozrasta. M.
- Davis N. et al.* (2009). Aberrant functional activation in school age children at-risk for mathematical disability: a functional imaging study of simple arithmetic skill // *Neuropsychologia*. 47 (12). P. 2470–2479.
- Dehaene S. et al.* (1999). Sources of mathematical thinking: behavioral and brain-imaging evidence // *Science*. Vol. 7. N 284. P. 970–974.
- Dobrohotova T. A., Bragina N. N.* (1994). Levši. M.: Kniga.
- Donders J. Hunter S. J.* (Eds.) (2010). *Principles and Practice of Lifespan Developmental Neuropsychology*. New York.
- Emond V., Joyal C., Poissant H.* (2009). Structural and functional neuroanatomy of attention-deficit hyperactivity disorder (ADHD) // *Encephale*. Vol. 35. N 2. P. 107–114.
- Fox N. A.* (1979). Psychophysiological correlates of emotional reactivity during the first years of life // *Developmental Psychology*. Vol. 25. N 3. P. 364–372.
- Frazier-Wood A. C. et al.* (2012). Neuropsychological intra-individual variability explains unique genetic variance of ADHD and shows suggestive linkage to chromosomes 12, 13, and 17 // *American Journal of Medical Genetics. Part B: Neuropsychiatric Genetics*. Vol. 159B. N 2. P. 131–140.
- Fuentes L. J.* (2004). Inhibitory processing in the attentional network. In M. I. Posner (Ed.), *Cognitive Neuroscience of Attention*. New York: Guilford Press. P. 45–55.
- Fuster J. M.* (2003). *Cortex and Mind: Unifying Cognition*. New York.
- Giedd J. N. I et al.* (1996). Quantitative magnetic resonance imaging of human brain development: ages 4–18 // *Cerebral Cortex*. Vol. 6 (4). P. 551–60.
- Glozman Ž. M.* (2009). Nejropsihologijâ detskogo vozrasta. M.: Akademiâ.
- Haith M. M., Wentworth N., Canfield R. L.* (1993). The formation of expectations in early infancy. In C. Rovee-Collier, L. P. Lipsitt (Eds.), *Advances in Infancy Research*. Vol. 8. P. 251–297.
- Homskaâ E. D.* (2005). Nejropsihologijâ. SPb.: Piter.
- Johnson M. N.* (1990). Cortical maturation and the development of visual attention in early infancy // *Journal of Cognitive Neuroscience*. N 2. P. 81–95.

- Kirchner H. et al.* (2009). Ultra-rapid sensory responses in the human frontal eye field region // *Journal of Neuroscience*. Vol. 29. N 23. P. 7599–7606.
- Korsakova N. K., Mikadze Ū. V., Balašova E. Ū.* (1997). Neuspevaûšie deti: nejropsihologiĉeskaâ diagnostika trudnostej v obuĉenii mladših škol'nikov. M.: Ros. ped. agentstvo.
- Kucian K., Kaufmann L.* (2009). A developmental model of number representation // *Journal of Behavioral and Brain Science*. Vol. 32. P. 340–341.
- Lezak M. D., Howieson D. B., Loring D. W.* (2004). *Neuropsychological Assessment*. New York.
- Luman M. et al.* (2009). Does reward frequency or magnitude drive reinforcement-learning in attention-deficit / hyperactivity disorder? // *Psychiatry Research*. Vol. 15. N 168 (3). P. 222–229.
- Luriâ A. R.* (1973). *Osnovy nejropsihologii*. M.: MGU.
- McCarthy R. A., Warrington E. K.* (1990). *Cognitive Neuropsychology: Clinical Introduction*. San Diego; New York; London.
- Mesulam M. M.* (1981). A cortical network for directed attention and unilateral neglect // *Annals of Neurology*. N 10. P. 309–325.
- Mesulam M. M.* (1990). Large-scale neurocognitive networks and distributed processing for attention, language and memory // *Annals of Neurology*. Vol. 28. P. 597–613.
- Mikadze Ū. V.* (2008). *Nejropsihologiâ detskogo vozrasta*. SPb.: Piter.
- Muhina V. S.* (1999). *Vozrastnaâ psihologiâ: fenomenologiâ razvitiâ, detstvo, otroĉestvo*. M.: Akademiâ.
- Peterson R. L.* (2009). *Pediatric Neuropsychology: Research, Theory, and Practice*. New York.
- Posner M. I., Peterson S. E.* (1990). The attention system of the human brain // *Annual Review of Neuroscience*. Vol. 13. P. 25–42.
- Reed J., Warner-Rogers J.* (Eds.). (2008). *The Child Neuropsychology: Concept, Theory and Practice*. West Sussex, UK.
- Reynolds C. R., Fletcher-Janzen E.* (Eds.). (2008). *Handbook of Clinical Child Neuropsychology*. New York.
- Richards J. E.* (2003). Development of attention system. In M. De Hann, M. H. Johnson (Eds.), *The Cognitive Neuroscience of Development*. Hove, East Sussex: Psychology Press. P. 73–98.
- Robinson D. L., Kertzman C.* (1995). Covert orienting of attention in macaques: Contributions of the super colliculus // *Journal of Neuropsychology*. Vol. 74 (2). P. 713–721.
- Rommelse N. N. et al.* (2008). Speed, variability, and timing of motor output in ADHD: which measures are useful for endophenotypic research? // *Behavior Genetics*. Vol. 38. N 2. P. 121–132.
- Semenoviĉ A. V.* (2008). *Vvedenie v nejropsihologiû detskogo vozrasta*. M.: Genezis.
- Semrud-Clikeman M., Teeter E. P.* (2009). *Child Neuropsychology: Assessment and Interventions for Neurodevelopmental Disorders*. Springer, USA.
- Sergeant J. A., van der Meere J.* (1990). Convergence of approaches in localizing the hyperactivity deficit. In B. B. Lahey, A. E. Kazdin (Eds.), *Advances in Clinical Child Psychology*. New York: Plenum Press. Vol. 13. P. 207–246.
- Simernickaâ È. G.* (1985). *Mozg ĉeloveka i psihiĉeskie processy v ontogeneze*. M.: Izd-vo MGU.
- Tonkonogij I. M., Puante A.* (2007). *Kliniĉeskaâ nejropsihologiâ*. SPb.: Piter.

Tranel D., de Haan E. (2007). Selective developmental neuropsychological disorders // *Cortex*. Vol. 43. N 6. P. 667–671.

Vasserman L. I., Čerednikova T. V. (2010). Sovremennye problemy detskoj nejropsihologičeskoj diagnostiki: Metodologičeskie aspekty // Tezisy Vserossijskoj naučno-praktičeskoj konferencii “Roždenie i žizn’: kliničeskaâ psihologiâ detstva” 15–16 oktâbrâ 2010. SPb. S. 24–28.

Vasserman L. I., Dorofeeva S. A., Meerson Â. A. (1997). Metody nejropsihologičeskoj diagnostiki. SPb.: Strojlespečat’.

Vasserman L. I., Šereševskij G. (2006). Sovremennye batarei dlâ detskoj nejropsihologičeskoj diagnostiki, ispol’zuemye v angloâzyčnyh stranah (obzor) // *Obozrenie psihiatrii i medicinskoj psihologii imeni V. M. Behtereva*. N 3. S. 1–15.

Vekker L. M. (1974). Psihičeskie processy. T. 1. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta.

Vekker L. M. (1976). Psihičeskie processy. T. 2. Myšlenie i intellekt. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta.

Vekker L. M. (1981). Psihičeskie processy. T. 3. Sub’ekt. Pereživanie. Dejstvie. Soznanie. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta.

Veličkovskij B. M. (2009). Skvoznje psihičeskie funkcii v evolūcionnoj arhitekture kognitivnyh processov // *Teoretičeskoe nasledie L. M. Vekkera: na puti k edinoj teorii psihičeskikh processov: Materialy naučnogo simpoziuma, posvâšennogo 90-letiju so dnâ roždeniâ L. M. Vekkera / pod red. M. A. Holodnoj i M. V. Osorinoj*. SPb. S. 25–35.

THE FIGURATIVE COMPONENTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY IN L. M. VEKKER’S THEORY

L. V. Menshikova

*Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia,
e-mail: melavl@mail.ru*

A great contribution to the development of the problem of figurative foundations of intelligence was the study of the natural organization of mental processes, developed by L. M. Vekker. In his theory, images are a natural part of human intellectual activity at all its levels, including the highest forms of conceptual reflection of reality. Targeted research has enabled L. M. Vekker to define thinking as a process of continuous reversible translation of information from spatial-subject structures (and related modal-intensity parameters) to the psycholinguistic, symbolic-operator language, represented by speech signals. The article presents the results of research conducted at the Novosibirsk State Technical University, confirming the theoretical and methodological provisions of his theory. The applied value of Vekker’s theory to improve the efficiency of teaching students engineering skills, in particular, the modeling of physical phenomena is considered. It is shown that the interaction of images of different degrees of generality (sensory-visual and symbolic) with verbal components has a significant

impact on the effectiveness of cognitive schemes when working with mathematical models of physical phenomena. The article presents the data of other researchers who confirm Vekker's idea of the polymodality or inter-modality of thought. L. M. Vekker's theory is distinguished by a pronounced anthropological approach to the consideration of the mental nature of human. In his works, he clearly marked the transition from "a person who feels" to "a person who thinks, experiences and acts" in the context of his life circumstances. Considering the regularities of transformation of spatial and modal characteristics of figurative components in the transition to higher forms of intellectual activity and their organic connection with them, L. M. Vekker stressed the importance of sensory experience as an important resource of creative activity and human vitality. He managed to create an original concept, including the analysis of the mechanisms of integration of various mental components in cognitive activity, which is of a great applied value. In particular, it is a theoretical basis in the study of the formation and use of the figurative experience of students not only as a means of enhancing their intellectual behavior in high school, but also as a means of developing their individuality.

Keywords: L. M. Vekker's theory, figurative components, intelligence, function of images, polymodality of thought, practical value of Vekker's theory, formation of engineering skills, ontological aspect of Vekker's theory.

DOI: 10.7868/S1819265318040052

Citation: Menschikova L. V. (2018). Obraznye komponenty intellektual'noj deatel'nosti v teorii L. M. Vekkera [The figurative components of intellectual activity in L. M. Vekker's theory] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 4. P. 55–63.

References

- Adamar Ž.* (1970). Issledovanie psihologii processa izobretenia v oblasti matematiki. M.: Sovetskoe radio.
- Anan'ev B. G.* (1977). O problemah sovremennogo čelovekoznaniâ. M.: Nauka.
- Barabanšikov V. A.* (2007). Kontury ontologičeskoj koncepcii vospriâtiâ // Psihologija. Žurnal Vysšej školy ekonomiki. T. 4. N 3. S. 4–26.
- Bessonova V. N.* (1986). Tvorčeskaâ samostoâtel'naâ rabota studentov kak sredstvo formirovaniâ professional'nyh umenij: Avtoref. diss. kand. ped. nauk. L.: LGU; NĖTI.
- Holodnaâ M. A.* (1997). Psihologija intelekta: paradoksy issledovaniâ. Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta; Moskva: Bars.
- Ksenčuk E. V.* (1984). Rol' obraznyh komponentov myšleniâ v processah rešeniâ zadač: Avtoref. diss. kand. ped. nauk. L.: LGU; NĖTI.
- Kučina T. V.* (1984). Deâtel'nost' pedagoga po formirovaniû u studentov obšeinžen-ernykh umenij i navykov: Avtoref. diss. kand. ped. nauk. L.: LGU; NĖTI.
- Men'sikova L. V.* (1974). Obraznye komponenty v myšlenii: Avtoref. diss. kand. psihol. nauk. L.: LGU.
- Men'sikova L. V., Skok G. B.* (1990). Psihologičeskaâ služba v vuze. M.: Issled. centr Gosobrazovaniâ SSSR.
- Mešerâkova S. I.* (1986). Akmeologičeskie osnovy obučeniâ metodu modelirovaniâ: Avtoref. diss. dokt. ped. nauk. L.: LGU.
- Mešerâkova S. I., Men'sikova L. V.* (1973). Ob učastii obraznyh komponentov v processe raboty s matematičeskimi modelâmi fizičeskikh âvlenij // Psihologija tehničeskogo tvorčestva. M.: Izd-vo APN SSSR. S. 28–33.

Nurkova V. V. (2006). Pamât' // Obșaâ psihologiâ / pod red. B. S. Bratusâ. T. 3. M.: Izdatel'skij centr «Akademiâ».

Paivio A. (1986). *Mental Representations*. New York.

Selivanova È. B. (1979). Rol' obraznyh komponentov v formirovanii obșeinženernykh znanij, navykov i umenij: Avtoref. diss. kand. ped. nauk. L.: LGU; NÈTI.

Skok G. B. (1973). Formirovanie special'nyh konstruktivnyh umenij inženera pri obučenii algoritmam v kurse fiziki: Avtoref. diss. kand. ped. nauk. L.: LGU; NÈTI.

Tulving E. (2001). *Origin of autonoesis in episodic memory* // *The Nature of Remembering*. Washington.

Vasilûk F. E. (1993). Struktura obraza // *Voprosy psihologii*. N 5. S. 5–19.

Vekker L. M. (1976). Psihičeskie processy. T. 2. Myšlenie i intellekt. L.: Izd-vo LGU.

Vekker L. M. (1998). Psihika i real'nost': edinaâ teoriâ psihičeskih processov. M.: Smysl.

Zinčenko V. P. (1991). Miry soznaniâ i struktura soznaniâ // *Voprosy psihologii*. N 2. S. 15–36.

Zinčenko V. P. (2007). Plavil'nyj tigl' Vil'gel'ma Gumbol'dta i vnutrennââ forma slova Gustava Špeta v kontekste problemy tvorčestva // *Psihologiâ. Źurnal Vysšej školy èkonomiki*. T. 4. N 3. S. 79–97.

PROBLEMS OF PSYCHOCORRECTION OF COGNITIVE DEFICITS IN CHILDREN FROM THE STANDPOINT OF L. M. VEKKER'S INTEGRATED THEORY OF MENTAL PROCESSES

T. V. Cherednikova

*The Psycho-neurological
Dispensary of Frunze district,
Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: tvchered01@inbox.ru*

I. V. Logvinova

*State preschool institution N 136,
Krasnodar, Russia,
e-mail: logvinova2000@rambler.ru*

The article describes the innovative principles of psychocorrection of cognitive deficit, formulated on the basis of a number of theoretical principles of L. M. Vekker's integrated theory of mental processes. The authors present the results of a longitudinal experimental study of the effectiveness of introducing mentioned principles into the practice of neurocognitive correction of functional deficiency in 5–7-year old preschool children (with varying degrees of mental retardation). The paper discusses the significant differences and correlations of various cognitive indicators in the experimental groups, studied by a number of well-known valid methods (the neuropsychological battery, D. Wechsler's WAIS intelligence test, etc.), as well as the author's Color Structuring test. The revealed regularities of the correctional dynamics of cognitive deficit correspond to the complication vectors in the hierarchy of cognitive mental structures and mental regulators, disclosed in L. M. Vekker's

theory. The advantage in the intensity and quality of this dynamics when using innovative methods confirms their applied significance. In addition, the greatest sensitivity to the correctional shifts of the Color Structuring test, aimed at measuring the spatial and modal-intensity characteristics of the pattern coloring, is consistent with the postulates of Vekker's theory on the primacy of these properties for any mental reflection. This confirms the effectiveness of measuring universal units of space, time, modality and intensity for the diagnostics of cognitive deficit and its correctional dynamics in children.

Keywords: integrated theory of mental processes, cognitive deficits, mental development disorder, psychocorrection, psychodiagnostics.

DOI: 10.7868/S1819265318040064

Citation: Cherednikova T. V., Logvinova I. V. (2018). Problemy psihokorrekcii kognitivnogo deficita u detej s pozicij obšej teorii psihičeskikh processov L. M. Vekker [Problems of psychocorrection of cognitive deficits in children from the standpoint of L. M. Vekker's integrated theory of mental processes] // Metodologija i istorija psihologii. Iss. 4. P. 64–72.

References

- Ahutina T. V., Pylaeva N. M. (2008). Preodolenie trudnostej učeniâ: nejropsihologičeskij podhod. SPb.: Piter.
- Čerednikova T. V. (2004a). Psihodiagnostika narušenij intellektual'nogo razvitiâ u detej i podrostkov: Metodika "Cvetostrukturovanie". SPb.: Reč'.
- Čerednikova T. V. (2004b). Prover'te razvitie rebenka. SPb.
- Čerednikova T. V., Logvinova I. V. (2011). Primenenie grafičeskikh metodov v psihodiagnostike narušenij umstvennogo razvitiâ i nejrokognitivnogo deficita u detej: Posobie dlâ vračej i medicinskih psihologov. SPb.: NIPNI im. V. M. Behtereva.
- Fotekova T. A., Ahutina T. V. (2002). Diagnostika rečevyh narušenij škol'nikov s ispol'zovanijem nejropsihologičeskikh metodov: Posobie dlâ logopedov i psihologov. M.: ARKTI.
- Gal'perin P. Â. (1985). Metody obučeniâ i umstvennoe razvitie rebenka. M.: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Glezerman T. B. (1983). Mozgovye disfunkcii u detej. Nejropsihologičeskie aspekty. M.: Nauka.
- Jeste S. S., Friedman S. L., Urion D. K. (2009). Child neurology: autism as a model: considerations for advanced training in behavioral child neurology // Neurology. N 73 (9). P. 733–735.
- Logvinova I. V. (2010). Nejropsihologičeskij analiz sformirovannosti psihičeskikh funkcij u detej doškol'nogo vozrasta s kognitivnym deficitom i dinamika ih razvitiâ v processe psihokorrekcii // Naučnye problemy gumanitarnyh issledovanij, vypusk 4. Pâtigorsk. S. 171–179.
- Semenovič A. V. (2008). Nejropsihologičeskââ korrekciâ v detskom vozraste. Metod zamešaušego ontogeneza: Učebnoe posobie. M.: Genezis.
- Simos P. G., Fletcher J. M., Denton C., et al. (2006). Magnetic source imaging studies of dyslexia interventions // Developmental Neuropsychology. N 30 (1). P. 591–611.
- Slomine B., Locascio G. (2009). Cognitive rehabilitation for children with acquired brain injury // Developmental Disabilities Research Reviews. N 15 (2). P. 133–143.
- Vasserman L. I., Čerednikova T. V. (2011). Psihologičeskââ diagnostika nejrokognitivnogo deficita: Restandartizaciâ i aprobaciâ metodiki "Kompleksnââ figura" Reâ-Osterrita:

Metodičeskie rekomendacii / razrab. L. I. Vasserman, T. V. Čerednikova. SPb.: S.-Peterburgskij gos. universitet.

Vekker L. M. (1974–1981). Psihičeskie processy: v 3-h t. L.: Izd-vo Leningradskogo un-ta. T. 1–3.

L. M. VEKKER'S SCIENTIFIC WORKS

N. A. Loginova
*St. Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia,
e-mail: n_a_loginova@mail.ru*

N. V. Belomestnova
*Pushkin Leningrad State University,
e-mail: belomestnovanina@bk.ru*

The paper is devoted to L. M. Vekker, the outstanding scientist of the Saint-Petersburg Psychological School. It makes the first attempt to describe his scientific works in Russian which were published in the USSR and Russia from 1945 to 2001. The problems that the authors of this paper have encountered while searching for the scientist's works are shown. L. M. Vekker's main research directions are shown. The bibliographical search continues.

Keywords: L. M. Vekker, bibliography of L. M. Vekker, state of the art, prospects.

DOI: 10.7868/S1819265318040076

Citation: Loginova N. A., Belomestnova N. V. (2018). Naučnye trudy L. M. Vekkera [L. M. Vekker's scientific works] // Metodologîâ i istorîâ psihologii. Iss. 4. P. 73–77.

L. M. VEKKER: A PHOTO ALBUM

DOI: 10.7868/S1819265318040088

Citation: Cherednikova T. V. (2018). L. M. Vekker: fotoal'bom [L. M. Vekker: a photo album] // Metodologîâ i istorîâ psihologii. Iss. 4. P. 78–86.

Section METHODOLOGY OF HISTORY OF PSYCHOLOGY

PSYCHOLOGY HISTORY: METHODOLOGY AND METHODS

H. E. Lück

*Fern Universität in Hagen,
Hagen, Germany,*

e-mail: helmut.lueck@fernuni-hagen.de

On the example of several delusions, widespread in modern psychology history, it is shown that the scientific-historical reality is more difficult, than it is presented in lectures and literature making an impression of continuous and logical development of psychology as a scientific area. Most often mistakes are connected with the fact that there is the return extrapolation of a modern situation in the past, without taking into account that development doesn't happen rectilinearly at all. So, psychology isn't an especial experimental science, it always has an «arguing», philosophical part. Scientific psychology in Germany during national socialism lost the level and inclusiveness in the international professional community, however at the same time there was a high-quality development of psychology, its institutionalization as profession. Psychoanalysis isn't an Austrian-German phenomenon which after voluntary or expatriation of prominent psychoanalysts was enthusiastically accepted in the USA, its blossoming could be observed in Eastern Europe and Russia after the October Revolution. There are various models of writing psychology history: description of significant events and deposits of outstanding persons; the history of the ideas representing development of concepts, theories and paradigms in science; the history of problems consisting in systematization of fundamental questions; the social history of science concentrated on the analysis of different schools and institutes of psychology; contextual history. The idea of the main tools of the historian of psychology is given: work with sources; hermeneutical interpretation of texts; bibliometric analysis; «oral history». The role of the archives and museums containing materials, important for historians of psychology, is emphasized.

Keywords: psychology methodology; psychology history; models of writing psychology history; psychology of national socialism times; psychoanalysis in Russia; methods of a historical-psychological research; archives on psychology history.

DOI: 10.7868/S181926531804009X

Citation: Lück H. E. (2018). Istoriâ psihologii: ee metodologiâ i metody [Psychology history: methodology and methods] // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Iss. 4. P. 87–100.

References

Ash M. G. & Geuter U. (Hrsg.) (1985). Geschichte der Psychologie im 20 Jahrhundert. Opladen: Westdeutscher Verlag.

- Benetka G. und Rudolph C.* (2008). Selbstverständlich ist vieles damals geschehen... // Werkblatt. № 60. S. 5–45.
- Bonin W. F. von* (1983). Die großen Psychologen. Hermes Handlexikon. Von der Seelenkunde zur Verhaltenswissenschaft. Forscher Therapeuten und Ärzte. Düsseldorf: ECON Taschenbuchverlag.
- Boring E. G.* (1929). A History of Experimental Psychology. New York: Appleton Century Crofts.
- Boring E. G.* (1950). A History of Experimental Psychology, 2nd Ed. New York: Appleton Century Crofts.
- Danziger K.* (1990). Constructing the subject: Historical origins of psychological research. New York: Cambridge University Press.
- Eckardt G.* (2010). Kernprobleme in der Geschichte der Psychologie. Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften.
- Floud R.* (1980). Einführung in quantitative Methoden für Historiker. Stuttgart: Klett-Cotta.
- Geuter U.* (1984). Die Professionalisierung der deutschen Psychologie im Nationalsozialismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Jansz J. & Druen P van.* (2004). A social history of psychology. Oxford: Blackwell.
- Hehlmann W.* (1967). Geschichte der Psychologie. Stuttgart: Kröner.
- Heidbrink H.* (1991). Personal-Computer in der psychologiegeschichtlichen Forschung — am Beispiel bibliometrischer Analysen // H. E. Lück & R. Miller (Hrsg.) Theorien und Methoden psychologiegeschichtlicher Forschung. Göttingen: Hogrefe. S. 110–124.
- Hillix W. A.* (1980). Do half of Americas psychologists descend from Wundt? // Wilhelm Wundt — progressives Erbe, Wissenschaftsentwicklung und Gegenwart: Protokoll des internationalen Symposiums Leipzig, 1. und 2. November 1979, 1980. Leipzig: Karl-Marx-Universität. S. 191–200.
- Lück H. E.* (Hrsg.). (2004). Psychologie in Selbstdarstellungen, Band 4. Lengerich: Pabst Science Publishers.
- Lück H. E., Grothe S. & Schmidt C. O.* (2004). Kalendarium der Psychologiegeschichte 1904–2004. URL: <http://vs.fernuni-hagen.de/dgps/>
- Nitzschke B.* (1989). Marxismus und Psychoanalyse. Historische und aktuelle Aspekte der Freud-Marx-Debatte // Luzifer-Amor. № 2, Heft 3. S. 108–138.
- Pongratz L. J.* (1967). Problemgeschichte der Psychologie. Bern und München: Francke.
- Pongratz L. J., Traxel W. & Wehner E. G.* (Hrsg.) (1972). Psychologie in Selbstdarstellungen. Bern, Stuttgart, Wien: Huber.
- Pongratz L. J., Traxel W. & Wehner E. G.* (Hrsg.) (1979). Psychologie in Selbstdarstellungen. Band 2. Bern, Stuttgart, Wien: Huber.
- Schmidt W.* (1924). Psychoanalytische Erziehung in Sowjetrußland. Bericht über das Kinderheim-Laboratorium in Moskau. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag.
- Schönplflug W.* (2004). Geschichte und Systematik der Psychologie. Ein Lehrbuch für das Grundstudium. 2. Aufl. Weinheim: Beltz.
- Tögel C.* (1988). Lenin und Freud: Zur Frühgeschichte der Psychoanalyse in der Sowjetunion. // Luzifer-Amor. № 1, Heft 2. S. 34–40.
- Traxel W.* (1985). Geschichte für die Gegenwart. Vorträge und Aufsätze zur Psychologiegeschichte. Passau: Passavia Universitätsverlag.
- Volkman-Raue S., Lück H. E.* (2011). Bedeutende Psychologinnen des 20. Jahrhunderts. 2., überarbeitete Auflage. VS Verlag.

Wehner E. G. (Hrsg.) (1992). *Psychologie in Selbstdarstellungen*. Band 3. Bern: Huber.
 Wundt W. (1920). *Erlebtes und Erkanntes*. Stuttgart: Alfred Kröner.

METHODOLOGICAL REQUIREMENTS TO HUMANITIES SCIENTIFIC THEORIES

J. Wilsz
Maria Curie-Skłodowska University,
Warsaw Poland,
e-mail: jolanta.wilsz@gmail.com

The article presents critical views on theories existing in the humanities, which reflect only narrow segments of reality and often do not meet the criteria of a scientific theory, being essentially empirical generalizations or expressing their own beliefs of their creators. The author defends the point of view, according to which the condition for the progress of psychological science is its integration, which can only be accomplished by creating a generalizing psychological theory. Seventeen conditions are set by which such a theory should correspond: terminological conventionality, immutability of definitions, accuracy, observance of the science laws, openness, generality, integratedness, argumentativeness, objectivity, aspiration to truth, consistency and logicity, adherence to the causality principle, predictability, completeness, syntheticity, consistency and concision, clarity, transparency and unambiguity, criteria unity.

Keywords: scientific theory, integration of psychological knowledge, humanities, generalizing theory construction principles.

DOI: 10.7868/S1819265318040106

Citation: Wilsz J. (2018). Metodologiczne wymagania k naučnym teoriám gumanitarnej sfery [Methodological requirements to humanities scientific theories] // *Metodologiá i istoriá psihologii*. Iss. 4. P. 101–110.

References

- Bertalanffy L. von (1984). *Ogólna teoria systemów. Podstawy, rozwój, zastosowania*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Frąckiewicz J. L. (1980). *Systemy sprawnego działania*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Hall C. S., Lindsey G. (2001). *Teorie osobowości*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Kozielecki J. (1995). *Koncepcje psychologiczne człowieka*. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie «Żak».

- Kozielecki J.* (2001). Psychotransgresjonizm. Nowy kierunek psychologii. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie «Żak».
- Kuhn Th. S.* (2001). Struktura rewolucji naukowych. Warszawa: Fundacja Aletheia.
- Lewowicki T.* (1975). Psychologiczne różnice indywidualne a osiągnięcia uczniów. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne.
- Lewowicki T.* (2006). Pedagogika pracy i andragogika wobec europejskiej integracji i globalizacji — uwagi prowokacyjne // Pedagogika pracy i andragogika w konstelacji europejskiej i globalnej / red. Z. Wiatrowski. Włocławek: Wyższa Szkoła Humanistyczno-Ekonomiczna; Oficyna Wydawnicza Włocławskiego Towarzystwa Naukowego.
- Malewski M.* (1998). Teorie andragogiczne. Metodologia teoretyczności dyscypliny naukowej. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
- Mazur M.* (1976). Cybernetyka i charakter. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
- Obuchowski K.* (1985). Adaptacja twórcza. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Paszkiewicz E.* (1983). Struktura teorii psychologicznych. Behawioryzm. Psychoanaliza. Psychologia humanistyczna. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Phillips D. C.* (1992). The Social Scientist's Bestiary: A Guide to Fabled Threats to, and Defenses of, Naturalistic Social Science. New York: Pergamon Press.
- Sampson E.* (1990). Zmiany społeczne jako wyzwanie dla psychologii. Globalizacja a teoria osoby w psychologii // Nowiny Psychologiczne. N 1–2.
- Szaniawski I.* (1976). Zawód i praca między diagnozą a prognozą. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Turner J. H.* (2004). Struktura teorii socjologicznej. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Wilsz J.* (1989). Interdyscyplinarność naukowców funkcją integracji w nauce // Życie Szkoły Wyższej. N 3.
- Wilsz J.* (1996). Znaczenie niekształtowlanych cech osobowości człowieka w procesie kształcenia przedzawodowego. Częstochowa: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Częstochowie.
- Wilsz J.* (1999). Integracja w nauce i jej uwarunkowania // Prace naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Częstochowie. Seria: Wychowanie Techniczne / red. K. Tubielewicz, J. Wilsz. Częstochowa: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Częstochowie. N 3.
- Wilsz J.* (2009). Teoria pracy. Implikacje dla pedagogiki pracy. Kraków: Oficyna Wydawnicza «Impuls».

Section HISTORY OF PSYCHOLOGY

THE DIATRIBE ON THE MAN'S PHILOSOPHICAL PERFECTION

H. Vultejus
(1555–1634)
University of Marburg,
Marburg, Germany

The *Diatribes* on the man's Philosophical perfection of Hermann Vultejus, the juriconsult, publicly proposed in the place of *prolegomenon* for the interpretation of the *Timaeus* of Plato the 30 of Jan. in the year 1581. The *Diatribes* of Hermann Vultejus is the first work included by Rodolphus Goclenius in his compilatory *ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ*. This opus of a younger colleague of Goclenius has nothing of an invective; it is a discourse of rather didactic character. Written in a high-flown rhetorical manner akin to that of the *Dedicatory Letter* of Goclenius and likewise patched with ciceronianisms, the *Diatribes* of Vultejus is as conspicuous among all components of this compilation as a watercolour picture among technical drawings. Although the exploration of the perfection of man in its essential manifestations seems to be the main objective of the *Diatribes*, yet the equipollence of such notions as "ΨΥΧΟΛΟΓΙΑ," "man's perfection," "spirit," "debate on its origin," postulated initially by Goclenius, compels Vultejus to concentrate mostly on the Pro et Contra *ex traduce* controversy — the principal focus of the debate on the origin of the spirit (i.e. of the rational soul) and the true and only subject-matter of the book. A metaphor for the 'biological' transfer of the human soul, *ex traduce* was the immediate inference from the Biblical story about the creation of the First Man's soul out of Divine breath (Gen. II: 7). Contemporaneous with theology but heavy with materialistic and monistic implications *ex traduce* was barely tolerated by the Church whose Fathers and Doctors with few exceptions deemed it incompatible with the official religious doctrine. The burden of confutation of *ex traduce* taken over by a number of scholars and born for centuries in itself is a manifestation of the antinomical nature of this phenomenon and Goclenius himself became thereafter aware of the Sisyphean labour he had undertaken. The author of the *Diatribes*, however, has not yet lost his illusions. After the introduction where the elements of Aristotelian methodology are outlined, the main theme is developing. Whole series of arguments, objections and refutations form the almost theatrical machinery with the help of which *ex traduce* is confronted and defeated on the arena of theology as well as of metaphysics. But besides the spirit "and first and foremost [the debate] on its origin" human perfection should be sought in his body and in social institutions with which it is implicated. Hermann Vultejus thus makes a sketch of anatomy and physiology following the general lines of Vesalius, to which he appends another one, where, as the model of a social organism, he outlines the Roman Constitution of the late Republic and the early Empire (the Principate). Still, nevertheless, he fails to give a distinct representation of the idea of human perfection, his work offers an image of a compound of three

different blocks scarcely cemented by rhetoric; he fails as well to relate its subject-matter to the *Timaeus*, the interpretation of which served as a pretext for the writing of the *Diatribes*.

DOI: 10.7868/S1819265318040118

Citation: Vultejus H. (2018). *Diatriba o filozofskom sovršenstvu čeloveka* [The diatribe on the man's philosophical perfection] // *Metodologija i istorija psihologii*. Iss. 4. P. 111–140.

THE ODYSSEY OF PROFESSOR CHETVERIKOV

N. Yu. Stoyukhina
*Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University,
Nizhny Novgorod, Russia,
e-mail: natas0@rambler.ru*

V. A. Mazilov
*Yaroslavl State Pedagogical
University named after
K. D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russia,
e-mail: v.mazilov@yspu.org*

The article is devoted to the description of the life path and works of the Russian scientist I. P. Chetverikov. The authors make an attempt to collect information from published and archival sources, comparing them. The main content of the article is based on new data and information received in the archives by the authors of the article. The authors found the texts of Chetverikov's manuscripts, preparing for publication, that allow us to state that in the 1920s there was a great methodologist of psychology in the USSR, whose work is still completely unknown to the psychological community. The text of the manuscript "Empiricism in Psychology" (1929) testifies that the scientist continued the traditions of Russian methodology (N. N. Lange, V. N. Ivanovsky, L. S. Vygotsky, A. R. Luria, S. L. Rubinstein, etc.). The article contains the excerpts from I. P. Chetverikov's work, demonstrating the depth of the research of world psychological science development in the late 19th - early 20th centuries, conducted by the scientist. It can be assumed that after the publication of the manuscripts, the evaluation of I. P. Chetverikov's contribution to psychology will change significantly, and his name will take a worthy place among methodologists of psychological science in our country.

Keywords: psychology, history of psychology, I. P. Chetverikov, repression, psychologists of Russian abroad community, methodology, crisis of psychology, empiricism, psychotechnics.

DOI: 10.7868/S181926531804012X

Citation: Stoyukhina N. Yu., Mazilov V. A. (2018). *Odisseja professora Četverikova* [The odyssey of professor Chetverikov] // *Metodologija i istorija psihologii*. Iss. 4. P. 141–159.

References

- Antonij, arh.* (1909). Otčet po Vysočajše naznačennoj revizii Kievskoj Duhovnoj Akademii v marte i aprele 1908 goda. Počae v.
- Basov M. Â.* (1914). Vtoroj vsrossijskij s"ezd po èksperimental'noj pedagogike // Russkaâ mysl'. N 2. S. 37–40.
- Bojko A.* (2012). "Lekciâ — to nenadrukovana kniga" (publicistika Î. P. Četverikova) // Obraz. Kiev. Vyp. 13. S. 11–19.
- Central'nyj arhiv FSB Rossii (CA FSB). R-49509. T. 2.
- Četverikov I.* (1910). D-r Aleksandr Pfender. "Vvedenie v psihologiû". Perevod s nemeckogo I. A. Davydova. SPb. 1909. Str. VII+368. C. 2 rublâ // Voprosy filosofii i psihologii. Kn. I (101). S. 85–93.
- Četverikov I.* (1997). Iz lekcij po obšej psihologii // Russkaâ religioznaâ antropologiâ. T. II: Antologiâ / cost., obš. red., predisl. i prim. N. K. Gavrûšin. M.: Moskovskij filosofskij fond; Moskovskaâ duhovnaâ akademiâ. S. 335–343.
- Četverikov I. (prof.)* (1944). Večnaâ pamât' // Pravoslavnyj Hristianin. N 5 (22).
- Četverikov I. P.* (1903). O Boge kak ličnom sušestve (Bogoslovsko-filosofskoe issledovanie). Kiev.
- Četverikov I. P.* (1905a). Kritičeskij individualizm v russkoj filosofii (Istoriko-kritičeskij očerk) // Trudy Kievskoj duhovnoj akademii. N 9. S. 120–132.
- Četverikov I. P.* (1905b). Učenie o ličnom Boge s točki zreniâ ètičeskoj cennosti // Trudy Kievskoj duhovnoj akademii. N 5. S. 147–158.
- Četverikov I. P.* (1908a). Metod filosofii Friza i ego novoj školy // Trudy Kievskoj duhovnoj akademii. N 2. S. 224–236; N 3. S. 422–462; N 4. S. 553–565.
- Četverikov I. P.* (1908b). Religioznyj modernizm na Zapade i bor'ba s nim Rimskoj kurii (Po povodu èncikliky Piâ X "Pasendidomincigregis" 8 sent. 1907 g.) // Trudy Kievskoj duhovnoj akademii. N 6. S. 320–354.
- Četverikov I. P.* (1916). Psihologiâ lûbvi // Hristianskaâ mysl'. N 4. S. 48–53.
- Četverikov I. P.* (1924). K organizacii central'noj psihologičeskoj laboratorii v Âroslavle // Naš trud. N 7. S. 44–45.
- Četverikov I. P.* (1926). Pedologičeskij praktikum Tverskogo pedagogičeskogo instituta // Izvestiâ Tverskogo pedagogičeskogo instituta. Vyp. 1. S. 82–86.
- Četverikov I. P.* (1931). Charakterologičeskij metod izučeniâ professij i professional'nogo otbora // Na psihotehničeskom fronte. Materialy k I S"ezdu Vsesoûznogo O-va psihotehniky i prikladnoj psihofiziologii. Maj 1931 g., Leningrad. Tezisy dokladov na zasedaniâh 22, 23, 24, 25 maâ. M.; L.: Izd. Orgbûro s"ezda. S. 148–149.
- Četverikov I. P.* (1947a). Počitanie Bož'ej Materi v Rossii. Gersbruk.
- Četverikov I. P.* (1947b). Prepodobnyj Serij Radonežskij. Gersbruk.
- Četverikov I. P.* (1948a). Svâtitel' Nikolaj Čudotvorec. Gersbruk.
- Četverikov I. P.* (1948b). Cerkov' // Vestnik RSHD. N 1. S. 5–15; N 2. S. 8–16.
- Četverikov I. P.* (1952). Dvadcat' pervaâ glava Evangelii Ioanna Bogoslova // Vestnik RSHD. N 4. S. 9–14.
- Četverikov I. P.* (1955). Ŭrodstvo kak podvig i obšij put' v hristianstve. Berkely, CA. Domašnij arhiv sem'i Četverikovyh.
- Dorfman L. Â.* (2008). Metodologičeskij analiz teorii integral'noj individual'nosti V. S. Merlina // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 3. S. 106–121.
- Eremeeva A. N.* (2017). "Nahodâs' po usloviâm vremeni v provincii...": praktiki vyživaniâ rossijskikh učenyh v gody Graždanskoj vojny. Krasnodar: Platonov I.

Filimonov S. B. (2010). Iz prošlogo rusckoj kul'tury v Krymu. Poiski i nahodki istorika-istočnikoveda. Simferopol': Nižnââ Orianda.

Fiziko-psihologičeskij otdel (1927/28). // Bûlleten' G.A.H.N. Pod red. učcnogo sekretarâ A. A. Sidorova. N 8–9. S. 7–16.

I. Č. (1944a). Iz knigi V. Nikiforova-Volgina "Zemlâ imennica". Predislovie // Pravoslavnyj hristianin. N 5 (22).

I. Č. (1944c). Prepodobnyj Serafim Sarovskij // Pravoslavnyj hristianin. N 1/2 (18/19).

I. Č. (prof.) (1944b). O smysle Posta // Pravoslavnyj hristianin. N 3/4 (20/21).

Iskusstvo kak âzyk — âzyki iskusstva. Gosudarstvennââ akademiâ hudožestvennyh nauk i èstetičeskaâ teoriâ 1920–h godov (2017). T. 2. Publikacii / pod red. N. S. Plotnikova i N. P. Podzemskoj pri učastii Ů. N. Âkimenko. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kiïevskaâ duhovna akademiâ v imenah: 1918–1924: enciklopediâ: v 2 t. (2014–2015) / uporâd. i nauk. red. M. L. Tkačuk; vidp. red. V. S. Brûhovec'kij. T. 1: A–K; T. 2: L–Â. K.: Vid. dim. "Kiïvo–Mogilânska akademiâ".

Kostrigin A. A., Stoûhina N. Ů. (2017). Źizn' i psihologičeskoe nasledie V. A. Snegireva // Trudy Nižegorodskoj Duhovnoj seminarii. N 15 (15). S. 191–216.

Kozlov's'kij V. P. (2017). Dekil'ka sposterežen' šodo kantoznavčih studij Îvana Četverikova: èvropes'kij kontekst // Naukovî zapiski. T. 192, Filosofiâ ta religiêznavstvo. S. 39–43.

Levčenko E. V. (2008). Mihail Âkovlevič Basov: Źiznennyj put' i psihologičeskaâ koncepciâ // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 4. S. 21–45.

Malikova M. È. (2014). "Vremâ": istoriâ leningradckogo kooperativnogo izdatel'stva (1922–1934) // Konec institucij kul'tury dvadcatyh godov v Leningrade. Po arhivnym materialam / sost. M. È. Malikova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. S. 129–331.

Mazilov V. A. (2015). Professor V. S. Filatov kak osnovatel' âroslavckoj psihologičesckoj školy // Âroslavckij pedagogičeskij vestnik. N 5. S. 159–171.

Niv'er A. (2007). Pravoslavnye svâšennoslužiteli, bogoslovy i cerkovnye deâteli rusckoj èmigracii v zapadnoj i central'noj Evrope. 1920–1995. Biografičeskij spravočnik. M.; Pariž: Izdatel'stvo Russkij Put'; IMKA-Press.

Noskova O. G. (2006). Moskovskaâ škola industrial'noj psihotehniki (K 115-letiu I. N. Špil'rejna i 110-letiu S. G. Gellerštejna) // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Vyp. 2. S. 31–46.

Professora ÂGPU. 1918–2008: biografičeskie očerki (2008). / sost. A. V. Eremin. Âroslavl': Izd-vo ÂGPU.

Professora Tavričeskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadckogo (2007). / sost. V. G. Ena, V. V. Bobkov, V. G. Fedorov. Kiïv: Libid'.

Rezolûciâ s'ezda po psihotehnike v Leningrade, prinâtaâ 26 maâ 1931 g. (1931). // Psihotehnika i psihofiziologiâ truda. N 4–6. S. 374.

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva (RGALI). F. 941. Op. 12. D. 29.

Rossijskoe naučnoe zarubež'e: Materialy dlâ bibliografičeskogo slovarâ (2010). Vyp. 2. [Pilotnyj]: Psihologičeskie nauki: XIX — pervââ polovina XX v. / pod red. N. Ů. Masolikovoj, M. Ů. Sorokinov. M.: Dom Russckogo Zarubež'â im. A. I. Solženicyna. S. 104–105.

Russkaâ gimnaziâ v Mûnhene v 1940-yh gg. Doroga domoj. Vyp. DD-65.2. URL: <http://ricolor.org/europe/germania/je/rus/4/>

Russkie pisateli èmigracii: Biografičeskie svedeniâ i bibliografiâ ih knig po bogosloviu, religioznoj filosofii, cerkovnoj istorii i pravoslavnoj kul'ture: 1921–1972 (1973) / sost. N. M. Zernov. Boston: G. K. Hall & Co.

Šil' S. N. (2018). Krymskie zapiski: 1916–1921. M.: Novyj hronograf.

- Sizincev P. V.* (2016a). Kritičeskij obzor biografii professora I. P. Četverikova // Obščestvo: filosofii, istoriâ, kul'tura. N 12. S. 20–22.
- Sizincev P. V.* (2016b). Kritičeskij obzor masterskogo truda professora I. P. Četverikova // Uspehi sovremennoj nauki. T. II. N 12. S. 119–122.
- Sizincev P. V.* (2017a). Analiz pereživaniy kak svojstva čelovečeskoj ličnosti v stat'âh I. P. Četverikova // Fundamental'nye aspekty psihičeskogo zdorov'â. N 2. S. 19–22.
- Sizincev P. V.* (2017b). Četverikov Ivan Pimenovič: dannye biografii # 2 // Istoriâ rossijskoj psihologii v licah: Dajdzest. N 1. S. 28–47.
- Stoûhina N. Ŭ.* (2010). Sud'ba i naučnoe tvorčestvo Serafima Mihajloviča Vasilejskogo // Metodologii i istoriâ psihologii. Vyp. 2. S. 115–131.
- Stoûhina N. Ŭ.* (2015). Izučenie istorii psihologii kak komponenta razvitiâ graždanskoj identičnosti studenta // Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v usloviâh modernizacii: materialy sed'moj Vserossijskoj naučno-praktičeskoj internet-konferencii (s meždunarodnym učastiem) / pod nauč. red. M. V. Novikova. Ârosavl': RIO ÂGPU. S. 227–239.
- Stoûhina N. Ŭ., Mazilov V. A.* (2016). Četverikov Ivan Pimenovič: dannye biografii # 1 // Istoriâ rossijskoj psihologii v licah: Dajdzest. N 4. S. 34–50.
- Stoûhina N. Ŭ., Mazilov V. A.* (2017). Ivan Pimenovič Četverikov: sud'ba so množestvom zagadok // Trudi Kiivskoi Duhovnoi Akademii. N 27. Kiev. S. 208–227.
- Suhova N. Ŭ.* (2013). “Lûblû Akademii i vseгда budu dejstvovat' vo imâ lûbvi k nej...” (Pis'ma professora Kievskoj duhovnoj akademii D. I. Bogdaševskogo k A. A. Dmitrievskomu) // Vestnik PSTGU. II: Istoriâ. Istoriâ Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. Vyp. 5 (54). S. 75–107.
- Tkačuk M. L.* (2016). Četverikov Ivan Pimenovič // Kiïvskaâ duhovna akademiâ v imenah: 1918–1924: enciklopediâ: v 2 t. / uporâd. i nauk. red. M. L. Tkačuk; vidp. red. V. S. Brûhovec'kij. T. 2: L–Â. K.: Vid. dim. “Kiëvo-Mogilânska akademiâ”. S. 796–802.
- Ul'ânkina T. I.* (2010). “Dikaâ istoričeskaâ polosa...”. Sud'by rossijskoj naučnoj èmi-gracii v Evrope (1940–1950) / nauč. red. I. N. Tolstoj. M.: ROSSPÈN.
- V. O.* (1922). Universitet-zdravnica // Nauka i ee rabotniki. N 1. S. 28–29.
- Vernadskij G. V.* (1995). Iz vospominanij // Voprosy istorii. N 3. S. 103–121.

THE PROBLEM OF CRISIS IN PSYCHOLOGY: L. S. VYGOTSKY AND MODERNITY

I. A. Sousokolova
Independent researcher,
Bremen, Germany,
e-mail: irinasousokolova@yahoo.com

The transformation of psychology as a science, initiated by L. S. Vygotsky, is considered in a historic perspective. We trace the evolvement of empirical and theoretical psychology towards the highest form of psyche (geniality, creativity) as outlined by Vygotsky. Moving from simple to complicated forms, objective-empirical psychology (psychometrics) describes creativity in terms of simpler forms (intellect, memory) by means of taxonomy of separate hypothetical appearances, and the latter are measured by a universal test based on the stimuli-reaction principle. Decomposing the complicated unity of creativity into separate elements does not allow to reconstruct it as a holistic phenomenon. Practical recommendations for selecting children with high tests scores and the stimulation of their productivity, based on a psychometric interpretation of creativity, do not lead to increased numbers of geniuses. An alternative theoretical approach starts by giving a definition of the highest form of psyche as a unit of analysis of creativity. This reveals the essence and discloses the mechanism of creativity. According to this definition, a specific psychological method for diagnosing creativity has been developed. It yields effective pedagogical recommendations for forming and nurturing creative people. This approach realizes a reconstruction of methodology of science, proposed by Vygotsky in response to the challenge of “highly organized practice” (a term of Vygotsky).

Keywords: theory of crisis in psychology, empirical psychology, theoretical psychology, psychometrics, definition of creativity.

DOI: 10.7868/S1819265318040131

Citation: Sousokolova I. A. (2018). Problema krizisa v psihologii: L. S. Vygotskij i sovremennost' (čast' 2) [The problem of crisis in psychology: L. S. Vygotsky and modernity (part 2)] // Metodologîa i istoriâ psihologii. Iss. 4. P. 160–174.

References

- Anastasi A. A. (1930). A group factor in immediate memory // Archives of Psychology. N 120. P. 5–61.
- Anastasi A. A. (1932). Further studies of the memory factor // Archives of Psychology. N 142.
- Anastasi A. A. (1982). Psychological Testing. 5ed. New York: Macmillan Publishing Co., Inc.; London: Collier Macmillan Publishers.
- Ausubel D. P. (1964). Creativity, general creative abilities, and the creative individual // Psychology in the Schools. Vol. 1. N 4. P. 344–347.

- Bernstein E.* (1924). Quickness and Intelligence: An Inquiry Concerning the Existence of a General Speed Factor. London: Cambridge University Press.
- Bogoâvlenskaâ D. B., Susokolova I. A.* (2011). Psihometriâskaâ interpretaciâ tvorâestva. Nauânyj vklad Dâ. Gilforda. M.: MGPPU.
- Boring E. G.* (1923). Intelligence as the tests test it // *New Republic*. 34. P. 35–37.
- Cattell J. M.* (1890). Mental tests and measurements // *Mind*. Vol. 15. Iss. 59. P. 373–381.
- Ebbinghaus H.* (1897). Uebere eine neue Methode zur Prüfung geistinger Fähigkeiten und ihre Anwendung bei Schulkindern // *Zeitschrift für Psychologie*. Bd. 13. S. 401–459.
- Galton F.* (1911). *Inquiries into Human Faculty and Its Development*. London: J. M. Dent & Sons.
- Garrett H. E.* (1930). A study of the CAVD intelligence examination // *Journal of educational research*. Vol. 21. P. 103–108.
- Garrett H. E.* (1938). Differentiable mental traits // *The Psychological Record*. Vol. 7. N 10. P. 259–298.
- Garrett H. E.* (1946). A developmental theory of intelligence // *American Psychologist*. Vol. 1. N 9. P. 372–378.
- Garrett H. E., Bryan A. I., Perl R.* (1935). The age factor in mental organization // *Archive of Psychology*. 176. #31.
- Glăveanu V. P.* (2014). The psychology of creativity: A critical reading // *Creativity. Theories — Research — Applications*. Vol. 1. Issue 1. P. 10–32.
- Guilford J. P.* (1952). *General Psychology*. Princeton, NJ: D. Van Nostrand Company, Inc.
- Guilford J. P.* (1955). Les dimensions de l'intellect // *L'analyse factorielle et ses applications*. Ed. by H. Laugier. Paris: CNRS. P. 55–77, 92, 206.
- Guilford J. P.* (1956). The structure of intellect // *Psychological Bulletin*. Vol. 53 (4). P. 267–293.
- Guilford J. P.* (1958). New frontiers of testing in the discovery and development of human talent // *Seventh Annual Western Regional Conference on Testing Problems*. Princeton, NJ; Los Angeles, CA: Educational Testing Service. P. 20–32.
- Guilford J. P.* (1959b). Traits of creativity // *Creativity and Its Cultivation*. Ed. by H. H. Anderson. New York: Harper and Row. P. 142–161.
- Guilford J. P.* (1959a). Three faces of intellect // *American Psychologist*. Vol. 14. N 8. P. 469–479.
- Guilford J. P.* (1961). Factorial angles to psychology // *Psychological Review*. 68. P. 1–20.
- Guilford J. P.* (1963). Intellectual resources and their values as seen by scientists // *Scientific Creativity: Its Recognition and Development*. Ed. by C. W. Taylor, F. Barron. New York: John Wiley & Sons. P. 101–118.
- Guilford J. P.* (1967). *The Nature of Human Intelligence*. New York: McGraw-Hill Inc.
- Guilford J. P.* (1977). *Way Beyond the IQ: Guide to Improving Intelligence and Creativity*. Buffalo, NY: The Creative Education Foundation, Inc.
- Guilford J. P.* (1979). *Cognitive Psychology with a Frame of Reference*. San Diego, CA: EdITS publishers.
- Guilford J. P.* (1986). *Creative Talents*. Buffalo, NY: Bearly Limited.
- Guilford J. P., Hoepfner R.* (1971). *The Analysis of Intelligence*. New York: McGraw-Hill Company.

Hargreaves H. (1927). The “faculty” of imagination // *The British Journal of Psychology Monograph Supplements*. Vol. X.

Intelligence and its measurement: a symposium (1921). // *The journal of educational psychology*. Vol. XII. N 3. P. 123–147; N 4. P. 195–216; N 5. P. 271–275.

Kaufman A. B., Kornilov S. A., Bristol A. S., Tan M., Grigorenko E. L. (2010). The neurobiological foundation of creative cognition // *The Cambridge Handbook of Creativity*. Ed. by J. C. Kaufman, R. J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press. P. 216–232.

Kaufman J. C., Sternberg R. J. (Eds.). (2010). *The Cambridge Handbook of Creativity*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kim K. H., Cramond B., Van Tassel-Baska J. (2010). The relationship between creativity and intelligence // *The Cambridge Handbook of Creativity*. Ed. by J. C. Kaufman, R. J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press. P. 395–412.

Müller G. E. (1913). Gedächtnistätigkeit des Vorstellungsverlaufes // *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane*. 1 Abteilung. 111 Teil.

Plucker J. A., Makel M. C. (2010). Assessment of creativity // *The Cambridge Handbook of Creativity*. Ed. by J. C. Kaufman, R. J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press. P. 48–73.

Runco M. A. (1991). On investment and creativity: A response to Sternberg and Lubart // *Creativity Research Journal*. Vol. 4 (2). P. 202–205.

Runco M. A. (2010). Divergent thinking, creativity, and ideation // *The Cambridge Handbook of Creativity*. Ed. by J. C. Kaufman, R. J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press. P. 413–446.

Schiller B. (1934). Verbal, numerical and spatial abilities of young children // *Archives of Psychology*. N 161.

Schneck M. R. (1929). The measurement of verbal and numerical abilities // *Archives of Psychology*. N 107.

Sharp S. E. (1899). Individual psychology: A study in psychological method // *American Journal of Psychology*. Vol. 10. N 3. P. 329–391.

Spearman C. E. (1923). *The Nature of “Intelligence” and the Principles of Cognition*. London: Macmillan and Co., Limited, St. Martin’s Street.

Sternberg R. J. (2006). The nature of creativity // *Creativity Research Journal*. Vol. 18 (1). P. 87–98.

Susokolova I. A. (2009). Matematičeskie modeli v psihologii // *Psihologija i psihotekhnika*. Sentâbr’, N 9 (12). S. 39–47.

Susokolova I. A. (2016). Ob’ektivno-ëmpiričeskie issledovaniâ vysšej formy psihiki. K 150-letiju osnovaniâ psihometrii // *Odarennij rebenok*. N 2. S. 6–33; N 3. S. 13–38.

Terman L. M., Oden M. H. (1940). Status of the California gifted group at the end of sixteen years // *Yearbook of National Society of Study of Education*. Vol. 39. Part 1. P. 67–89.

Thorndike E. L. (1924). Measurement of intelligence // *The Psychological Review*. Vol. 31 (3). P. 219–252.

Thorndike E. L., Bregman E., Cobb M., Woodyard E. (1927). *The Measurement of Intelligence*. New York: ARNO PRESS, A New York Times Company.

Urban K. K. (1991). Recent trends in creativity research and theory in Western Europe // *European Journal of High Ability*. Vol. 1. Issue 1. P. 99–113.

Vygotskij L. S. (1982–1984). *Sobranie sočinenij v 6 t.* M.: Pedagogika.

Ward Th. B., Kolomyts Yu. (2010). Cognition and creativity // The Cambridge Handbook of Creativity. Ed. by J. C. Kaufman, R. J. Sternberg. Cambridge: Cambridge University Press. P. 93–112.

White W. F. (1990). Divergent thinking vs. convergent thinking — a GT anomaly // Education. Vol. 111 (2). P. 208–213.

Wissler C. (1901). The correlation of mental and physical traits // Psychological Monographs. Vol. 3 (6).

Woodworth R. S. (1921). Psychology: A Study of Mental Life. New York: Henry Holt and Company.

Section EVENTS OF PSYCHOLOGICAL LIFE

IN MEMORY OF VERA ALEXANDROVNA KOLTSOVA

The obituary is dedicated to Professor V. A. Koltsova, Deputy Director of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. V. A. Koltsova is a specialist in the field of history of psychology, historical psychology and methodology of history of psychology. Her publications are more than 150, she was the editor of several editions of the classics of Russian psychology, the organizer of many conferences on history of psychology, the creator of the Scientific psychological archive at the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, conducted active teaching activities.

Keywords: V. A. Koltsova, history of psychology, historical psychology, scientific activity, publications, organizational activity.

DOI: 10.7868/S1819265318040143

Citation: Kharitonova E. V., Tugaybaeva B. N. (2018). Pamâti Very Aleksandrovny Kol'covoj [In memory of Vera Alexandrovna Koltsova] // Metodologiâ i istoriâ psihologii. Iss. 4. P. 175–177.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балин, Виктор Дмитриевич — доктор психологических наук, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

Эл. адрес: viktorbalin@yandex.ru

Беломестнова, Нина Васильевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Санкт-Петербург, Россия.

Эл. адрес: belomestnovanina@bk.ru

Вассерман, Людвиг Иосифович — доктор медицинских наук, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, ведущий научный сотрудник лаборатории клинической психологии Научно-исследовательского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева. Санкт-Петербург, Россия.

Эл. адрес: psy_lab@inbox.ru.

Вильш, Иоланта — доктор технических наук, хабилитированный доктор гуманитарных наук, профессор Варшавского университета им. Марии Склодовской-Кюри. Варшава, Польша.

Эл. адрес: jolanta.wilsz@gmail.com

Вультей, Герман (1555–1634) — доктор права, ректор Марбургского университета. Марбург, Германия.

Логвинова, Ирина Владимировна — психолог Государственного дошкольного учреждения № 136. Краснодар, Россия.

Эл. адрес: logvinova2000@rambler.ru

Логинова, Наталья Анатольевна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

Эл. адрес: n_a_loginova@mail.ru

Люк, Хельмут Эккехарт — доктор психологии, эмеритированный профессор Хагенского университета. Хаген, Германия.

Эл. адрес: helmut.lueck@fernuni-hagen.de

Мазилов, Владимир Александрович — доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. Ярославль, Россия.

Эл. адрес: v.mazilov@yspu.org

Меньшикова, Лариса Владимировна — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики Новосибирского государственного технического университета. Новосибирск, Россия.

Эл. адрес: melavl@mail.ru

Степанова, Юлия Владимировна — аспирант кафедры медицинской пси-

хологии и психофизиологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

Эл. адрес: stepanova7.93@mail.ru

Стоюхина, Наталья Юрьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия.

Эл. адрес: natast0@rambler.ru

Сусоколова, Ирина Александровна — кандидат психологических наук, независимый исследователь. Бремен, Германия.

Эл. адрес: irinasousokolova@yahoo.com

Тугайбаева, Батима Нагимовна — помощник директора по аспирантуре и по международным связям Института психологии Российской академии наук. Москва, Россия.

Эл. адрес: batima-1@rambler.ru

Харитоновна, Елена Владимировна — кандидат психологических наук, ученый секретарь Института психологии Российской академии наук. Москва, Россия.

Эл. адрес: kharitonova-fish@mail.ru

Чередникова, Татьяна Владимировна — доктор психологических наук, медицинский психолог СПб ГБУЗ «Психоневрологический диспансер Фрунзенского района». Санкт-Петербург, Россия.

Эл. адрес: tvchered01@inbox.ru

Научный теоретико-методологический и историко-психологический журнал
«МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ»

Сайт журнала: <http://mhp-journal.ru>

Международный стандартный номер периодического издания: ISSN 1819-2653

Свидетельство о государственной регистрации: ПИ ФС77-35640 от 17.03.2009

Адрес редакции: 121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект,
д. 34, стр. 14, ком. 300. E-mail: ignikkar@mail.ru

Ответственные редакторы: И. Н. Карицкий, Н. А. Логинова.

Редактор английского языка: А. А. Костригин.

Корректоры: Н. С. Самбу, А. А. Соболева.

Компьютерная верстка: Г. Ю. Федотова.

Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 16,9.

Печать офсетная. Бумага офсетная 80 г./кв.м. Гарнитура Newton.

Тираж 200 экз. Заказ № .

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский переулок, д. 6.

Сайт: www.tnauka.ru. Тел.: 8-499-241-9464

Scientific journal
«Methodology and History of Psychology»

The journal is published since 2006

Website: <http://mhp-journal.ru/eng>

ISSN 1819-2653

The journal is published 4 times a year

Editorial Team

V. F. Petrenko (Editor-in-Chief, Moscow, Russia),
Yu. I. Aleksandrov (Moscow, Russia),
V. M. Allakhverdov (St. Petersburg, Russia),
A. A. Demidov (Moscow, Russia),
I. N. Karitsky (Deputy Editor, Moscow, Russia),
D. A. Leontiev (Moscow, Russia),
V. A. Mazilov (Yaroslavl, Russia),
S. P. Senuschenkov (Krasnodar, Russia),
A. V. Yurevich (Deputy Editor, Moscow, Russia)

International Advisory Board

Ch. I. Abramson (Stillwater, Oklahoma, USA), H. Lück (Hagen, Germany),
R. Smith (Lancaster, UK), K. Shigemasu (Tokyo, Japan),
J. Valsiner (Aalborg, Denmark), V. A. Yanchuk (Minsk, Belarus)

Address of the editorial office: 121170, Russia, Moscow, Kutuzovsky prospect,
34, building 14, room 300. E-mail: ignikkar@mail.ru

